

**...И ПОМНИТ
ВСЯ
РОССИЯ**
*(Читайте
стр. 16—17.)*

Александр
Косарев —
сын времени

БАМ.
В поисках
работы

Юрий Нагибин.
Новый рассказ

Г. Хазанов.
Сатира —
жизнь моя

Застой совести.
Судебный очерк

БИЗОН

ISSN 0131-6656

Николай ТРУЩЕНКО,
доктор исторических наук,
профессор

Александр Косарев,
генеральный секретарь ЦК
ВЛКСМ с 1929 по 1938 год.
Где бы он ни работал, какой
бы пост в комсомоле ни
занимал, всегда оставался
самим собой, в нем, по
словам современников,
«продолжал жить рабочий
паренек».
Совсем юные и взрослые,
школьники и маститые
ученые обращались
к Косареву за советом
и помощью, потому что
знали: обязательно
отзовется, поддержит.
И звали его просто Саша.

ва жило в памяти современников. После XX съезда партии Косарев был реабилитирован.

Его биография начиналась обыденно, как и у многих тысяч детей из деревенской пролетарской семьи — многодетной, перебывающей с копейки на копейку. Родился Саша в 1903 году на Благушке — северо-восточной окраине рабочей Москвы. Окончил церковно-приходскую школу. Работать начал девять лет, на цинковальном заводе. Рассказывал об этом так: «Привел меня мастер в темный сарай. Потолки низкие, пол земляной, на окнах решетки, словно в тюрьме. В пол врыты травильно-промывочные ванны, в которых мы, стоя на коленях — а земля всегда была сырой — промывали посуду перед цинкованием. Если даже около завода было трудно дышать, то каково же было нам, рабочим, по двадцать четырнадцать часов дышать кислотными испарениями и газом. Придешь домой, во рту горько, руки в язвах...»

На благушенских предприятиях Косарев познакомился с большевиками и впервые прочитал рабочую газету «Правда», участвовал в забастовках солидарности.

Сразу после социалистической революции в Петрограде вступил в молодежный красногвардейский отряд под командованием Альфреда Лапина.

Недавно в Центральном архиве ВЛКСМ я разыскал интересный документ: протокольную запись ночного заседания бюро ЦК РКСМ от 18 октября 1919 года. Горстка руководителей главного комсомольского штаба собралась той ночью, чтобы экстренно решить вопрос: «На Питер наступают полчища генерала Юденича. Срочно нужна помощь. Откуда взять ее, если все способные держать оружие уже на фронте? Как помочь питерцам?» Решили послать из Москвы символический отряд из двадцати комсомольцев. Попросился

Домой приходил далеко за полночь.

Это было время бурного строительства социализма и суворой борьбы с его противниками. В двадцать один год Косарев уже работал первым секретарем Пензенского губкома комсомола. В двадцать четыре — избрали секретарем Московского, а вскоре и Центрального Комитета ВЛКСМ. В двадцать шесть он стал генеральным секретарем ЦК комсомола.

Больше всего Косареву претил метод подбора комсомольского актива «под себя» или по принципу кумовства, семейственности.

— Живого, сильного, смелого парня рабочего, который не заглядывает начальству в рот, не все наши работники выдвигают, — говорил он на VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ. — Зачем, мол, связываться. Эта пролетарская публика, если считает себя правой, то, какие бы ты эпитеты ни носил, она с большевистской страстью пойдет на тебя в штыки. Вот почему некоторые и побаиваются выдвигать таких товарищ, а выдвигают тех, кто демонстрирует «верноподданность».

Администрирование, заседательскую суету и директивную бесполковщину Косарев называл «близнецами, существование которых одинаково вредно влияет на работу».

— За дымовой завесой бесчисленных заседаний, — рассуждал он, — иные комитеты не замечают, что интересует и волнует нашу молодежь. В поисках чего-то необыкновенного наши рыцари заседаний и бесплодных директив совершают путешествие на край здравого смысла. Им невдомек, что их затеи, важно именуемые инициативой комитета, есть не что иное, как обычная канцелярщина.

Косарев беспощадно критиковал и «кабинетных» руководителей в комсомоле — он сам не любил засиживаться в четырех стенах. Его избрали гене-

вод — от ударника до директора — «живет дефицитной деталью». Она была своеобразной «царицей» производства, капризно диктовала темп работы конвейеру. По предложению Косарева по следам этой «царицы» пошла «легкая кавалерия» (предшественница современного «Комсомольского прожектора»). Слабым местом оказалось планирование. Комсомольцы выдумали встречный план и этим заставили администрацию внимательнее отнести к организации труда рабочих.

Косарев был вездесущ. Его видели всюду — в цехах, в общежитиях, в рабочих столовых и магазинах; во все знали, потому и требования к дирекции, парткому и заводу выдвигал конкретные. А в один из выходных дней организовал массовую вылазку молодежи на зеленый берег Волги и отдыхал с рабочими целый день. Это начисто сразило администраторов, нацеленных на одно — «гнать план».

Всю работу на производстве комсомольцы подчинили лозунгу «Даешь пятьдесятничий трактор!». А когда этот призыв был выполнен, право свести трактор с конвейера было предоставлено Александру. Машину подарили комсомолу. Позднее по предложению Косарева трактор был передан Намanganской комсомольской организации, ударно работавшей на хлопковых полях.

Поддерживая интересные предложения, поощряя их авторов, Косарев сердился, когда сталкивался с фактами «служебного» plagiarisma. Однажды на заседании бюро МК комсомола обсуждался важный вопрос. Косарев слушал его внимательно, но через несколько минут заснул. Задал несколько вопросов. Докладчик отвечал путано и в конце концов замолчал, сконфуженный.

— Ну, что молчишь? — спросил Косарев резко. — Кто доклад готовил: сам

ПРОБУЖДЕН

Мое знакомство с ним было чисто визуальным. В начале 1938 года нам, школьникам, готовящимся к вступлению в комсомол, порекомендовали прочитать перед заседанием бюро райкома последние речи Косарева. Но привлекли мальчишеское внимание не речи, а фотографии: «Косарев среди челюскинцев», «Косарев и Чкалов». На одной из фотографий — Косарев со Сталиным. Они приветливо смотрят друг на друга. Сталин даже ласково, по-отечески.

Я был комсомольцем, когда в мае 1938 года Косарев приехал в мой родной город снимать с работы первого секретаря обкома комсомола Бориса Флаксмана — «врага народа»...

— Читали речь товарища Косарева? — спросила нас на уроке учительница по истории. — Сильная речь, настоящего сталинца...

А несколько месяцев спустя по совету той же учительницы мы штудировали «Комсомольскую правду», где сообщалось, что Косарева сняли с работы, а потом объявили «врагом народа». Какое-то время его имя дружно чернили газеты — центральные и местные, — потом оно ушло в небытие.

Но так только казалось. Имя Косаре-

ва отряд и Косарев, но снова получил ответ: «Сиди, мал еще для фронта. Потребуешься — сами призовем!»

Вот тогда-то и проявился характер молодого коммуниста (Саша вступил в партию незадолго до этого, в неполные шестнадцать лет). Тайком от родных, от партийной ячейки он удрал на фронт с «комсомольским» отрядом...

Отгремели бои за Питер. Саша работал инструктором Василеостровского райкома РКСМ. Через полтора года вернулся в Москву — уже опытным комсомольским работником. И сразу был назначен секретарем Бауманского райкома комсомола.

Шел 1921 год. Сложным для молодого секретаря райкома было это время. Предшествовавший период был так прост: ясно, где свои, где враги. Теперь же энгельман идет по тротуару с видом победителя, бросает беззривко прохожему рабочему: «А ну, посторонись, это тебе не восемнадцатый год...»

Масса неотложных дел навалилась на Косарева: надо организовывать комсомольские субботники, защищать интересы молодых рабочих и подростков на предприятиях (повсюду безработица), проводить «кружечный» сбор средств и продовольствия для голодающих Поволжья.

ральным секретарем ЦК ВЛКСМ 24 марта 1929 года. Целую неделю «надрывался» его телефон. Косарев исчез. Как сообщила чуть позже «Комсомольская правда», он выехал в Харьков для разъяснения молодежи решений пленума ЦК ВЛКСМ.

Отвергая «кабинетный» стиль, Косарев был и противником бесцельных поездок ответственных работников в первичные комсомольские организации, называл их «гастролями». Он запретил выезды в первички за сбором сведений. А местным работникам даже советовал высовывать таких «гастролеров».

17 июня 1930 года первый трактор сошел с конвейера Сталлинградского тракторного завода. Но первый год принес много неудач: завод лихорадило, станки ломались, часто останавливались конвейеры. Комсомольское руководство СТЗ растерялось. Молодежь завода нуждалась в срочной помощи. На СТЗ выехала бригада ЦК ВЛКСМ во главе с Косаревым.

Генеральный секретарь ЦК комсомола, одетый в синюю спецовку, ходил по цехам завода. А вечером во всех цехах и сменах комсомольцы и рабочая молодежь собирались обсудить вопрос: как наладить ритмичный выпуск тракторов. Общими усилиями установили: весь за-

или подчиненные без твоего участия писали?

Через минуту выяснилось, что автором интересных предложений, содержащихся в докладе, был другой работник, которого даже не пригласили на заседание бюро. Косарев настоял, чтобы вопрос этот с обсуждения сняли и на следующий раз вызвали работника, выдвинувшего толковые предложения.

Сам Косарев редко выступал по заготовленному тексту. Хотя писал много — и статей, и брошюр.

Аресты комсомольских работников начались в 1937 году. Первыми жертвами репрессий стали три секретаря ЦК ВЛКСМ — С. Салтанов, Д. Лукьянов, И. Файнберг, друг Косарева редактор «Комсомольской правды» В. Бубекин и многие другие. Перед комсомольскими работниками была поставлена задача: ищите врагов народа в своей среде. Через некоторое время прошли аресты секретарей обкомов ВЛКСМ и ЦК комсомола республик. Та же участь не миновала и секретаря Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи Василия Чемоданова. Сейчас, столько лет спустя, объяснить поведение Косарева трудно, но, к сожалению, нужно признать, что сам он не был всегда объективен, не всем, кому, на-

Ч

верное, мог помочь, помог.

В августе 1937 года состоялся IV пленум ЦК ВЛКСМ, он продолжался восемь дней. Для многих сидевших в зале это были дни тягостного предчувствия — последние дни свободы. В духе резолюции, принятой по настоянию Кагановича, 29 августа была опубликована передовица в «Комсомольской правде». Кто-то лихо поработал над текстом, высветив имя Косарева в необычном для читателей свете.

А за месяц до пленума, 21 июля, Сталин вызвал его и секретаря ЦК ВЛКСМ Павла Горшенина и Валентину Пикину. «На ту беседу», — вспоминает В. Ф. Пикина, — Сталин пригласил наркома внутренних дел Ежова. Разговоршел трудный. Сталин упрекал Косарева в том, что ЦК комсомола не помогает органам внутренних дел разоблачать врагов народа, что без помощи ЦК ВЛКСМ арестовано много руководящих работников комсомола. Косарев старался объяснить Сталину, что Центральный Комитет ВЛКСМ никакими материалами, компрометирующими этих товарищеских, не располагает, а потому никакой помощи органамказать не может».

Косарев все ждал, когда Сталин заговорит о работе комсомола, о его ре-

альных проблемах. Но тот вел беседу в одном направлении: ЦК должен помочь разоблачать врагов народа в комсомоле.

«Уходили мы от Сталина с очень тяжелым чувством, — рассказывала Пикина, — Мы поняли, что он остался недоволен нами, особенно А. В. Косаревым, которому по окончании беседы бросил упрек: «Вы не хотите возглавить эту работу».

После пленума «Комсомольская правда» вдруг одним махом изменила тон сообщений о Косареве. Он по-прежнему был генеральным секретарем ЦК комсомола, но в его адрес стали допускаться резко критические, а порой и оскорбительные замечания.

Сегодня это кажется чудовищным, но в те годы даже дети репрессированных — юноши и девушки — подчас велись в виновность своих отцов. И публично отрекались от них. Чем это было обусловлено? Лицемерием, трусостью, опасением за свою собственную жизнь? Было и это. Но чаще всего причиной была лишь слепая, фанатичная вера.

Образ мышления Косарева и его современников формировался под впечатлением громких судебных процессов, начавшихся в 1934 году. На сознание молодежи воздействовали многочисленные публикации о допросах и признаниях обвиняемых — людей известных, еще совсем недавно популярных в стране. Некоторые из них привлекались к суду неоднократно, и каждый раз — по более серьезным обвинениям. Если у кого-то изредка и возникали сомнения в справедливости этих обвинений, то слепая вера в чистоту карающей десницы тут же отмечала подобные сомнения.

После августовского пленума ЦК ВЛКСМ, на котором Косарев получил угрожающий сигнал, он не впал в панику, не сломился. Несмотря на грубые нападки в печати, по существу, полити-

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ.

ческую компрометацию, Саша поехал в командировку — на отчетно-выборные собрания и конференции Донецкой и Харьковской комсомольских организаций.

Из Донбасса с бригадой ЦК Косарев поехал в Харьков — на городскую конференцию. Вот как рассказывал о ней заведующий отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ Виктор Сорокин:

— Обычно комсомольские конференции проходили живо, и уж без песни никогда не обходилось... Но на этой ничего подобного не было. Делегаты быстро расселись по местам, в зале наступила гробовая тишина. Прения шли вяло. Прошел примерно час, и Косарев тихо сказал мне:

— Ты не замечал, что люди чем-то придавлены? В чем дело?

Вскоре все выяснилось. Перед первым слово предоставили председателю мандатной комиссии. На трибуну вышел человек в форме НКВД и заявил:

— К нам поступили сведения, что руководящие работники Богодуховского РК КП(б)У арестованы. С ними долгое время работала нынешний секретарь Харьковского обкома ЛКСМУ Дунашева. Есть предложение исключить ее из состава делегатов конференции как врага народа.

Косарев буквально подскочил на стул. Это движение не осталось не замеченным и в зале, и в президиуме. Наступила тишина. Ждали, что скажет секретарь ЦК ВЛКСМ.

Наконец председатель спросил:

— Какие будут предложения?

Все молчали, молчала и Дунашева.

Взял слово Косарев. Он предложил сделать перерыв, а затем обсудить вопрос о Дунашевой.

Александр позвонил секретарю обкома КП(б)У Гикало. Тот ответил, что доверяет товарищу Дунашевой и нет никаких оснований снимать ее с работы секретаря обкома. Выяснилось, что на предыдущих заседаниях уже несколько делегатов исключены из состава конференции за связь с «врагами народа».

Косарев долго беседовал с Дунашевой и высказал недовольство ее поведением на конференции, тем, что она даже не попыталась возразить председателю мандатной комиссии.

После перерыва Александр обратился к делегатам:

— Вы посмотрите, что у вас творится. Вы боитесь смотреть друг другу в глаза. Вы не доверяете друг другу. Вы исключаете делегатов конференции за связь с «врагами народа», не разбравшись в существе дела.

Его выступление прерывалось сначала робкими, а затем все более дружными аплодисментами. С трибуны Косарев уходил под гром оваций. Но на лице его не было радости.

3 октября 1937 года А. В. Косарев написал Сталину записку, в которой, как свидетельствует В. Ф. Пикина, было указано: «Мною получено в Харькове до 150 заявлений о неправильном исключении из комсомола и снятии с работы по мотивам связи с врагами, враждебной работы и т. п. По малейшему поводу и зачастую без разбора исключают из комсомола... Самостояховка выгодна врагам партии, потому что честных людей на основании простых слухов, без разбора, без малейшей проверки выгоняют из наших рядов, тем самым озлобляют их против нас. Отказ от разбора предъявляемых обвинений, имевший место в Харькове, выгоден только нашим врагам».

Но остановить процесс репрессий комсомольских работников уже было невозможно.

В октябре 1938 года бывшая инструктор ЦК ВЛКСМ Мишакова написала заявление Сталину, в котором оклеветала многих партийных и советских работников, называя их врагами народа, а себя представив пострадавшей за борьбу с ними.

13 ноября Косарев, мрачный, как туча, ссылаясь на «указание свыше», предложил членам бюро принять решение «восстановить т. Мишакову на работу инструктором ЦК ВЛКСМ как неправильно освобожденную с этой работы в аппарате ЦК». Члены бюро сидели как оплеванные. Все понимали, они молча смотрели на Косарева, искренне ему сочувствуя. Стыдно было не за себя. За собственное бессилие.

О дальнейшем развитии событий рассказал В. Ф. Пикина: «По указанию Сталина 19—22 ноября 1938 года был создан пленум ЦК ВЛКСМ, на котором лично присутствовали Сталин, Молотов, Маленков. Выступая на нем, Сталин взял под защиту Мишакову, а справедливые действия ЦК ВЛКСМ расценили как пособничество врагам народа. На заявление одного из ораторов о том, что в работе комсомола имеется много ошибок, Сталин ответил: «А может, это система, а не ошибки? Слишком уж много ошибок. Два года вредительство ликвидируется, а ошибок все еще очень много. Нет ли тут системы? На предъявленные обвинения А. В. Косарев заявил: «Лично я чувствую себя абсолютно спокойным. Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу. И не изменю». Косарев был снят с работы.

Я хорошо помню наш последний разговор с ним. Кончилось заседание пленума. Александр Васильевич зашел в свой, теперь уже бывший, кабинет. Следом зашла я. Мы долго разговаривали с ним. Он говорил, что не все кончено, что он будет писать Сталину».

Никто, кроме близких и родных, не в состоянии рассказать о днях, прожитых Александром после того зловещего пленума. Вот рассказ Марии Викторовны Нанайшили, жены Косарева:

«Он вернулся с пленума в смятении. Но покоя не было и дома. Мы жили тогда на даче. Выходишь в парк — за каждым деревом стоят, смотрят. Он говорит: «Я так не могу, поедем к маме».

Сели в машину. Обычно, когда подъезжали к КП, ворота тут же раскрывались. А тут заперты. Через какое-то время их все же открыли. Мы выехали. А за нами — хвост, другая машина. Мы — к Сашиной маме, а они — за нами. Саша говорит: «Что толку...»

Вернулись на дачу.

Так прошло три дня. На четвертый он пытался позвонить Сталину.

— Не волнуйся, Саша, — успокоили его из приемной. — Ты изнервничался, устал. Все будет в порядке. Пошли на работу. Все обойдется.

Саша буквально ожила. «Поедем куда-нибудь, допустим, на Дальний Восток. Будем там работать». У него словно крылья выросли.

Потом мы поднялись к себе в спальню, слышим телефон — «дрын-дрын-дрын». Саша снял трубку — молчание. Звонит в ЦК комсомола дежурному: «Мне никто не звонил?» «Нет, никто».

Я говорю: «Саша, ты слышишь шаги на лестнице?» «Встань, посмотри», — отвечает. Я открыла дверь спальни.

Поднимается, никогда этого не забуду, человек в форме — и в носках! На цыпочках! С каким-то длинным, желтым лицом...

За «врагом народа» Косаревым приехал сам Берия, — вспоминает В. Ф. Пикина. — Кажется, это был первый случай, когда Берия присутствовал при аресте. Косарева он ненавидел».

Из рассказа Марии Викторовны Нанайшили:

«Вот они вошли. «Товарищ Косарев, одевайтесь, поедем». Саша белый стал, прямо матовый. «Напрасно», — говорит, — это вы. Я честный человек». «Ничего — там разберутся. Поедем». Я спрашиваю: «А вещи какие-нибудь надо?» «Ничего не надо, завтра все передадите. Только скорей, скорей».

Когда его уже выводили, меня как молнией ударило. Я говорю: «Саша, погоджи! Больше ведь не увижу...»

выборах штаба ЦК комсомола на БАМе, прошедших осенью прошлого года, «Смена» уже писала.

Кульминацией тех событий на БАМе стало обсуждение «Долговременной государственной программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года», разработанной Госпланом СССР в 1987 году. В нее, по признанию одного из авторов, с помощью ножниц и клея была вмонтирована старая, не принятая ранее правительственными и партийными органами программа развития зоны БАМа. Новый документ был подвергнут достаточно ожесточенной критике — как экспертами и научными консультантами, так и представителями трудовых коллективов и населения зоны БАМа. Отмечу лишь основные слабости «Программы».

Вся ее социально-культурная часть низведена до перечисления (по министерствам, административно-территориальным участкам и пятилеткам) объемов строительства жилья, детских, школьных и лечебных учреждений. Ни одного клуба, музея, дворца спорта, парка, кинотеатра, культурного центра, библиотеки, стадиона, бассейна, санатория, курорта, института, техникума, ресторана, гостиницы, кемпинга и тому подобного «Программой» не предусматривается, хотя производственные объекты расписаны с удручающей скрупулезностью, вплоть до селекционной станции с двадцатью сотрудниками.

Строительная программа ориентирована исключительно на железобетонное домостроение — самое неподходящее для местных условий, — к тому же с использованием явно устаревших либо не соответствующих здешним условиям серий домов.

«Программа» не дает никаких представлений о том, что видится здесь в идеале, будут ли к 2000 году реализованы те или иные идеи или модели, теоретические построения, либо 2000 год — всего лишь некоторый временной рубеж в этой реализации, либо вообще никаких теорий, идей и целей просто нет...

Весьма спорна и сомнительна ориентация на самообеспечение сельскохозяйственной продукцией. Сама по себе перспектива создания животноводческих комплексов в зоне БАМа вызывает серьезные опасения: по своему воздействию на окружающую среду один свинооткормочный комплекс может быть приравнен к городу с населением в 100 тысяч жителей. (Самый большой город на БАМе — Неронгри — насчитывает, включая поселки, всего 81 тысячу.) При этом себестоимость килограмма мяса даже на юге Амурской области достигает 18 рублей. При отсутствии какой-либо местной кормовой базы, квалифицированных кадров и материально-технической основы какова будет себестоимость мяса в Тынде?

Так как «Программой» не предусматривается создание каких бы то ни было техникумов, институтов, ПТУ, то она, естественно, воспринимается как документ, рассчитанный на одно поколение жителей: дети нынешнего поколения должны будут уезжать отсюда, чтобы получить образование, специальность и работу. Да это уже и происходит. Демографическая ситуация на БАМе (высокая рождаемость, многодетность) в «Программе» не рассматривается, и все расчеты строятся на среднесоюзных показателях. Между прочим (хотя это совсем не между прочим, а, пожалуй, самое важное), социально-культурная неустроенность — одна из причин высокой катастрофически высокой детской смертности на БАМе. Местные кладбища «заселе-

ны» вовсе не стариками, которых здесь еще очень мало, а детьми и пьяницами.

И все это лишь отдельные штрихи, даже не абрис критики «Программы». К части Госплана, следует признать, что данный документ имеет открытый характер и в принципе предназначен для широкого обсуждения в трудовых коллективах. Жаль только, что такую принципиальную возможность (крайне редкую в практике Госплана) сами же работники этого ведомства пытались свести к привычному келейному рассмотрению среди «своих».

Лейтмотивом многих выступлений при обсуждении «Программы» звучал призыв к переходу от строительства в зоне БАМа к освоению этой зоны. Никто, правда, так и не мог дать убедительного толкования, что же такое «освоение», хотя версий и гипотез было высказано достаточно. Многие вопросы поставлены, но остались без ответа. Многие проблемы вскрыты и подняты, но не решены. В их напряженном и мучительном ряду — экологические проблемы, необычайно ярко, зримо, рельефно сопряженные с проблемами демократизации, духовности бытия, культуры и истории. Проблемы национальные, политические, нравственные...

В ряду важнейших стоит выделить конгломерат проблем научного освоения. Прошло уже четыре военосоюзных конференции и состоялось двадцать пять научных советов по БАМу. Изучая эти материалы, видишь полное отсутствие преемственности. Гигиенисты и медико-географы присутствовали только на одной конференции. Были выданы аванссы и заказы на последующие исследования. Но широкая научная общественность уже никогда не узнает хода этих работ: тематические жанры сменялись, и к ним не возвращались. Даже удивительно, как некоторым ученым удалось проводить свои исследо-

вания на БАМе в течение 15 лет. Впрочем, один способ известен: для этого следует менять место работы и уходить туда, где еще сохраняются, а еще лучше — разворачиваются исследования по БАМу.

При этом сказать, что зона БАМа все-сторонне изучена, также нельзя, так как никто не определял, сколько и каких должно быть этих сторон. Ну, например, археологических, этнографических исследований явно недостаточно. Синологи, политологи вообще не выходили на этот плацдарм. И, как выясняется, зря.

Имела место и определенная прерывистость в исследованиях, судорожные возвраты к уже проведенным исследованиям, их подновление и очередное завершение. Таковы, например, исследования в области смежных видов транспорта — морского, автомобильного, речного, авиационного. Итог этих разработок таков, что зона БАМа в настоящее время и в обозримой перспективе лишена необходимой сети автодорог. Железнодорожная магистраль вынуждена выполнять не свойственные ей функции местного развоза и сообщения.

Исследования чаще всего проводились уже после принятия решения и были, следовательно, не исследованиями, а наукообразными оправданиями того, что уже сделано либо решено.

Масштаб научных исследований также не соответствует требованиям практики. Так произошло с Северо-Муйским туннелем. Туннелестроителям был выдан аванс в виде скального монолита. В ходе же работ выяснилось (с жертвами, катастрофами и авариями), что трасса проложена по тектоническим разломам, с удивительной и роковой точностью попадания в самые тяжелые и невероятные условия.

Ни одно решение не явилось результатом конкурса научных идей и концепций. Каждый раз это было единствен-

БАМ

Александр ЛЕВИНТОВ,
кандидат географических наук

KATO

КАТО

ное решение (варианты, предлагаемые в рамках одной разработки, — всего лишь варианты, а вовсе не принципиальные — по методу и концепции — альтернативы). Боязнь конкуренции, оторваживание своей тематики от внешнего мира и воздействия, сооружение глухих мембран и научных куреней и всегда-то небезопасны, а при исследовании единого объекта, каким является зона БАМа, чреваты.

Здесь самое время сказать о соотношении академической, фундаментальной науки, региональных и отраслевых исследований. Во-первых, из-за ведомственно-местнических перегородок фундаментальная наука реально не взяла на себя роль координатора, ограничившись проведением конференций и принятием резолюций. Во-вторых, отраслевые и региональные исследования оказались в разных «весовых категориях». Сверхмощные отраслевые институты и стоящие за ними всесоюзные министерства и ведомства откровенно правили бал, а региональные золушки стояли у окон дворца и выполняли работы мелкие, черные и незаметные.

На БАМе проявилась и еще одна негативная черта всей науки в восточной части страны. Речь идет о ее персонифицированном характере. Спрашиваем в одном хабаровском институте: «А почему у вас закрылась тематика по БАМу?» — «Руководитель работ переехал в Ростов». В Иркутске: «Уехал в Свердловск», «Уехал в Москву». А вот еще один вариант ответа: «Наше новое руководство больше интересуется КАТЭКом. У нового директора докторская по КАТЭКу». И так далее. Уехал научный лидер — и нет важнейших для региона отрасли, страны исследований.

И все-таки, как ни тяжела ситуация с научным освоением зоны БАМа, а планка, преодоленная наукой, просто недостижима для проектирования. Разрыв между наукой и проектированием непозволительно, преступно огромный. На полках пылятся исследования, а проектировщики принимают слепые решения методом «там посмотрим».

Природа играет со строителями и военными злую шутку, напоминающую кошки-мышки. Последние годы (шесть из семи) были засушливыми и маловод-

ными. Достаточно сильного, даже не катастрофического, увлажнения — и построенное на высокотемпературной мерзлоте — хлоп! — исчезнет бесследно в коварных хляях. Ученые-мерзлотники рекомендуют, предупреждают, предостерегают, однако их прогнозы остаются втуне, как невыгодные и не соответствующие сиюминутным интересам. При обсуждении слабой связи науки с практикой, очевидно, следует не только обвинять науку в непрактичности, но и выявлять причины, по которым практика упорно не желает учитывать научных предсказаний и предупреждений: слишком она ориентирована на узкий круг сегодняшних бед и забот, а ответственность реальна лишь на ковре у начальника и обрывается за проходной ведомства, района, области. Собственно за жизнь на БАМе во всей ее полноте и сложности не отвечает никто — ни в одиночку, ни коллегиально.

Такова на сегодняшний день научная обеспеченность «Программы», отдельных знаний вроде много, а концепции нет. И никто не представляет себе, какой должна быть в идеале зона БАМа.

Раздел «Программы», посвященный охране природы, занимает менее страниц и настолько формален, что не может рассматриваться как объект для критики:

— «в бассейне озера Байкал — предусмотрено осуществление мер по полному прекращению сброса в озеро неочищенных сточных вод, сокращению выбросов вредных веществ в атмосферу, резкому улучшению санитарного состояния населенных мест, соблюдению природоохраных требований во всех видах хозяйственной деятельности, созданию заповедных территорий и национальных парков»;

— «в зоне лесов — предусматриваются интенсивное лесовосстановление, рациональное использование всех природных и биологических ресурсов лесов Дальнего Востока, уменьшение заготовок кедровой древесины, строгое соблюдение правил рубок лесов и лесопользования, повышение эффективности охотничьего хозяйства».

У нас стало тривиальным словосочетание — «национальное природопользование» либо «национальное использование естественных ресурсов». И уже мало кто задумывается над тем, может ли такое быть вообще? На извлечение и переработку тех или иных видов сырья, топлива, природных материалов отвлекаются огромные массы средств — материальных, финансовых, трудовых, технических. Львиная доля науки отдана этой проблематике. Опыт БАМа с наглядностью и очевидностью возвращает нас к изначальному вопросу о проблематичности и принципиальной возможности (правильнее — невозможности) рационального освоения и использования естественных ресурсов. Вот только два примера.

Себестоимость коксующегося угля, добываемого в Нерюнгри, составляет 35 рублей за тонну. Продаем его в Японию по 32—33 рубля. А ведь уголь еще надо доставить до порта Восточный! Кстати, и добыча-то производится преимущественно с помощью японской и канадской техники. Странная валютно-технологическая система получается с помощью чужой техники и ради чужих нам интересов отдааем собственный естественный ресурс с убытком для себя. К этому следует также добавить, что половину добываемого угля (энергетические угли) мы вовсе не вывозим из Нерюнгри, а складируем поблизости. То же происходит со вскрышными породами. Бесконечные отвалы слабо спекающихся энергетических углей и вскрыши (по нашим оценкам, их запасы к концу века составят кучи астрономических размеров в полмиллиарда тонн), богатые тяжелыми металлами и, возможно, уже сейчас более ценные и необходимые для нас, но не составляющие интереса для Министерства угольной промышленности, «заянуты» местных недр, пока ложатся лишь тяжким грузом на себестоимость экспортируемого коксующегося угля.

В зоне БАМа под видом заготовки древесины идет интенсивное уничтожение леса, хотя уже сейчас очевидно, что лес на корню гораздо более дорогой ресурс, чем дрова, пиломатериалы, технологическая щепа, бумага, целлюлоза, спички, мебель и все прочее, что мы производим или только намереваемся производить из климаторегулятора, охранителя почвы, воды, грибных, ягодных и охотничих угодий, плантаций целебных дикоросов и естественного бальнеологического курорта, любимой всеми среди отдыха и уединения, среди обитания многих видов зверей, птиц и других организмов, источника душевного покоя и творческого подъема, красы и гордости нашей страны и нашей природы.

С горечью, болью и обидой узнали участники организационно-деятельных игр в Тынде, что даже совсем незначительные лесовосстановительные и рекультивационные работы носят сугубо бумажный, ритуальный, фиктивный характер. Отчеты лесников содержат лишь сведения о размерах лесопосадок в гектарах, а реально на тех гектарах не растет ничего: тайга невосстановима, особенно ставшие редкими, почти реликтовыми породы — кедр, пихта. И у лесников есть вал по вырубкам, гораздо более напряженный, чем по лесопосадкам.

Едешь по БАМу — как сквозь строй свидетелей обвинения, как в жутких кошмарах кладбища. Тониенская линия железной дороги — и огромные, уходящие за горизонт ареалы обезображеной земли, обгорелый и выжженый лес, черные скелеты деревьев. Тайга невосстановима. Ни естественно, ни искусственно. Природа обладает скверным характером: она не любит повторяться. При всем этом конкретного виновника и преступника искать бесполезно. Он — этот преступник — аноним и массовиден. Он — это мы, наше общество, допускающее, разрешающее и даже поощряющее подобное. И нечего оглядываться по сторонам в поисках виновного...

Что же по этому поводу говорит «Программа»? Получат дальнейшее расширение пять леспромхозов в Хабаровском крае и один в Амурской области, будет создано дополнительно 13 новых да еще сеть мощных исправительных учреждений по лесоповалу под эгидой МВД СССР. И сколько угодно могут кричать ученые и писатели по охране лесов. Без действуют право и за-

КАДА?

кон. И будут бездействовать, если верить «Программе», до конца этого века и далее.

Ну, о какой рачительности может идти речь, если реальным стимулом разворачивания тех или иных производств на БАМе является... наличие БАМа и отсутствие грузов на нем. Ведь так прямо и заявляют представители многих министерств и ведомств: размещение заводов, рудников и шахт на БАМе экономически невыгодно и не вызывается дефицитом тех или иных естественных ресурсов в стране,— но ведь надо же оправдать расходы на строительство БАМа! А, собственно, почему необходимо нести явные расходы в одной отрасли ради неочевидных доходов или даже просто ошибок другой?

ТERRITORIALLY - производственные комплексы вроде бы предназначены именно для комплексного использования естественных ресурсов. Однако это не более чем теоретическая посылка. Что связывает разобщенные сотнями километров бездорожья (сегодняшнего и завтрашнего) нерюнгринские угли, томмотские слюды, алданское золото и селигджарские апатиты?

Помимо транспорта, здесь отсутствует энергетическая общность, инженерно-коммуникационная, трудовая, экологическая, социальная, всякая любая другая, кроме административно-научной (или научно-административной?). А ведь все это есть Южно-Якутский ТПК. Даже трест «Якутскоголь» в Нерюнгри, объединяющий местную угледобычу и угледобычу в других, весьма удаленных местах, вплоть до тающей в дымке недоступности Зырянке на Колыме,— нелепая, но реальная административно-отраслевая структура Минуглепрома. Южно-Якутский ТПК, как, впрочем, и все подобные ТПК в зоне БАМа,— неубедительная и очень грустная фантазия.

Между прочим, даже в условиях территориальной разобщенности на диких и поруганных просторах зоны БАМа министерства и ведомства умудряются сталкиваться и входить в бесконечные конфликты, мешать друг другу. Не существует, например, механизмов, которые позволили бы Минуглепрому отдать в эксплуатацию Минцветмету свою неприкосновенную собственность — отвалы вскрышных работ. Но зато Минцветмет успешно перехватывает у Минуглепрома импортную карьерную технику, а вместе с тем и людей, кадры.

Критическое отношение к «Программе» складывается не только относительно того, что в ней говорится, но и о чем умалчивается.

Огромные, жизненно важные и воющие проблемы региона не включены в «Программу». Например, ничего не говорится о железнодорожных войсках на БАМе. Условия, в которых они живут и действуют, трудноописуемы. Как ни утепляй палатку, а брезент в пятнадцатиградусные морозы остается брезентом. Зимой солдаты беззащитны перед морозом, летом — перед гусем, и весь срок службы — перед собственными нравами и обычаями, более чем грубыми и нелепыми. Не следует забывать, что железнодорожные войска имеют не самое лучшее пополнение. Отсюда — крайне низкое качество строительства, отсюда — доходящая до бессмыслицы жестокость отношения к природе: не до природы, выжить бы самому.

И при всем этом при железнодорожные войска, составляя не только авангард строительства, но и пронизывая собой всю толщу строительных работ, включая пусковые, самые ответственные и парадные, по существу, выступают в роли хозяев трассы, даже когда тот или иной участок уже сдан МПС, как, например, в Зейске, официально уже сданном в эксплуатацию, но все еще находящемся в состоянии доводки, доделки и строительства.

Поездка по БАМу позволила понять, зачем устанавливаются сверхжесткие, невыполнимые сроки строительства тех или иных объектов. Вокзал в Зейске

начали строить в апреле 1987 года, а его сдача была назначена на 24 сентября того же года. 23 сентября вечером солдаты подметали перрон перед недостроенным первым этажом здания вокзала, абсолютно ненужного ни 24, ни 25 сентября, ни в какой другой день того года, так как никакого города Зейска еще не существует. Более того, совершенно неясно, нужен ли такой город и можно ли его построить именно в этом месте, на уникальной высокотемпературной мерзлоте. Так зачем нужны сумасшедшие темпы строительства? Ответ может быть только один: чтобы этой спешкой и гонкой оправдать низкий уровень качества строительства, оправдать нанесенный природе бессмыслицей ущерб, скрыть от себя самих и окружающих горькую правду — мы просто не умеем нормально строить. Ну, и помимо этого, на гонку и спешку списываются сверхнормативные расходы материалов, превышения сметной стоимости строительства, другие нарушения, искажения и просто преступления...

От железнодорожной станции Зейск надо спуститься вниз, к Зейскому водороги, чтобы сесть на «Комету», курсирующую между райцентром Зея и селом Бомнак, затерянным километрах в сорока от железной дороги.

Бомнак растянулся черными избами вдоль несуществующей более Зеи. Русские избы велики и окружены огородами, звенкийские избенки стоят в необработанных палисадах. Не огородники звенки... На другом конце Бомнака, за знаком «Проезд запрещен», в светлом, прудуваемом солнечным ветром березничке — чудом сохранившаяся могила Улукитканы, верного друга и проводника писателя и геодезиста Георгия Федосеева (она попала под затопление, да в последний момент могилу перенесли повыше). «Мать дает жизнь, годы дают мудрость» — начертаны на могильном камне слова мудрого Бельчонка-Улукитканы.

Звенкия как территория, по которой кочуют или некогда кочевали звенки, распространяется от Енисея до Тихого океана, от Заполярья до Китая. Звенки волею исторических судеб интродуцированы и рассеяны среди других кочевых и оседлых народов тайги, тундры, гор и равнин. Это сформировало их особую этнографию — мирный характер, уживчивость, доброжелательность, доверчивость («С нанайцами вы дружно живете?» — «А что нам с ними делить: нанайец не ест мяса, звенк не ест кету»). Самое же замечательное — народное звенкийское природопользование.

Мы уже осознали народную медицину как необходимое дополнение к медицине научной. Не менее богат и опыт народного природопользования. Жизнь звенков — охотников, оленеводов проходит в общине с природой. Этот диалог с тайгой, длящийся не одно столетие, гораздо богаче, национальней, мудрей, чем вся наша научная экология, построенная на системе табу или штрафов.

Во многом опыт звенкийского природопользования уже утерян. Этнос явно находится в состоянии деструкции: воровство, обман, недоверие и пьянство проникли в звенкийский мир: охотничьи и другие таежные угодья нарушены, стада оленей разрежены, да и пастбища все более удаляются от жилья (звенки союза «Заря», что под Тындиной, вынуждены пасти свои оскудевшие олены стада — всего семь с небольшим сотен голов — аж в Якутии).

Принято считать, что новое хозяйственное освоение сопровождается вспышками и распространением местных заболеваний. В зоне БАМа не без этого. Однако есть и противоположные примеры: цивилизация принесла звенкам ОРЗ — болезнь для нас привычную и неопасную, но крайне тяжелую для местного населения. Кстати, раз уж заговорили о болезнях. Весьма распространены здесь недуги, связанные с нарушением экологического режима, за-

дымленностью воздуха от бесчисленных мелких и технически несовершенных котельных. Чем холоднее, тем больше топят, тем мощнее и гуще смог, порождающий бронхиальную астму и псевдотуберкулез, отличающийся от обычного туберкулеза главным образом тем, что поддается лечению гораздо хуже. По прогнозам иркутских медико-географов, если Чара достигнет численности в 40—50 тысяч человек (это вполне реально), то при сохранении современной системы отопления город задушит сам себя.

Необходимо, пока еще не все потеряно, организовать эколого-этнографическую экспедицию по сбору и описанию звенкийского национального природопользования, а равно и других малых народов, проживающих в зоне БАМа. Открыть (хорошо бы в Бомнаке или Усть-Нюкже) звенкийский национальный университет, где звенки могли бы передать свои знания и опыт вновь прибывшим и призывающим контингентам освоенцев. Такие же национальные университеты должны иметь и другие народы. Это позволит, помимо указанной цели, сохранять и поддерживать национальное самосознание и национальную культуру. Наконец, установить резервные территории, недоступные для промышленного освоения и находящиеся полностью в ведении и распоряжении коренного населения.

Бездуховность «Программы», ее сухое убожество и безразличие к человеку порождают в людях, впервые столкнувшихся с ней, горькое недоумение. Неужели это про нас? Неужели это о нашей земле? Все обезличено, унифицировано, сосчитано...

Много на БАМе мест, привораживающих своей необычностью, потаенной либо явной красотой. Это и долина Чары с настоящей пустыней, и аэродинамические эффекты в Ханях, и глубоководные озера (мини-Байкалы) в Северном Прибайкалье, и кичерская Швейцария... Но теперь нередко ставящиеся здесь с несовместимостью природы и человеческой деятельности.

Мы сидим на поваленном кедре прямо посредине шумного Ангаракана. Выше по течению — островок из белейшей гальки, а на нем, как букет в вазе, разноцветные берески, елки, лиственницы, какие-то красные кусты. На заднем плане — серо-желтое разномастье гольцов, еще дальше — снежные пики. Вода, чистая и прозрачная, приветливо журчит по светлым камням. Но пить ее нельзя. Неприятная на вкус, она напичкана ядовитой селитрой после взрывов в Северо-Муйском туннеле. Невелик вроде бы «клад» человека: с горных вершин, с высоты птичьего полета и председательского кресла почти и незаметен, а спустившись к земле, к воде, соизмеришь с собственным ничтожным масштабом — и превращается природа из среды обитания в арену борьбы за существование...

На древнем Якутском тракте, на перевале, где некогда мерно проходили караваны неутомимых и неприхотливых верблюдов, открывается полмира. Глубоко-глубоко внизу петляет речушка. Ближние сопки в ярко-рыжих сеняхских лиственницах, дальше — сопки уже черно-рыжие, разбегающиеся к горизонту, обрамленному снежно-синими гольцами. Видимость окрест — километров сто ядерного воздуха. «Если бы директором был я», то предложил бы провести здесь зимнюю Олимпиаду, построил бы отелей, горнолыжных трасс, катков, дворцов увеселений и тому подобного. Развивал бы сибирский туризм, включающий альпинизм и скалолазание, охоту, рыбалку, уединение, русские и финские бани, лыжный и санный спорт, спелеологию, бальнеологию, сбор дикоросов. В Сибирский тур можно включить Байкал, Чару, Якутский перевал, Бомнак, Усть-Нюкжу (этнографический экскурс) и ряд других, не менее привлекательных и уникальных мест. Между прочим, у туризма и рекреации гораздо больше шансов оживить движение на БАМе, чем, на-

пример, у добывающих отраслей, на сильно насаждаемых здесь.

Как ныне организовано пассажирское движение на БАМе? Поезда крадутся ночами, так как днем продолжаются бесконечные работы по укреплению и поддержанию полотна, даже на участках, давно сданных Министерством транспортного строительства. Составы по большей части сформированы из отслуживших на других дорогах вагонов. Количество вагонов определяется в лучших традициях МПС — так, чтобы посадочные места всегда были в дефиците, и если есть потребность в пяти вагонах, то в составе их непременно будет четыре. Так создается напряженность с билетами даже при минимальном пассажиропотоке, возникают любезные железнодорожному начальству вахтовые бригады, простые смертные остаются на перронах по двое суток. К слову сказать, пассажир на БАМе исключительно дешевой. Люди ездят в командировки, по работе, «вахтуют», мотаются со своими инструментами и запчастями железнодорожные ремонтники, ездят военные строители и офицеры внутренних войск. Почти все поездки — на короткие расстояния. Поездов и пассажиров дальнего следования очень мало — сильна конкуренция авиации.

А ведь могли бы ходить тут и экскурсионно-туристические поезда, и поезда здоровья для жителей БАМа. Все они могли бы иметь в своем составе вагоны-салоны, вагоны-игротеки, вагоны-дискотеки, вагоны-библиотеки, сауны, клубы, семейные, молодежные и детские вагоны. И если кому-то это покажется фантазиями и утопиями, то советую изучить состав поездов «Россия» Москва — Владивосток в первые годы существования Транссиба — там комфорт и развлечений было куда больше, чем только что перечислено. Поездка через всю страну была не нудной скучотицей, а увлекательнейшим путешествием.

Если производственная сфера не в состоянии оправдать строительство и существование магистрали — даже когда она будет построена, то часть этих оправданий может взять на себя социально-культурная и рекреационно-туристская сферы.

А пока... пока на пустынном, продуваемом Якутском перевале горизонт чист — ни грузов, ни пассажиров, ни верблюдов...

R. S. На бамовских играх представитель Госплана СССР Юрий Павлович Терентьев, вынужденный по тем или иным пунктам признать справедливость критики, обещал, что все будет исправлено в следующем документе — целевой комплексной программе развития ТПК и промрайонов зоны БАМа. Создание этой программы начато. Определяет ее, правда, уже не Госплан СССР, а Госплан РСФСР. Так сказать, ранг пониже.

Что еще нового? Вопросы социально-культурного строительства министерства и ведомства теперь должны согласовывать с Советом штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе (уже достижение). Все остальное по-старому. Централизация, ведомственная соподчиненность, предрассуденность всех вопросов... Нет! Не все!

Отныне судьба зоны БАМа и ее жителей решается не только в тиши министерств и ведомств. У региона появились свои лидеры, появилась реальная сила и не менее реальные права. Это и Совет ЦК ВЛКСМ по БАМу, и советы трудовых коллективов, вооруженные Законом о государственном предпринятии, и многие вожаки территориальных комсомольских органов. Однако исход борьбы мнений вокруг программы освоения региона пока неясен.

Прошу опубликовать мое письмо, но не указывать мою фамилию, имя и город, так как он у нас небольшой. У меня двое детей: одному мальчику год и восемь месяцев, второму — восемь месяцев. Так уж получилось, второй ребенок — непримечательная ошибка. С мужем мы не живем, нет условий для совместной жизни. Я второй год в последовательном отпуске. Зарплата моя раньше была 80 рублей, и воспитывать двух детей я не смогу. Отец второго ребенка взять его себе отказывается, хотя условия у них отличные — месячный доход не менее 700—800 рублей в месяц, да еще свое хозяйство. Свекровь работает в спецшколе, воспитывает детей, а своего внука взять не хочет. У меня одна мать и зарплата 80 рублей — расстать с пеленок двух детей нам тяжело, и деньги и ночь без отдыха. Поэтому прошу, чем отдавать ребенка в дом малятии, может, кто захочет взять мальчика себе?

Н.К.

Я работаю в службе спецконтроля аэропорта Одессы. Главная цель нашей службы — не допустить воздушного терроризма, обеспечить безопасность полетов. Но какими способами мы добиваемся этого! Почему проводимая нами высокогуманная и оправданная во всех отношениях процедура превратилась в настоящую пытку и для нас, и для пассажиров? У нас нет сколько-нибудь приспособленных помещений для досмотра, отсутствуют какие бы то ни было удобства для пассажиров, и, наконец, главное: вся наша «аппаратура» — это в основном стол и пара рук. Я не могу спокойно смотреть, как сотрудники службы превращаются в грубых, нетактичных, почти всегда раздраженных досмотрщиков. И их можно понять: кому приятно «четко и добросовестно» (согласно инструкции) рыться в личных вещах?

Я считаю, что в Одессе вероятность повторения иркутской истории велика, как нигде. Действительно, то убожество, которым мы располагаем, аппаратурой назвать трудно. Я имею в виду стационарные металлоискатели типа «Гвардия», аппараты МИП-2. Как объясняют женщине, что глупая машина не может отличить каблучки ее туфель от бомбы?

Все наши попытки добиться создания нормальных условий для работы наталкиваются на дежурный ответ: нет аппаратуры. Но почему дело должно страдать из-за ведомственной несогласованности? Почему бы не выйти на прямую связь с зарубежными фирмами? Неужели нужно ждать нового ЧП?

Владимир ЧИРНИЕНКО,
Одесса

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы по праву восхищаемся героизмом тех, кто вступает в схватку с бандитами на воздушном судне, но почему они должны рисковать своим здоровьем, жизнью, расплачиваясь за издержки ведомственной бюрократии? Сколько нужно еще ЧП, чтобы в высоких кабинетах Аэрофлота наконец-то поняли простую истину: рубль, израсходованный на здоровье и безопасность людей, в конечном итоге сторицей возвращается по статье доходов. Может быть, у руководства Аэрофлота есть другая точка зрения? Мы готовы ее выслушать.

Вношу поправку в интервью В. Л. Янина («Смена» № 11, 1988). Корреспондент «Смены» говорит: «Будем говорить прямо: нынешнее переиздание Соловьева и Ключевского, разошедшееся по лотерейной подписке...»

Увы, по лотерее его еще хоть как-то можно получить, но в Воронеже Ключевского и Соловьева обком КПСС раздал по запискам — закрытая была подписка! Вроде того знаменитого доклада Хрущева на XX съезде.

Вот такие дела. А вы еще пишете о спецбуфетах, спецбольницах, спецшколах. Есть и спецподпись!

Михаил ГОСТЕВ,
Воронеж

В газетах сейчас много пишут о культе личности Сталина. Но почему не разоблачают ту «зондеркоманду», которая была оружием в его руках, которая самозабвенно исполняла приказы Сталина об арестах, пытках, расстрелах. Многие и сейчас живы, прячутся где-то за нашими спинами! Не секрет, что поблизости Сталина ушли на отдых, имея персональные пенсии. Реабилитированные же коммунисты смирились: годы не те, чтобы поднимать голос против бывших своих палачей, которые и по сей день живут в здравии на полном государственном обеспечении. А надо выводить их на чистую воду! Пока живы еще старые коммунисты, которые могут опознать их.

Н. МОРОЗОВ,
Приозерск

Постоянно читаю журнал и, конечно, рубрику «Читатель — «Смена» — читатель», где печатаются интересные письма о взаимоотношениях между людьми. Немного о себе. Мне 25 лет. В 1985 году был осужден к длительному сроку заключения, который отбыл и сейчас. Пишу вот почему. У большинства из нас, заключенных, нет близких друзей. Либо мы их растирали, либо они нас при первой же беде бросили. Пишу помочь мне и таким, как я, найти друзей. Понимаю недоверие многих: это кто говорит о дружбе и друзьях? Те, кто изолирован от общества за нарушение законов, за преступления? Но я прошу не забывать, откуда мы все. Ведь все мы из общества людей, и что бы там ни говорили, но ведь мы скоро вернемся обратно в это общество. Я уверен в себе, и многие меня поддержат: мы не потерянные для общества люди. Любой человек может ошибиться. Другое дело, что эта ошибка может стать роковой. Мы здесь многое выстрадали, многое поняли.

Владимир АРТЮШКИН

Я всегда считал, что любви достойны только однолюбы и только они способны любить. Пишу в редакцию первое и последнее письмо. В мою жизнь ворвалось несчастье.

Я женился по любви и был счастлив почти шесть лет. Мне казалось невероятным иметь столько счастья. И вдруг вечное, прочное счастье лопнуло, как мыльный пузырь. Я узнал, что моя любимая — бывшая проститутка и кукушка, бросившая своего ребенка в роддоме. Я искал, но не смог найти ребенка

моей бывшей жены, а в родильном доме меня даже не выслушали.

У меня больше ничего и никого не будет в жизни. Я однолюб.

Н. К.,
Витебск

Министерство здравоохранения СССР в связи с публикацией в журнале «Смена» письма Воробьевой Р. Н. из Кисловодска о приобретении коляски для ее дочери 5 лет, страдающей нарушением опорно-двигательного аппарата, дополнительно сообщает следующее.

Министерство социального обеспечения РСФСР в ответ на наш запрос сообщает, что, по сведениям, полученным от Ставропольского краевого отдела социального обеспечения, вопрос об обеспечении дочери тов. Воробьевой Р. Н. креслом-коляской в настоящее время рассматривается. Указанной коляской дочь тов. Воробьевой будет обеспечена после необходимой подготовки ее конструкции на одном из предприятий Кисловодска с учетом возраста и индивидуальных особенностей ребенка.

Заместитель министра
А. А. БАРАНОВ

Пожалуй, все знают, как трудно жить инвалидам. Сейчас об этом часто пишут. Я и мой старший брат Константин — инвалиды с рождения. Мне 15 лет, брату 23 года. Все это время, всю свою жизнь сидим дома — мы не можем ходить. Да, нам трудно. Даже очень. Трудно узнавать жизнь только по книгам. Трудно не отстать от жизни. Но самое страшное — одиночество. Конечно, у нас есть родители, замечательная мама. Но родители не могут заменить друзей. Я окончила три класса. Ко мне домой ходили две учительницы. Меня принимали в пионеры. И даже два раза приходили одноклассники! Но учитель давно не ходят, а одноклассники очень быстро забыли меня. Брат проучился два класса, и друзей после школы у него не осталось. Вот так и живем. Пишу не для того, чтобы пожаловаться. Совсем нет. Единственная наша просьба — помогите нам с братом найти друзей.

Наш адрес: Иркутская область, Чемховский район, город Свирск, улица Комсомольская, дом 2-а, квартира 6.

Ксения и Константин
КУРГАНСКИЕ

«Теплоход „Зоя Космодемьянская“» — редакции журнала «Смена». «Прочитали в № 15 журнала очерк „...И одна ночь“ Евгения Додолева. Идем в Сингапур. Какие кассеты нужны группе Гдляна — видео или обычные? Радиуйте. С уважением Мельникова».

Такую телеграмму получили мы от наших читателей-моряков, желающих оказать хоть какую-нибудь помощь особой группе Прокуратуры СССР. Редакция тут же связалась со старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Тельманом Хореновичем Гдляном и сообщила о предложении моряков. Руководитель группы просил нас поблагодарить товарища Мельникова и передать, что вопросы снабжения всем необходимым для работы решены.

■ В редакцию ежедневно, начиная с первых чисел августа, пишут и звонят недумывающие, обиженные читатели из Москвы, Свердловска, Краснодара, Владивостока, Красногорска, Минска, Ташкента, Риги и других городов, у которых не принесли подписку на «Смену», хотя журнал не числится в списке лимитированных изданий.

Конечно, такое положение взволновало и редакцию.

Что же происходит? Чтобы ответить на этот вопрос читателям, оставшимся без подписки на «Смену», мы обратились к заместителю министра связи СССР МАНЯКИНУ Евгению Алексеевичу.

— Евгений Алексеевич, как объяснить создавшуюся ситуацию?

— Во-первых, я хотел бы пояснить всем подписчикам, что Министерство связи тиражную политику в стране не определяет. Эти вопросы не входят в нашу компетенцию. Мы обязаны, в пределах выделенных нам тиражей, обеспечить своевременную подписку на газеты и журналы. Говоря о журнале «Смена», мы ориентировали все наши организации на уровень этого года, то есть в объеме 2 млн. экземпляров. Никаких ограничений на подписку журнала мы не устанавливали. Контроль за уровнем и темпами подписки поручен республиканским и областным управлением «Союзпечати». На сегодня в министерстве нет сигналов по поводу каких-либо нарушений с подпиской на «Смену».

В подтверждение своих слов Евгений Алексеевич связался с Минском, Ригой, Ленинградом и Москвой. В считанные секунды мы получили информацию о ходе подписки в этих городах.

— Но ведь может получиться так, что в каких-то регионах спрос на журнал будет выше, чем в этом году, а в каких-то наоборот. Как быть в таких случаях?

— Да, действительно, такая ситуация возможна. В таких случаях мы оперативно можем произвести перераспределение между республиками и областями, такая же возможность существует и у территориальных управлений «Союзпечати». Конечно, здесь нужна полная гласность: наши организации обязаны постоянно информировать своих подписчиков, и, если возникнут какие-то сложности, то мы сможем своевременно принять меры. Пока тираж не будет выбран.

— А как же быть с письмами, звонками, поступающими в адрес нашей редакции?

— Эти факты говорят о грубейших нарушениях нашими работниками положения о подписке. Мы внимательнейшим образом разберемся с каждым конфликтным случаем. Наше министерство стоит на страже интересов подписчиков, мы заинтересованы в полном удовлетворении читательского спроса. До 1 ноября читатели могут оформить подписку на «Смену».

— Евгений Алексеевич, спасибо вам за разъяснение. Надеемся, что «Смена» не потеряет своих подписчиков.

■ В статье «...И одна ночь» («Смена» № 15, стр. 18) говорится о том, что Л. И. Брежнев, будучи в Баку, принял роскошный перстень от Алиева. Поскольку редакция не располагает документальными доказательствами по данному эпизоду, мы приносим свои извинения Г. А. Алиеву и нашим читателям.

СВОДБ

Не отводите глаза.
 Не спешите перевернуть страницу.
 Потому что это произошло
 рядом с нами, в наше время.
 А значит — в нашей жизни,
 в нашей судьбе.
 Горе, непереносимое которого
 быть не может.
 Горе матери,
 потерявшей сына...
 Он погиб далеко от родного дома,
 выполняя долг
 и приказ. Там, где мать не могла
 его уберечь.
 И теперь родная земля,
 на которой он
 так недолго прожил,
 принимает его в себя...
 Не отводите глаза.
 Мы слишком долго прятали их
 и жили так, будто рядом с нами
 ничего не происходит.
 Мы слишком долго говорили
 вполголоса о тех,
 кто сражался там, сражался
 и погибал.
 Мы молчали, словно не вида-

могил молодых парней,
 датой смерти которых стало
 наше время. И не писали
 на надгробиях, где они погибли,
 словно боясь и стыдясь чего-то.
 Мы уже не в силах помочь им,
 но неужели неспособны
 воздать должное памяти павших?
 Эти парни ушли из жизни,
 но они не должны уйти
 из нашей памяти,
 как бы горька,
 тяжела она ни была.
 Ибо память делает нас людьми.
 Память и знание.
 Пусть отдавшие жизнь
 вечно живут в нашем сердце.
 Будем помнить о том, что
 рядом с нами живут их матери.
 Матери, потерявшие сыновей.
 Протянем руку, поделимся
 теплом участия с ними.
 С близкими их.
 С теми, кто вернулся опаленным
 огнем войны.
 Не отводите глаза.

Будни

Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

Юрий НАГИБИН

СПРИНТЕР ИЛИ СТАЙЕР?

Малыш любил следить, как по утрам отец обиживал свои ноги. Едва вскочив с постели, отец тщательно осматривал большие, красивые, длиннопальые ступни. Он щупал, гладил, мял их с таким озабоченным видом, что малышу начинало казаться, будто ноги отца, пока тот спал, жили самостоятельной опасноватой жизнью: странствовали по трудным дорогам, изнашивали себя на горных тропах, сбивались о камни, корни, бугры.

— Волка ноги кормят... — бормотал отец, подмечая заинтересованный взгляд малыша.

Оглядев и ощупав ноги, отец наливал в таз теплой воды и аккуратно смывал тальк, которым пересыпал пальцы перед сном. «Ноги должны дышать» — знал малыш еще одно золотое правило ухода за ногами. Вначале он не понимал, что это значит: разве ноги могут дышать? Но отец объяснил, что в коже находятся крохотные дырочки, глазом их не увидишь, и сквозь эти дырочки проникает воздух. А тальк засоряет дырочки, и ноги перестают дышать.

Смыв тальк, отец начинал массировать икры, голени, ступни, разминать суставы. Затем наливал в таз горячей воды и долго держал в ней ноги, блаженно покрякивая и жмуясь. Хорошенько распарив ступни, отец мыл ноги до колен с мылом, после чего насухо вытирая их полотенцем.

Особое внимание отец уделял пяткам. Он разглядывал их, затаив дыхание, рот его приоткрывался, как у мороженого судака, голубые глаза выпячивались из глазниц. В эти минуты малыш меньше любил отца. Но вот отец что-то находил, уродливая маска спадала, открывая его обычные любимые черты. Отец доставал из плоской коробочки лезвие безопасной бритвы и ловко срезал крошечное затвердение, лоскуток мертвокожи; басковскую ранку присыпал каким-то порошком или смазывал белой мазью. Свинтил бритву, отец некоторое время скреб ею пятку, с кожи сползали светлые шелушинки. Отец обмывал пятки спиртом и смазывал тончайшим слоем жира.

Теперь отец вооружился ножницами, кусачками, пилочкой, и начиналась обработка пальцев. Он подхватывал палец ноги указательным пальцем левой руки, придирично осматривал, потом подстриг или подливал ноготь, а кусачками откусывал лишнюю кожу вокруг ногтя. Каждый такой обработанный палец отец смачивал теплой водой, слегка оглаживая пемзой, и вытирая.

Особой заботы требовал большой палец с твердым желтоватым ногтем, к нему отец неизменно прикладывал все инструменты и очень долго тер пемзой. А случалось, производил настоящую операцию: срезал наросшую на ноготь кожу, и тогда в ход шли скальпель, пинцет, вата, йод. Странное тепло охватывало душу малыша. Он так сильно чувствовал в эти минуты и дом, и отца, и всю заботливую надежность жизни вокруг! По утрам в комнате было особенно тепло, как будто сны, привидевшиеся малышу, отцу и матери, согревали воздух. Малыш всем крошечным существом своим впитывал добро родного крова, тепло близкой жизни.

Мать приносила отцу шерстяные кальсоны, гревшие всю ночь на батарее. Отец объяснил однажды малышу, что кальсоны должны быть совсем сухими. Давно, когда он был еще молод и неразумен, он надел влажные после стирки кальсоны, и у него свело ноги. Так же с батареи отцу подавались две пары носков: бумажные и грубой, плотной деревенской вязки — шерстяные. Отец обувался неторопливо: разглаживал на носках все складочки, морщинки, закреплял подвязки, заботливо следя, чтобы не слишком туго было в икрах, чтобы пряжка не давила на кость или кровен-

носный сосуд. В ботинках он часто менял стельки и шнурки. Стельки он вкладывал в зависимости от погоды: то войлочные, то байковые, то шерстяные, то «соломенные», как называл малыш плетеные светленькие стелечки. Шнурки отец проверял на разрыв, шнуровал ботинки крепко, до отказа. Промыв ноги в подъеме, отец делал небольшую пробежку на месте, подпрыгивая раз-другой, затем натягивал брюки, рубашку и джемпер, мылся в кухне над раковиной, пил чай. Перед уходом из дома отец громко, плотно вталкивал ноги в блестящие черные калоши, которые носил во все времена года.

Куда уходил отец? Об этом особенно сладко думалось малышу. От дворовых ребят малыш знал, что отец его бегун. Ребята только не могли решить, на какую дистанцию он бегает. Они приставали к малышу: папа — спринтер или стайер? Но малыш не мог им ответить. Он всякий раз собирался спросить об этом отца и неизменно забывал трудные слова, хотя давно научился понимать их смысл. Но самому малышу было безразлично, что он не знает, на близкие или на дальние дистанции бегут отец. Малышу было всего шесть лет, он имел полное, завершенное представление о мире, ничуть не уступающее представлению любого взрослого человека. Вся разница была в том, что малыш мог обходиться без некоторых подобностей, необходимых взрослому человеку. В этой законченной картине мира не было белых пятен от неведения бегунской специальности отца. Там было все полно, насыщено и ярко: на прекрасных ногах Великий Бегун, отец малыша, мчится по дорожке стадиона под ликующие крики восторженной толпы, мчится быстрее всех сверкающей, как звезда новогодней елки, Победе. И разве важно: спринтер он или стайер, чтобы любить такого замечательного отца и безмерно гордиться им...?

Меж тем отец на двух трамваях продвигался к своему рабочему месту. Он мог бы доехать троллейбусом без пересадки, но троллейбус на этой линии всегда ходил перегруженный; одержимо продирающиеся к выходу пассажиры могли не то что отдавать — размозжить ноги. А трамваи, облюбованные отцом малыша, ходили полупустыми. Отец малыша выбирал себе местечко на задней площадке прицепного вагона, он стоял спиной к выходящим, предоставляя их косолапости лишь задники калош. Правда, и после второго трамвая приходилось еще пешком идти несколько кварталов, но это было лучше, чем подвергаться опасности троллейбусной давки. Приарбатские переулки, по которым пролегал путь отца малыша, содержались в чистоте и порядке, в гололед были посыпаны рыжим песком, тут не поскользнешься, не споткнешься, иди хоть с закрытыми глазами.

В положенный час, минута в минуту, отец малыша появлялся на дистанции, начинавшейся от угла Серебряного переулка и кончавшейся у магазина «Консервы». И хотя тут не было и полутораста метров, отца малыша следовало считать стайером, а не спринтером, поскольку за восьмичасовую вахту ему предстояло отмерить эту дистанцию не менее ста раз. И это не считая разминочного переступа, неспешного, с перевальцем шага на месте, необходимого для сохранения формы.

Поздоровавшись со своим двойником — тот же прозрачный плащ, черная кепка, кожаные перчатки и блестящие калоши, — отец малыша сразу принял старт. Для начала всегда хорошо пройти дистанцию раза два без остановки, обретается второе дыхание, улавливается ритм уличной жизни, который при всей своей кажущейся одинаковости всякий раз иной. Это трудно объяснить, да и не в объяснении дело, но

многолетний опыт научил отца малыша, что на протяжении дня без видимых причин уличный ритм меняется: движение людей и машин то становится быстрее, порывистее, нервнее, то затихает в солнечном покое; порой воздух, словно электричеством, насыщен ожиданием происшествий, порой благостно умиротворен. Нельзя предугадать все приливы и отливы, но чувствовать их обязан каждый, кому доверено наблюдать за такой улицей, как Арбат.

Кажется, велика ли забота проследить, чтобы на своем участке ничего не случилось, когда в черной бронированной машине с непробиваемыми стеклами, сопровождаемый еще двумя машинами, набитыми вооруженными людьми, Сталин едет на дачу, а потом возвращается назад? Да, велика! Для этого надо в течение всего остального времени неусыпно наблюдать за уличной толпой, за машинами, промельзывающими мимо, за парадными и подворотнями, выходящими на улицу, за школьниками, идущими в школу, что в Староконюшенном переулке, за учащимися Вахтанговского училища, за мальчишками и девочками, слепо мчащимися в магазин патефонных пластинок, за служащими райсандура, сберегательной кассы и магазина военной книги, за няньками, ведущими своих питомцев полюбоваться золотыми рыбками и черепашками в зоомагазине, за зрителями, стекающимися по вечерам к Театру имени Вахтангова и оперной студии Чайковского, за посетителями киношки «Арс», за хозяевами, спешащими в диетический магазин и Смоленский гастроном, за больными, ковыляющими к поликлинике в Серебряный переулок, за студентами, облюбовавшими кафе-мороженое не столько ради пломбира, сколько ради портвейна «Три семерки», за парочками, ищащими уединения в поздние часы, за почтальонами, работниками Мосгаза и Могса, за врачами скорой помощи и неотложки, за крысоловами и клопоморями, за собаками, кошками, голубями, галками, воронами и воробышками. Непосвященному кажется, что жизнь Арбата протекает, как и жизнь других улиц, подвластная внутреннему закону, а также светофорам и правилам уличного движения. Быть может, тут несколько чаще и требовательнее звучат свистки милиционеров, призывающие к порядку граждан, ступивших с тротуара на мостовую, чуть энергичнее машет жезлом краснорожий старшина, прогоняя машину к Смоленской и Арбатской площади — и только. Чепуха!

Вся арбатская толпа, весь арбатский транспорт, вся жизнь Арбата подчинены незримой дирижерской палочке. Эта палочка не позволяет людям задерживаться на углах, праздно глязеть по сторонам, слоняться без толку от витрины к витрине. Тихое: «Проходите, граждане!» — неумолично шелестит над Арбатом. А порой обходится без слов: кого-то подтолкнули, неприметно, но цепко взяли за рукав, где-то там нажали плечом — и рассосалась пробка, разбилось кучное шествие. Иной машине вдруг велят свернуть на переулок или прижаться к тротуару, а иную прогонят на красный свет. Для того чтобы ничего не случилось в те ответственные минуты, когда бронированная машина мчится к Матвеевскому или из Матвеевского назад в Кремль, должно ничего не случиться во все последующие минуты, часы, дни, недели, месяцы. Арбат должен быть улицей без происшествий, только тогда есть гарантия полной безопасности, ведь никто не знает, к чему может привести самая маленькая мальость...

А для этого Арбат надо знать. Люди, живущие на участке отца малыша, даже представить себе не могут, как много он о них знает. Когда долго приглядываешься к чему-то, обнаруживаешь удивительные подробности, да и вообще начинаешь видеть все по-

иному, будто сквозь мощные увеличительные стекла, способные пронизывать шторы, занавески, даже стены.

На втором этаже бывшего доходного дома, что на углу Кривоарбатского, живет заслуженная артистка: худая, смуглая, подтянутая, кажущаяся на улице много моложе своих лет. Но поглядите на нее утром, когда она делает гимнастику, полчаса каждый день, и, между прочим, в чём мать родила. Отец малыша долгое время не мог понять, чего она там вытряхивает в темной глубине комнаты, у слабо мерцающего зеркала. А потом пришло к нему какое-то новое, сквозное зрение, и он стал отчетливо видеть каждый наклон ее худого темного тела с выпирающими ключицами, каждый взмах тощих рук, каждое движение длинных ног. Он будто в полевой бинокль ее разглядывал, так осязаемо-близко видел досадливо злое выражение, появляющееся на ее лице по окончании гимнастики. Видать, она сильно уставала и злилась на свою усталость. И еще он видел, как она приподымала поочередно свои острые, словно у козы, груди и роняла их и рот ее морщился.

К секретарю райисполкома каждую пятницу приходил ее начальник. Он оставлял машину в Большом Афанасьевском, быстрым шагом добирался до подъезда своей возлюбленной, воровато озирался — он

смертельно боялся жены, работавшей в Моссовете, — и, убедившись, что за ним не следят, — вот дуренько! — вихрем взлетал на четвертый этаж. Когда он появлялся, секретарша, полная, грубо черноволосая, подходила к окну и задерживала шторы. Как будто это могло помешать человеку, медленно прохаживающемуся по другой стороне улицы, видеть все однообразие их нудного свидания: от неизменной бутылочки «Агстасы», изымающей из большого кожаного портфеля, до вялого движения, каким женщина тянулась к выключателю.

В том же доме, в надстройке над самой крышей, в большой коммунальной квартире снимали комнатку два друга, студенты Литвуза, очкастые, нечесаные. К ним по вечерам приходили друзья пить жидккий чай, иногда разбавленный спирт, курить махорочные папиросы и читать стихи, которые нигде не печатались. Студенты, наверное, казались себе очень умными, им в голову не приходило, что каждое их движение, каждое слово известно, где следует. Из двух примыкающих к их жилью комнат были просверлены в стенах дырки чуть не до самых обоев. И бывшая учительница музыки, сдававшая им комнату, и веселая Лида, damskaia парикмахерша, регулярно оповещали органы безопасности о каждом их шаге. Участь студентов была решена, нельзя безнаказанно читать

ненапечатанные стихи, да еще на Арбате, и в канун ближайшего праздника за ними придут.

Нет, все-таки мы сила! — горделиво думает отец малыша, ловя свое отражение в большой витрине комиссионного магазина: скромный, неприметный человек в прозиненном плаще и черной кепке плывет среди ковровых рулонов, старинных подсвечников, китайских ваз, парчовых халатов, загромождающих витрину. Отец малыша любил свою работу, которой отдавал всю жизнь. Действительную он проходил в частях охраны Кремля и уже тогда обратил на себя внимание начальника дисциплинированностью и выдержанкой. Его взяли в органы и сразу определили на ту работу, которой он занимался сейчас, ну, конечно, пончалу он обслуживал не Арбат, а рядовые улицы. Работа эта требует огромного внимания, наблюдательности, памяти, внутренней собранности, терпения и, естественно, сильных, здоровых ног. Если ты страдаешь мозолями, плоскостопием, косолапостью, радикулитом, то нечего и мечтать об этой работе. В народе болтают: топтыны!.. Будто каждый агент заслуживает этого слова. Обычный наблюдатель топчется только в мороз, когда ноги стынут, а все другое время может стоять столбом. Постоянно топчутся только на Арбате, ибо здесь и минутная неподвижность возбраняется. Если ты перестал двигаться, то сразу выпадаешь из ритма улицы, где не положено останавливаться, к тому же усиленная разминка держит тебя в готовности к внезапному броску. Без крепких, выносливых ног нечего и мечтать о посту на Арбате...

Отец малыша с новой радостью ощутил, какая под ним справная, добрая нога, и даже притопнул от удовольствия, будто собирался пуститься в пляс. Правда, он тут же подобрался, лихо козырнул и плутовски подмигнул старшему дворнику с вахтанговского двора, вышедшему из ворот в белом чистом фартуке, с горящей, как орден, бляхой на груди. Подмигнул отец малыша для маскировки, а козырнул всерьез — старший дворник был как-никак майором. Впрочем, все дворники на Арбате были в чинах. Да что говорить о дворниках, если румяная продавщица газированной воды на углу Серебряного переулка носит под халатом лейтенантские погоны. А вот регулировщики уличного движения за своими сержантскими и старшинскими погонами скрывают высокие звания: рослый, краснолицый старшина, широко шагающий по осевой Арбату, — полковник. Даже щекастый бутуз, каждый день приходящий в зоомагазин за фунтиком сухого рыбьего корма, — крупный оперативник из лилипутов.

Велика наша тайная армия! — гордо и радостно думает отец малыша. Управдомы, дворники, нищие, глухонемые, достающие слова будто из своих животов, продавщицы ларьков, магазинов, мороженщицы, скромные постовые и регулировщики в стеклянных стаканах, неприметные, на одно лицо люди в новых калошах, добродушные моряки в отпуске, заходящие в кафе выпить ромашку коньяку, растерянные провинциалы, наивно встремывающие в чужой разговор, девицы, поражающие своей очевидной доступностью сердце доверчивого иностранца, мимые и настоящие спекулянты возле комиссионных магазинов, подслеповатая бабушка, просящая перевести на другую сторону улицы, подавляющее большинство обитателей квартир, выходящих окнами на Арбат, — все это штатные и нештатные служители великого дела безопасности. Связанные крепчайшими незримыми нитями, они окутывают Арбат и прилегающие переулки стальной паутиной.

Словно в подтверждение этих мыслей резко прозвучал свисток милиционера, с визгом притормозила машина, оттеснив назад к тротуару подвыпившего детину, пытающегося перейти улицу в неподложенном месте. Какой-то прохожий будто ненароком толкнул детскую в грудь, заставив его отшатнуться к водосточной трубе, а тут уже наготове стояли дворник и человек в калошах. Детина и оглянувшись не успел, как, зажатый в железные тиски между дворником и калошным человеком, очутился в переулке. Здесь на него сразу наехала тележка с газированной водой и задвинула в подворотню. Очнется детина лишь на другой день, с ломотой во всем теле, с горящими ушами и безответной, но неистребимой памятью о том, что Арбат надо переходить только на перекрестках, а в нетрезвом виде лучше обходить стороной.

Быстро, четко, красиво сработано! А все же это маленькое ЧП. Сейчас-то прошло незамеченным, а что, если б в эту минуту здесь проезжал товарищ Сталин?.. Он ведь появляется в разное время и всегда неожиданно. Правда, это больше считается так — неожиданно. На самом деле они узнают о его приезде за час и ставят дело «На товсы» — по морской терминологии. Но разве предусмотришь такого пьяного детскую? С колхоза небось, коренной москвич сроду не сунется!.. Страшное дело!.. А почему бы не сделать Арбат закрытой зоной? Запретить сюда доступ, как в Кремль? А чтобы товарищу Сталину нескучно было

ездить, работники госбезопасности, нарядно и чисто одетые, будут изображать уличную толпу, прохаживаться по тротуару, пить газированную воду, заглядывать в витрины, покупать цветы. И вообще к чему столько лишнего, неорганизованного, недисциплинированного народа? Чтобы страна жила, работала, достаточно товарища Сталина, заключенных и охраны. Остальные — балласт, помеха, источник вечного беспокойства. Взять хотя бы вчерающую старуху.

Она вынырнула невеста откуда в драном мужском пальто, в сером платке, почти закрывавшем усохшее, в жестком черном волосе лицо. Старуха тащила авоську с селедками, завернутыми в газету. А в газете на полстраницы был напечатан портрет товарища Сталина в форме генералиссимуса; ржавые селедочные пятна растеклись по лицу и кителю, казалось, товарищ Сталин гниет заживо.

Отец малыша схватил старуху за локоть, за ту противно тонкую, как у курицы, косточку, что оказалась под рукавом пальто, запихнул в подъезд. «Ты что, сказилась, бабка?» — шепнул он в большое голое ухо. «А чего?» — ошалело выпучилась на него старуха. «Не видишь, во что селедку завернула?» Старуха глянула на свою авоську. «Батюшки, сослепу я!.. Тогда он сам, чтобы избежать лишней канители, освободил противно воняющий газетный лист от селедок и, скомкав, спрятал в карман. Ячей в старухиной авоське были мелкие, селедки не могли вывалиться. И все же он подметил на старом, бессмысленном в мужском волосе лице страшное своей мгновенной сознательностью выражение ненависти. Чертова перечница, от самой землей несет, а тоже чувства имеет!.. И сколько таких старух и не старух шляется по Арбату, тая за понуростью, обманчивой кротостью душную сволочную ненависть. И когда думаешь обо всех тайно ненавидящих и здесь на Арбате, и по всей Москве, по всей стране, то лопатками чувствуешь, как мала куча людей, стоящих на посту, как тонка защитная оболочка вокруг товарища Сталина. Ведь одна такая паршивая старуха способна все погубить. Сегодня она заворачивает в портфель товарища Сталина тухлую чехонь, а завтра сунется под машину вождя, «сослепу»... И, конечно, она сделает это на его участке. И тогда прахом пошли годы беспорочной службы: высыпнут вон, как шелудивого кота, хорошо если не посадят. И что тогда будет с ним, не имеющим профессии, не знающим никакого ремесла, что будет с малышом, со всей семьей?

Отцом малыша овладевает бешеный гнев на старуху с селедками, на всех, кто плетется по Арбату. Какого дьявола их сюда тянет, неужто нельзя пройти по Сивцеву-Вражку, Кривоарбатскому, Большой Молчановке, Борисоглебскому и всем другим переулкам, окружающим Арбат? От гнева он убыстряет шаг, он почти бежит. Спокойно, спокойно, уговаривает он себя, нельзя злиться, ты теряешь внимание, не ровен час чего недоглядишь, спокойно, спокойно!.. Он сдерживает себя, словно норовистого коня, заставляет перейти на обычный, фланирующий шаг. Волевым усилием он поворачивает свои мысли на хорошее. Он, конечно, был не прав, когда считал, что надо уничтожить всех лишних людей. Жизнь приведет к другому. С каждым годом число служащих в органах все увеличивается, а число не служащих сокращается, и не за горами день — молодое поколение узреет его, — когда все без исключения будут служить в органах, и тогда некого станет опасаться, не за кем следить...

Давно ушел в небытие тот, кто был источником мук и радости моего героя; уход его был отмечен той же исключительностью, что и вся жизнь. Сперва полу-мертвый, потом мертвый, он долго валялся в спальне на своей даче в Матвеевском, и даже охранники не решались переступить порог, ибо не слышали положенного сигнала. Унеся на тот свет сотни, если не тысячи задохшихся в похоронной давке людей, он лег роскошно омундиренным чучелом возле того, чьим полным отрицанием был; затем перенес глухой обряд вторичных похорон и был зарыт у подножия Кремлевской стены. Надолго ли, кто знает?.. Таинственная дача рассекречена, Арбат превратился в обыкновенную улицу. Нет, тут я не прав. Он стал особой, единственной улицей — только для пешеходов. И украсились игривыми фонариками. Почти уничтожив историческую память столицы, добрые наши власти подарили этот тихий, дурного вкуса рай москвичам, не знающим, что делать с щедрым подарком.

А папа? Недавно я встретил его на Новом Арбате. В синей болонье и жесткой фетровой шляпе, он брал высокий старт в направлении Садовой. Он почти не изменился: постоянное пребывание на воздухе сохраняет свежесть и здоровье. Все так же несет он свою вахту, только охраняет не культовый покой, а пустующую пока стройплощадку грядущих великих перемен. Папа тоже перестроился: на нем нет черных блестящих калош, он крепко вбивает в асфальт микропору тупоносых ботинок фабрики «Скоромод». И в ускорение он включен: никогда еще шаг его не был столь быстр и летуч. Наконец-то я понял, какая у него спортивная специальность. Папа не спринтер и не стайер, он марафонец. Его так давно начавшийся путь уходит в туманно сияющие дали...

В НАСТОЯЩИЕМ, ПРОЧУДНОМ, ГРЯДУЩЕМ

Татьяна МАЦУК

Выцветают закаты,
бледнеют с годами рассветы.
Дни короче становятся,
ночи упорно растут.
Лиши вчера заметали следы
уходящего лета,
а сегодня зима
не жалеет бесценных минут.
Я тебя буду ждать
в настоящем, прошедшем,
грядущем.
Пусть две тысячи верст
превратятся в две тысячи дней.
Чем за счастье платить
вот таким, как и я, немущим?
Только днями, часами,
минутами жизни своей.
Мы любви не просили,
не клянчили с миром по нитке.
Свое сердце застав
так, что трудно порою дышать,
не совали в придачу к машине
и кафельной плитке,
научившись от боли не плакать,
а только молчать.
Но теперь я боюсь
в сумасшедшей неистовой скачке,
в этой гонке амбиций,
претензий, заезженных слов
потерять свое право
плевать на чужие подачки
и ответить торговцу:
любовь отдаю за любовь.
Что же делать,
когда выцветают с годами закаты,
и бледнеют рассветы,
и реки повернуты вспять?
Я тебя буду ждать.
Ты придешь. Как когда-то солдаты
приходили с войны,
чтобы новую жизнь начинать.

ФУЭТЕ

Как больно! Бессилье сдавило
усталое сердце.
Кругом пустота. Чей-то крик
надоедливо бьется
в закрытые окна. Уехали! Бежать!
Запереться!
Чтоб только не броситься снова
в бездонные колодца.
Чтоб только не видеть, не слышать,
не знать, не бороться.
Излиться в слезах, перелиться
в другого навеки.
Пусть крест свой несут и сгорают
под музыку Баха
другие. Свои у них будут преграды
и вехи,
и все впереди: поклоненье, Голгофа
и плаха.
Не ведает юность бессилья
и липкого страха.
Постой! Оглянись. Нет, ничего для
тебя не забыто.
Ты помнишь, как в детстве
все было прозрачно и бело?
Опять этот взгляд —
зачарованно-робкий и смелый.
В пустыне летит против ветра
твоя Маргарита...

Я ненавижу всякое насилие.
Но худший тип —
насилие добра:
под каблуком хрюстят
чужие крылья,
зато идет по правилам игра.
Я не играю в жизнь! —
Мои ошибки
зачтутся мне —
не вам о них жалеть.
Вы говорите, нынче в моде скрипки?
Но с детства я предпочитаю меду!
Любить?! — Люблю.
Надеяться?! — Надеюсь.

Пускай легко обидеть и сломать,
но никогда не выбить эту ересь
из тех, кто не боится умирать.
Я не боюсь.
Я верю в воскрешенье.
Не там, а здесь.
Бездонные миры —
соединяются люди
во спасенье.
И к черту ваши правила игры.

Татьяна ЗЫКОВА

Холодно душе —
будто в проруби.
Словно я живу
не свое...
Подняла лицо —
кружат голуби.
Оказалось все —
воронье.

ЭКСПРОМТ

Если грущу, тоскую,
Страстно любви желаю,
Если стремлюсь, рисую,
Значит — еще живая.
Если во мне защемит
Рана как ножевая,
Это душа болит,
Значит — еще живая.

Владимир ГРАЧЕВ

На земле живу — скучаю по земле:
По цветам, росе и птицам на заре,
По тропинке, что струится через лес,
По кукушке — есть особый интерес
У меня к ее загадочным ку-ку...
Я себя простым гаданьем увлеку,
Буду слушать, притаившись,
и считать,
Сколько мне еще осталось куковать.
Опрокинусь на поляне в сон-траву
И... рванусь через деревья в синеву,
Растопырю неумелые крыла —
Подо мной и надо мною синева...
На земле живу — скучаю по земле:
По букашкам, копошащимся в траве,
По кузнецам — веселой скрипке дня,
По улитке, не боящейся меня,
Что сидит, как дома, на ладошке:
— Равлик-Павлик, выставь рожки,
Дам тебе четыре кочережки...
По пальцу, вверх,
как по простой травинке,
Ползет букашка —
пятнышки на спинке —
Ее не сдуешь —
уцепилась крепко:
— Божья коровка, улетай на небо,
Там твои детки...

Мой гений, ты несчастный человек,
Навек в тебе, как в каменной
темнице,
Томятся обезумевшие птицы,
Слетевшие с ветвей библиотек.

Борис ТЕДЕРС

Ее дед не вернулся
в бревенчатый дом,
Дедов путь зачеркнулся
могильным крестом.
В годы царской войны,
в чужедальских краях
Стал маньчжурской землей
его горестный прак.
Арестован за что-то отец...
и погиб.

Объясняют, что — «культ»,
говорят — «перегиб...»
Где могила и крест,
чтоб поплакать прийти?
И по карте тех мест не сыскать,
не найти.
Муж ее, лишь ударили залпы
войны,
Поцелуем стер слезы
с воспоминанием жены:
— Не горюй! Жди меня.
Я с победой приду...
Он под Прагою пал
в сорок пятом году.
Годы мира мелькнули без новых
потерь.
Вот она и старуха.
Но снова, теперь
из афганской земли ждёт от внука
вестей.
Широка география
русских костей.

ЧЕЛЯБИНСК 1932 ГОДА

Это я. Бегу за мамой спеша,
Весь замотан платком.
Пять лет от роды.
Мимо нас, лошадиным паром дыша,
Проплыла одна за другой подводы.
Их возницы — огромные мужики.
С головами укутанные в тулупы,
И везут они к берегу стылой реки.
Страшный груз — мерзлые трупы.
Мертвцы торчат из рваных дерев.
На ухабах трясясь и грязь
свались.
Машут тощими палками ног и рук,
Устремляя в небо белые лица.
Поправляя мороженых тел кули,
Говорят возница нам хрюплевато:
— Раскулаченные, куркули...
На дороге их померзло — богато...
Вот теперь их всех свезут до реки.
В штабеля уложат, рядом накроют.
А когда придут потеплее деньги,
Будет можно копать — всех,
как есть, зароют...
Мне платок шерстяной налез
на глаза,
Ходит дрожь под пальтишком моим
потертым.
На морозном снегу визжат полозы...
«Как, наверно, им холодно —
даже мертвым...»
И когда при мне говорят:
— Кулаки...
Не бандита я вижу
со зверской рожей,
А мерзлый берег Миасс-реки,
Штабель, крытый рваной рогожей.

Елена КИСЕЛЕВА

■
Звонок. Урок! Учитель у доски
Нам объясняет тайны мирозданья.
Как жаль,
что объяснить забыли в школе —
Что значит жить. Мои учителя!
Мелькают годы, ускоряя бег,
И с каждым шагом чувствую острее
Свою неподготовленность к уроку.
Но вызывают всякий раз меня.

Александр СЕНКЕВИЧ

ОН ГОВОРЫТ

Он говорит: «Пойдешь сюда,
и всем надеждам крах!»
Он думает: моя судьба —
птенец в его руках.
Так почему ему дано
над всем повелевать?
Захочет — выпустит в окно,
где тишь и благодать.
Но может быть другой исход,
и среди бела дня
в лебяжий пух, в сухой помет
он превратит меня.

■
В природе свершилась измена.
Ты видишь — деревья кровавы!
И запах осеннего тленя
таят проредевшие травы.
Виднеется море за чащей
застылое, серого цвета.
Идет от него бередящий
ядистый дух лазарета.
А ты отчего-то не рада
прозрачным, застенчивым звездам
и смотришь с широкой веранды,
как птицы гостят по гнездам.
Пойдем со мной — верхом и низом,
доверясь бездумно тропинке,
по камням сырым и осклизлым,
не камни — а рыбы на рынке.
К белесой полоске прибоя,
зареванной до неприличья.
Под самое небо рябое
уносится облако лягуша.
И все тут. И больше ни слова!
А ветер столкнет, как нарочно,
распахнутость света дневного
и вкрадчивость сини полночной.

■
В разгар зимы и вдруг ручьи?
Но на земле три дня
дрожали жаркие лучи,
как ноздри у коня.
И снег темнел, дыша травой,
и ртуть сошла с нуля.
То в первый день, а во второй
оттаяла земля.
Тепло опять вернулось к ней
из глубины снегов,
дразня сплетение корней
и прямизну стволов.
А в третий день еще теплей,
всё растаял снег.
Казалось, из весны апрель
свои совершил набег.
Был восстановлен для людей
порядок бытия.
Но вот пришел четвертый день,
на нет весну сводя.
Ударил он исподтишка,
метелями крича.
И помертвела, как щека,
живая гладь ручья.
И почек клейкие тела
кусками стали льда,
и люди, встав из-за стола,
не раскрывали рта.
Боялись горло застудить,
потом сиди, болей...
Такой мороз, что не открыть
ни окон, ни дверей!
Такой мороз, что воротник
поднимешь, словно щит.
А закричишь — и дерзкий крик,
упав, кровоточит.
Но люди видели в ночи
сквозь круговерть и мрак,
как растворяли снег ручьи
и было все не так.

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

ДЕЛО ЧЕСТИ

...Подлеца, подлецу, подлецом,
с подлецами в незыблебом спайке:
все идет к одному — был певцом,
да продался за сладкие саики.
Превращается в масляный чад
даже воздух, которым ты дышишь.
Если рядом от боли кричат —
все равно ничего не услышишь.
Было время — хотел и умел
эту боль двигать в слово по нервам.
Был — высок, необструкт и смел.
Стал — себе монументом фанерным.
И, в медовую смазку влюблен,
ты живешь, управляем как робот,
ибо знаешь — ударят рублем
за любой, даже слабенький ропот.
И, гремя как пустая байдя,
ты не можешь понять — отремелось!

■
Никого не обманет твоя
показная, натужная смелость.
Что ж, зажато впритык со свинцом,
даже золото станет свинцовым.
...Все, что хочешь, дели с подлецом,
кроме хлеба, отчизны и слова.

■
Кто смешет говорить о смерти,
когда в Республике — весна?
Николай ШАМАНИН
Кончается монархия зимы,
и золотая крохотная зелень,
едва пробив прогретый слой земли,
уже и знать не хочет про метели.
Крутая заваруха и разлом
наметились повсюду и во всем,
и гнилью понесло из каждой щели.
Кончается монархия зимы,
болотистое мебельное время.
Уже деревья соком пронзены —
да сердцевин еще не отогрели,
и дума их тревожная томит:
что приключилось? —

оттепель стоит?
или — весна приходит
в самом деле?...
Кончается монархия зимы,
распались ледяные монолиты;
и грязь, и мусор — все лежит открыто,
и пар над ними — призраком чумы.
Попробуй, выстой в этой круговерти —
в сияньи солнца
и морозной смерти! —
но лишь на это мы обречены...

Николай ШАМСУТДИНОВ

НА ОБИ

Все мне снится твое молодое,
зеленое платье,
и веселый узор на груди,
и цветы по плечам...
Я зарос бородой,
как захвоя разведочной партии,
и читал им стихи, приходя из тайги,
то ночам...
Усть-Юган!
Кедрачи.
Запотевшее зеркало паводка.
Ровный речитатив проходящих
составов,
стихов.
Полуночник — зефир.
Звезды в иллюминаторах плавают.
И на качке возня полусонных
почтовых мешков.
Я ходил на Ямал.
На Балык бы махнуть изыскателем!
Тундра. Серые мхи.
Молодые встают города.
Седоватый бурун, как буран,
убегает от катара,
С запотевших дортов неслышно
текает вода.

Я — почтарь!
Я везу эти письма и знаю — чужие,
их писали,
читали в ночной безъязыкой тиши.
Вспомни, как мы с тобой на заимке
пронзительно жили!
О, клянусь, ты ее никогда не забудешь!
Пиши!
Я б ушел от тебя в дебри строчек,
безрифменных, рваных.
Вот молчу и смолю.
Низко стелется дым над водой.
Только толку с того.
Я не ныл от бессилья,
но странно —
Вечера, как слезою,
точается звездой надо мной.
Я пишу о тебе.
Ни эпитета росам и звездам!
Прямо с берега в душу мне сонная
дышил земля.
Я мотаюсь рекой
и оброс, как не снилось захвоям.
На каких пристанях
Невеселая почта моя?

Елена НАУМОВА

■
Как будем дальше жить, переходя
из года в год мягкого столетия?
Чтобы смотреть любимым нашим детям
Глаза в глаза, глаза не отводя.
Неужто доставляет наслаждение
В забывчивости память умертвить,
И тут же тайно грызть или рубить
Природою назначенные земли?
А детям говорить слова, слова...
В которые они не смогут верить.
От нас уже ушли леса и звери,
И под ногами высокла трава...
Так неужели в будущем столетии?
От нас уйдут и собственные дети?!

Герман КРУПИН

ОТГОЛОСОК

Я ветку бузины сломил
Под крышей старого сарая,
И с дрожью в сердце вспомнил мир
Когда-то нищенского рая.
Где голенастая ботва,
Вся в фиолетовых соцветьях,
Была, как мы, едва жива
Золой и влагой лихолетья.
Цвел серой кашкой старый двор,
Горчил лебедей у прясел.
И все же, все же, как был добр
Тот страшный мир.
И как прекрасен!

■
Пахнут прелью леса. Это осень.
Листопад и сиреневый дым
Затуманил окраины просек
И верхушки багровых осин.
В темных окнах болот на поляне
Лебедями плывут облака.
Почерневшая ягода вянует.
В паутину укутав бока.
Это осень. Промокший палежник
Под ногами негромко крустит.
Спит сентябрь, притихший и нежный.
Спит...

Владимир ФИЛИППОВ

ЗЕМЛЯКИ

«Живу, жи-ви!»
Судьбину не кляня,
Звенит синица, осыпая иней,
И так спокойно смотрит на меня,
Что кажется — сейчас просвистит имя.
Мы — земляки.
И этот оконек,
Что выбелен морозами и снегом,—
Ее забот извечное жилье,
Моих печалей пасмурное небо.
Я знаю, как весенний лес поет,
Как празднует свидания и свадьбы...
Ее судьба — не песен забытье.
А мне —
От этой пахи,
Не отстать бы...

■
Какое нынче небо чистое!
Мороз. Пороша. Тишина.
Но вдруг, звенящие и неистово,
Как будто лопнула струна,
Полился гон.
И песня древняя,
За горы эхо разбросав,
Рассыпав звоны над деревьями.
Помчалась в синие леса.
Возносят ввысь стволы застывшие
Печаль и удаль,
Свист и гром,
Былое вовсе не забывшие,
В котором — ярость и добро...
А гон то ширится, то глушится,
Шумит, как вешняя вода.
Но замер я.
Спешу — наслушаться.
Запомнить песню.
Навсегда.

ГРАБЕЖ

Смена'08

Алексей
НИКОЛАЕВ

События разворачивались так, что все предыдущее —тайные, полутайные или совсем открытые аукционы на Западе, разбазаривание через «Антиквариат», царственные дары чиновников высшего ранга, багажные вагоны, уходившие в Европу, морские транспорты, груженные музеинными ценностями и швартовавшиеся в портах другого континента, склады и магазины «сокровищ из России» по обе стороны океана — все это могло показаться теперь интермедиумами драмы, которая начиналась за плотно закрытым занавесом.

Слухам отказывались верить; даже падкие до сенсаций западные газеты подвергали их сомнению. Так случилось, когда проник в печать разговор между известным французским коллекционером и неким лондонским торговцем, который предлагал «доставить любую из эрмитажных кар-

тин». Раскрыв альбом с изображением лучших наших Рафаэлей, Тицианов, Рембрандов, он хлопнул по нему ладонью: «Выбирайте!»

Но невероятные слухи все более походили на правду. В январе 1931 года «Таймс» напечатала письмо в редакцию профессора истории искусств Лондонского университета Танкреда Борениуса. Эксперт одного из самых крупных антикварианских домов, Борениус, «счел нужным открыто заявить» о появлении в Европе шести первоклассных картин Эрмитажа. Однако английская газета, известная своей осторожностью в информации, предложила торгпредству в Лондоне опровергнуть свое сообщение. Предложение осталось без ответа.

Вскоре факт появления эрмитажных картин в Европе подтвердил парижская «Гренуар»; назван был даже посредник — антикварная фирма Кнедлер. «Если наше сообщение

Все
репродуцированные
картины,
приобретенные из
Эрмитажа в начале
1930-х годов Эндрю
Меллоном, в 1937 году
переданы владельцем
в вавингтонскую
Национальную
галерею. В те же годы
проданы и увезены
в Америку
и воспроизведенные
здесь предметы
декоративно-
прикладного
искусства; ныне они
в коллекции Музея
господи Пост.

Ван Эйк.
«Благовещение».
1425—1430 гг.
(93 × 36,5 см).
Приобретена для
Эрмитажа в числе
коллекции Барбариго
в 1850 г.

Рафаэль. «Святой
Георгий». 1504—1506 гг.
(28,5 × 21,5 см).

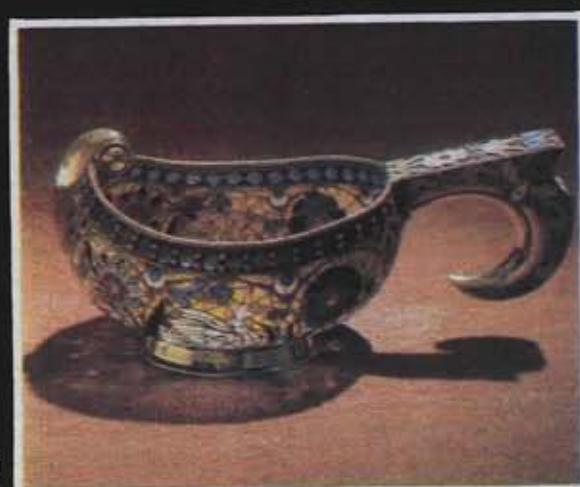
В Эрмитаже
с 1771 года — из
собрания барона Кроза.

Кубки русской работы
XVII, XVIII и XIX вв.

Ф. Халс. «Портрет
молодого человека».
1645 г. (68 × 56 см.).
Находилась в Эрмитаже
с 1770-х годов.

Ковш работы русского мастера. Начало XX века.

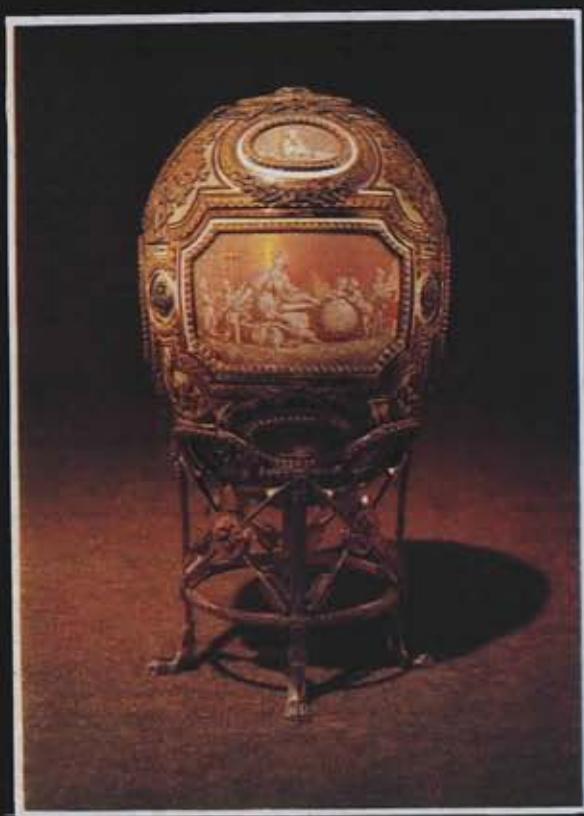
Ф. Халс. «Портрет веселого офицера». 1640 г. (86 × 69 см). Куплена для Эрмитажа в 1770-х годах.

Рафаэль. «Мадонна Альба». 1510 г. Попала в Эрмитаж в 1836 году с коллекцией барона Кузвельта.

Свадебная корона русских цариц. 1840 г.

Пасхальное яйцо. К. Фаберже.

Тициан. «Венера с зеркалом». 1555 г. (124,5 × 105,5 см). В экспозицию Эрмитажа приобретена в 1850 году с собранием Барбариго.

не верно,— писала газета,— мы будем рады возможности его исправить». Оправдания не последовали и на этот раз.

Слухи приобретали уже ту устойчивость, когда люди известного склада не упускают шанса «войти в дело». Параллельно с европейскими, только с еще большей мобильностью, разворачивались события за океаном. Синдикат американских антикваров дал своему представителю в Москве телеграмму, в которой прямо говорилось о реальной заинтересованности в приобретении лучших картин Эрмитажа и содержалось предложение начать действовать.

Представителя синдиката не нужно было учить дипломатическим тонкостям. «Время — деньги», — решил он и в тот же день с телеграммой в руках явился в кабинет директора «Антиквариата».

— Что! — воскликнул тот. — Продавать сокровища Эрмитажа?! Какая дикая мысль!!

Но оказалось, поверенный синдиката был готов к такому обороту дела. Во всяком случае, он не поспешил откланяться, и, поскольку после гневно-удивленного восклицания ему указали не на дверь, а на кресло, воспользовавшись последним, выдержал паузу.

Она была продолжительной. Директор «Антиквариата» быстро ходил по кабинету, по-видимому, стараясь унять охватившее его негодование. Наконец он остановился и сказал неожиданно спокойным голосом:

— Если вашим друзьям в Америке угодно будет сделать предложение, то мы, конечно, передадим его соответствующим инстанциям. Решать будут там.

Телеграмма, содержащая суть разговора в «Антиквариате», была отправлена в Америку немедленно. Ответ не заставил себя ждать: синдикат тотчас телеграфировал список сорока шедевров Эрмитажа, которые намерен приобрести. Среди названных — Леонардо да Винчи, Рафаэль, Ван Эйк, Рубенс... Короче: за все сорок картин синдикат предлагает пять миллионов долларов.

Сумма несколько озадачивала. Как вспоминал потом представитель синдиката, он подумал тогда, что с таким же успехом можно было предложить десять долларов за Рембрандта. Однако не нашел достаточных причин, чтобы не довести текст телеграммы до сведения одного из заместителей наркома. Эффект был примерно тот же:

— Да они что, считают нас за детей?! Разве мы не знаем, почем продаются такие картины в Париже, Лондоне, Нью-Йорке?! Если они серьезно заинтересованы, то пусть и делают серьезные предложения!

Трудно сказать, по какому случаю на столе хозяина этого кабинета оказалась вдруг каталог Эрмитажа, но, открыв его на странице с воспроизведением «Мадонны Бенуа» Леонардо да Винчи, он стукнул по нему кулаком:

— Да одна эта картина стоит пять миллионов золотых рублей!

Поверенный синдиката быстро смекнул: это 2,6 миллиона долларов. Пока же оставалось тратить доллары на еще одну телеграмму в Америку. Ответ был более чем четким: «Конкретно предлагаем за Леонардо да Винчи 2 000 000 долларов».

Поскольку запрошенная цена на этот раз не очень превышала предложенную, можно было постучаться в кабинет повыше.

Нижеследующий, как, впрочем, и предыдущий, разговор воспроизведен по воспоминаниям его участника, который, опять-таки с телеграммой в руках, явился к Микояну.

— Намерения у нас серьезные, — сказал нарком, но, улыбнувшись, добавил: — Конечно, в один прекрасный день революция произойдет и у вас, и тогда мы заберем картину

назад. Так что, по существу, мы вам ее передаем лишь во временное пользование.

Была ли это шутка, сказать сейчас не решимся. Что же касается цены, Микоян, конечно, не шутил — он был тверд: пять миллионов золотых рублей, и ни копейки меньше.

Коса нашла на камень — ответ на очередную телеграмму последствий уже не имел: к двум миллионам долларов синдикат не соглашался прибавить ни цента.

Трудно сказать, чем бы кончился торг за Леонардо, если бы в это самое время не приоткрылась завеса над тайной, до сих пор тщательно охраняемой. Выяснилось, что некое частное лицо уже покупает картины Эрмитажа!. Лицо, правда, оказалось не совсем частным, и хотя покупало оно картины в личную собственность, но являлось не кем иным, как министром финансов Соединенных Штатов Эндрю Меллоном.

Обнаружив это и несмотря на внешний статус, синдикат дал задний ход. И вот почему.

Министр финансов Меллон, пересидевший на этом посту трех президентов, фигура особенная. Получив в наследство несколько миллионов долларов, он превратил их в одно из крупнейших состояний Америки — третье по счету. Как никто другой из миллиардеров, Меллон обладал качествами, которых соперники боялись не без оснований. Так, начав борьбу с Пенсильванским Стандарт-Ойл, он буквально переломил хребет этому любимому детищу Рокфеллера. Сухой, подтянутый, сдержаный и крайне скрупулезный на интервью, миллиардер был известен, быть может, единственным проникшим в печать афоризмом: «Чтобы утвердить за собой победу, нет необходимости быть грубым с людьми». Возможно, небезынтересную черту к портрету добавят и факт, прямо связанный с нашей темой.

В 1931 году Меллон прибыл в Европу с целью, широко афишируемой прессой, — «убедить Англию принять участие в бойкоте СССР». Другая, сохранимая в глубочайшей тайне, как выяснилось позже, заключалась в том, что из Европы было удобнее вести переговоры о личных интересах со страной, к которой он призывал.

В то самое время, когда Меллон «уламывал» Англию бойкотировать СССР, личный его секретарь отправился в Ленинград с миссией несколько иного рода. По залам Эрмитажа, закрытым на этот час для публики, секретаря Меллена сопровождала группа «искусствоведов» из Внешторга. Впрочем, вот как он сам об этом вспоминает: «Меня провели по всему Эрмитажу и заявили: «Мы продаем все — любое в любом музее. Выбирайте, что вам интереснее». «Понятно, я выбрал для Меллона, что считал лучшим».

Собеседник, передавший этот разговор, спросил:

— Как не стыдно такому лицу, как Меллон, приобретать русские сокровища, продаваемые из-под полы и втайне от народа?

— Что же тут стыдного? Если бы не купил мой патрон, купили бы все равно другие.

Отдадим должное откровенности, как, впрочем, и изысканному вкусу секретаря, — он действительно выбрал лучшее!

К горькому рубежу подошла наша хроника. Приходится называть, хотя и далеко не полный список того, что ушло из Эрмитажа, — только в одну коллекцию Меллена. Ушло навсегда:

«Благовещение» Яна Ван Эйка (инв. № 443) — единственная картина великого мастера, бывшая в нашей стране;

из четырех Рафаэлей — два лучших: «Мадонна Альба» и «Святой Георгий» (№№ 38, 39);

«Поклонение волхвов» Боттичелли

(№ 3) — один из самых изумительных колористических шедевров великого мастера;

триптих Перуджино с «Распятием» в средней части (№ 1666) — лучшая станковая картина итальянского живописца;

«Венера с зеркалом» Тициана (№ 99), считавшаяся наиболее драгоценным перлом Эрмитажа;

эскиз Веласкеса к «Портрету папы Иннокентия X» (№ 418), тот самый, о котором говорят, что, увидев свое изображение, папа воскликнул: «Это слишком правдиво!»

два из четырех, несомненно, лучших творений Халса — «Портрет сына художника» и «Портрет веселого офицера» (№№ 770, 773);

загадочная «Девушка с метлой» и знаменитейший портрет, так называемый «Ян Собеский» (№№ 826, 811) Рембрандта;

«Елена Фоурмен» Рубенса (№ 576) — изумительнейший по психологической глубине и колориту портрет второй жены художника;

«Лорд Филипп Уортон» (№ 616) Ван Дейка — лучший из лучших портретов фламандского мастера...

Список этот — этот мартиролог! — пополнивший коллекцию американского миллиардера, далек, увы, от завершения. Когда-нибудь полный список этих жертв времени воспроизведут специалисты, а пока об этой трагедии русской культуры в нашей печати не сказано ни единого слова.

Отметим и другое. Если большинство буржуазных правительств смотрело на эти события сквозь пальцы и предпочитало молчание, то голос общественного мнения звучал громко и определенно. Сообщения о распродажах Эрмитажа печатались из дня в день на первых полосах, причем комментарии были более чем конкретны. Одна из парижских газет, в частности, писала: «Мы вправе удивляться тому, что богатейший министр правительства, охотно дающего другим уроки добродетели и даже не признающего СССР, позволяет себе для обогащения своих коллекций купить сокровища, отнятые у народа».

Но закончим с Меллоном. В мае 1933 года департамент полиции США назначил расследование финансовой деятельности министра. Обнаружилось, что он скрывал от фиска действительные размеры своих доходов и не уплатил налога в размере многих миллионов долларов. Но, зная законы страны, по которым филантропия освобождается от наказания, Меллон нашел способ выйти из положения: он пожертвовал Национальной галерее в Вашингтоне свою 50-миллионную коллекцию картин. Согласно закону, это собрание, оставаясь в частном владении, было обложено налогом в 32 362 000 долларов, причем их следовало уплатить наличными. Так что переданная в Национальную галерею коллекция оставила кругленькую эту сумму в кармане миллиардера.

Судить, однако, чужих миллиардеров не входит в задачу этой хроники — наша трагедия разыгрывалась не за океаном и оказывала себя уже не интермедиумами, а целыми актами.

Грозной комиссии «Антиквариата», еще недавно «спускавшей» в Эрмитаж предписания такого рода: «Выделить картин на три миллиона золотых рублей», теперь уже не было надобности себя утруждать. Машина была запущена на полный ход. Собиратели с миллионами, антиквары-перекупщики, пользуясь каталогом галереи и заранее сговорившись о цене с «соответствующими инстанциями», начали просто выписывать шедевры Эрмитажа, как выписывают ныне барахло по каталогам универсальных магазинов: «пришли «Диану Гудона», «Вышилите «Пир Клеопатры» Тьеполо»...

Простейшим этим операциям пред-

шествовала, правда, небольшая формальность: директора Эрмитажа вызывали к начальству, где и отдавали устный приказ выдать такую картины. Как рассказывал автору хорошо запомнивший страшное это время академик Б. Б. Пиотровский, картины исчезали ночью — как люди. По ночам к подъезду Эрмитажа подкатывали машины, похожие на те, в которых увозили тогда людей. На другой день на месте, где красовалась известная всему миру картина Рембрандта «Жена Пентефрия обвиняет Иосифа» (№ 794), появлялась табличка: «Картина взята на реставрацию»; на месте, где вчера еще светился, играл перламутром красок шедевр Ватто «Влюбленный мещан» (№ 1503), — другая: «Картина снята для фотографирования». А в скором времени в Чикаго открывается выставка «Век прогресса», экспозицию которой украшают обе эти картины — только одна принадлежит фирмам Кнедлер, вторая — музею «Метрополитен»...

Рецензируя «незабываемую» эту выставку, один французский критик, между прочим, писал: «Да будет позволено выразить сожаление, что при распродаже Эрмитажа Франция не фигурировала среди покупателей. Ни Луврский музей, ни министры, ни управляющие ведомством изящных искусств об этом не подумали... В России есть еще картины Ватто, да будет это известно. Я уверен, что, если правительство просит у палаты кредит в 10 миллионов франков, дабы мы могли войти в их владение, это предложение будет встречено с одобрением». И вряд ли придется в этом сомневаться — почва была подготовлена.

Эрмитаж жил «новой» жизнью периода «реконструкции». На заседаниях музеяного комитета, которые вел теперь представитель нового руководства, всерьез обсуждался вопрос: считать ли Ватто «аристократическим» или только «буржуазным» художником. Сейчас, конечно, трудно представить себе, что проект выставки XVII века был провален только потому, что представитель «сверху» заявил:

— Помилуйте, у вас там Людовик XIV! Уберите Людовика, и мы разрешим выставку!..

(Прерывая хронику, автор берет себе место в скобках, чтобы вспомнить не такое давнее, а из собственного опыта тепленькое еще времечко, когда нашему брату журналисту твердили: «Давайте, побольше давайте об охране памятников! Только никаких куполов, никаких церквей!..» Стыдно, а выкручивались.)

Но продолжим о давнем. В 1932 году помощник хранителя Лувра побывал в наших музеях. Вот что он писал по возвращении в Париж: «Сезанн великолепно представлен; над его картинами, однако, красуется такое объявление: «Дебюты французского империализма». В двух музеях я видел по зале Пикассо. В каждом из них было написано: «Зала буржуазной гнили».

Привожу невероятные эти свидетельства как доказательство полного пренебрежения к культуре того, кто ею заправлял, готовя почву преступлению, не замедлившему сказать. Самое время ответить на вопрос: кем именно она готовилась?

В начале нашей хроники впервые опубликован ответ Сталина на письмо И. А. Орбели. История его многое объясняет.

Новый директор Эрмитажа Б. В. Легран, человек, разжалованый в руководители крупнейшего музея мира, но по роду прежних своих занятий все-таки близкий к «верхам», знаяший «ходы», посоветовал тогдашнему хранителю отдела Востока Орбели написать Сталину. Мотивировал он это тем, что «вождь перестал доверять партийцам», а письмо беспартийного Орбели, которое он, Легран, вручил своему дру-

гу Енукидзе для передачи Сталину, дойдет и возьмет действие — в отличие от других писем, не единожды посыпавшихся сотрудниками Эрмитажа в этот адрес, но оставленных без ответа, если не считать, конечно, последствий, о которых рассказано выше.

Как знаем мы теперь, Сталин писал ответ в самый разгар «музейного экспорта», но, говоря, «что можно считать вопрос исчерпанным», вождь, по своему обыкновению, лукавил: фраза о том, что «соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг не трогать сектор Бостока Эрмитажа», была, в сущности, издевкой — вакханалия распродажи картин продолжалась.

Уже после письма Сталина Эрмитаж навсегда покинул шедевр Рембрандта «Отречение апостола Петра» (№ 799). Спустя полгода Мельбурнская галерея получила в свою собственность одну из самых блестящих картин Тьеполо — «Пир Клеопатры» (№ 317), а вслед за ним — через год — из Эрмитажа навсегда ушел редчайший по своим достоинствам так называемый «Татищевский складень» — «Распятие» и «Страшный суд» (№ 444) кисти Губерта Ван Эйка. Единственная в России работа великого этого мастера украшает теперь экспозицию музея «Метрополитен» в Нью-Йорке.

В 1933 году губительная волна распродаж ударила и по выдающимся, известному всему миру собранию Музея Нового Западного искусства. В тот год мы потеряли знаменитый «Портрет жены художника» Сезанна и один из первейших шедевров Ван Гога «Ночное кафе»...

Настало, однако, время расставить все точки над «и». Но, назвав поименно виновников преступления, мы все-таки не ответим на вопрос: кто они? Одного перечня здесь мало — нужен социально-психологический портрет. Начнем с очевидного.

Самая мысль о возможности «музейного экспорта» могла, конечно, прийти в голову людям, совершенно свободным от культурных и национальных традиций, — «что он Гекуба или ему Гекуба?». Вершить же такие дела было по силам только очень высоким чинам. Насколько высоким, говорит тот факт, что все попытки Луначарского воспрепятствовать распродаже оказались тщетны: наркому просвещения противостоял более могущественный нарком — Внешторг. И тем не менее масштабы преступления таковы, что замкнуть его пределами одного, пусть и могущественного этого ведомства было бы противоестественно — игра шла по крупной, и все нити тянулись к фигуре номер один.

Допустим, что «лучший друг физкультурников» имел весьма смутное представление о Рафаэле и Тициане, но, читая хотя бы газеты, «лучший друг моряков» не мог упустить множества появившихся в те дни сообщений о том, например, что транспорт с партией картин голландских мастеров на выставку в Лондон сопровождали два эсминца. Из одного такого факта «корифею наук» несложно было уразуметь, на чем можно сорвать куш. Учтем здесь и то обстоятельство, что к началу 30-х годов «гению всех времен и народов» почти уже некому было доказывать макиавеллиев тезис, что цель оправдывает средства — оставленное им окружение в этом не сомневалось, а всяким Луначарским с их «нравственными комплексами» и не понявшим что к чему музейным интеллигентам можно для начала строго указать на великую цель — «стране нужна иностранная техника». Именно так поставил вопрос властитель осиротевшей по смерти Ленина страны и, не рассчитывая больше на пенёк и брускину, решил, что лошадь, которая вывозит тяжкий воз индустриализации и коллектivизации

должно стать культурное достояние России.

В этом «действии» в полной мере проявилась хваленая дальновидность «великого стратега». А то, что отторгнутые территории можно вернуть, концессии — выкупить, разрушенное хозяйство — восстановить, а нового Эрмитажа создать нельзя, — не входило в сферу его умозаключений. Так удивляться ли, что не смущало Сталина и то, что несколько чудовищным способом добытых миллионов почти ничего не значат в государственном бюджете, а мистическую свою манию сплошной коллектivизации можно насытить иным путем?

В самом деле, была ли альтернатива получить «фордзоны», не разоря Эрмитажа? Была, и не одна.

На проходившем в те же годы в Ленинграде пушном аукционе американская фирма заключила с Внешторгом договор о поставке пушнины на десять миллионов долларов, что мы очень скоро и без ущерба национальному достоянию выполнили.

Но, допустим, Сталин считал приличнее решить валютную проблему с помощью изящных искусств. В таком случае не мог он не быть осведомлен, что также нуждавшийся в валюте Германия в то же самое время предложила пополнить казну с помощью культурного достояния, однако не в ущерб ему: консорциум крупнейших антикваров в Париже предоставлял Германии возможность получить миллиард франков под залог некоторых картин из музеев Берлина, Дрездена, Мюнхена, Кельна. Картины всего лишь должны быть перевезены во Францию, выставлены в специальном помещении, а по выплате долга возвращены обратно...

Зная все это, можно ли было решиться на разгром величайшего музея мира в своей собственной стране? Но тогда придется поставить и второй вопрос: мог ли иначе поступить человек, обезглавивший свою собственную армию накануне войны, неизбежность которой ясна была каждому?..

От таких вопросов и ответов на них никуда не денешься. Но не сомневаясь, что и после этого поучительного экскурса в историю и несмотря на логику очевидного, будут читатели, которые подумают: «А стоит ли лягать мертвого льва?» Но весь вопрос, однако, в том: а был ли лев?.. С этой легендой пора бы покончить навсегда. Неужели, зная сегодня даже далеко не все, содеянное Сталиным, можно сомневаться, что если это был лев, то уже отведавший человечину? Иначе не объяснишь полное пренебрежение ко всему, что имеет человеческую и духовную ценность. Не объяснишь иначе и маниакальные склонности доводить до абсурда все без исключения — и сплошную коллектivизацию, и «реконструкцию» культуры. Как бы кто ни хотел повернуть дело иначе, львиная доля вины за разгром Эрмитажа — на нем, ибо при той структуре власти и той политике, которую вел Сталин, он был единственным, кто мог это дозволить. И если доводить логическую цепочку до конца, нужно будет признать: жертвами сталинизма стали не только миллионы человеческих жизней и судеб, но и поруганные, разрушенные и выброшенные за пределы страны памятники нашей культуры.

Но покончим со Сталиным — дальнейшая судьба нашего культурного наследия требует внимания и сегодня. И хотя трагедия кончилась — будем надеяться, навсегда — драмы нет-нет, но разыгрываются на многострадальной сцене нашей культуры. Масштаб не тот, но все же, все же...

В конце 50-х годов из Третьяковской галереи — в дар парижскому театру «Комеди Франсез» — ушел один из лучших окских пейзажей Поленова. Кто знал, похали-похали,

пресса, занятая сверх головы проблемой кукурузы, такому «пустяку» внимания, конечно, не уделила. Как, впрочем, и другому факту, имевшему место в 1973 году.

На переговоры по поводу соглашения об обмене минеральными удобрениями в Москву приехал американский промышленник. Между делами он был приглашен на встречу с тогдашним министром культуры Е. А. Фурцевой.

— У меня есть для вас сюрприз, — сказала министр. — Мы узнали, что в вашей коллекции нет картин Казимира Малевича. Мы выбрали картину, которую сотрудники Третьяковской галереи считают одной из лучших работ периода супрематизма, и Советское правительство просит принять ее в дар.

Так вспоминает этот монолог один из участников достопамятного события. Вспомним и мы, что ему предшествовало.

А сначала вопрос стоял так: где взять Малевича? Конечно же, в Русском музее, который обладает великолепной коллекцией этого выдающегося мастера русского авангарда. И в Ленинград последовал звонок из Министерства культуры СССР, еще точнее — из Управления изобразительным искусством и охраны памятников (заметим — «охраны!») — прислать в Москву картину Малевича. Директор Русского музея Василий Алексеевич Пушкирев категорически отказал.

— Тогда будет приказ! — сказало Управление.

— Приказ будет выполнять другой директор! — ответил Пушкирев.

Отпор был решительным, и приказа не последовало. Но Пушкиреву этого не забыли — напомнят в свое время. А пока более говорчивым оказалось руководство Третьяковской галереи: «Супрематическая архитектоника», 1914 г. (инв. № 11968), оставил в собственности Третьяковки рентгенограмму картины и один негатив, навсегда покинул галерею. Приказ о проведении этой акции подписал заместитель министра культуры СССР В. И. Попов.

В 1975 году в Англии, у частного лица, обнаруживаются важные для нас архивные документы. Где взять валюту? Вечный этот для Министерства культуры вопрос опять-таки решает Малевич: правда, действуют от его имени другие. Как — это тоже интересно.

В Ленинград звонит начальник того же Управления А. Г. Халтурин и говорит, что министерство «для сравнения и атрибуционных изысканий» необходимы две лучшие картины Малевича. Ну если для атрибуции и сравнения, думает Пушкирев, придется послать. Однако, как он сам заметил, на всякого мудреца довольно просто и послал в Москву две, но совсем не лучшие картины Малевича. А между тем карточки на действительно лучшие работы художника Пушкирев изымает из инвентарной картотеки, а сами картины переселяют в особую комнату, на двери которой вешает амбарный замок и табличку «Ход на чердак».

Как и следовало ожидать, присланые в Москву картины министерство не удовлетворили. Потому, заподозрив «умысел», Халтурин посыпал в Русский музей комиссию из трех человек с наказом самим отобрать лучшее из имеющегося. Комиссия работает добросовестно, тщательно обследует фонды, но, естественно, не обратив внимания на обшарпанную дверь с амбарным замком и табличкой «Ход на чердак», не находит ничего лучше присланного. Правда, вспоминает Пушкирев, председатель комиссии, уезжая, многочленно улыбнулся...

Директора Русского музея не удалось взять ни на испуг, ни измором, однако эта история не прошла ему даром: защитив Малевича от рук ми-

нистерства и сохранив картины в галерее, из Русского музея Пушкиреву в конечном счете пришлось уйти.

Что же касается лучшей работы Малевича, министерство и на этот раз отыскало ее в Третьяковской галерее. Там отстаивать сокровища оказалось некому: по приказу, подписанному очередным заместителем, картина «Динамический супрематизм», 1916 г. (инв. № 11967) ушла в Англию, в частную коллекцию...

Но и здесь не можем поставить мы точку, чтобы завершить горькую нашу хронику, — она продолжается, все более приближаясь к дням нынешним.

В начале этого года закупочной комиссией Министерства культуры «приглянулся» старинный столовый сервиз, вывезенный, кстати сказать, в те самые годы из России. Что ж, пора бы начать и выкупать — грехи то хоть и давние, а не чужие. К тому же владелец изъявил желание продать. Где взять валюту? — главный и, похоже, нескончаемый вопрос в этом ведомстве. Спросить, правда, хочется: куда уходит та, каковую в количествах весьма изрядных поставляют ему Госконцерт, балет и пр.?.. «Не дает ответа!» Но ближе к делу: где взять? Малевич изрядно передел, до Кандинского руки пока вроде бы не дошли, в частных коллекциях так просто не возьмешь — времена не те; а вот есть у нас Родченко, хоть и не из самых первых, а любой западный музей приобрести не откажется... Понятно, не отказался и владелец старинного русского сервиса. На том и порешили: поменять, что точнее же, без волокиты, и свершилось — такие дела делать надо быстро и, как памятники сносить, тишком. И то сказать: много развелось нынче защитников. На той же комиссии, из задних, правда, рядом вопросов был задан прямо-таки «пробоакционный»:

— А где мы возьмем валюту через десять лет, чтобы выкупить Родченко обратно?..

Вопрос, понятно, остался без ответа, и спросивший, как нам известно, работает пока на прежнем месте — «гласность, товарищи, гласность!» Слово, оно, конечно, сегодня не наказуемо, да только по-прежнему прислушиваются к нему редко. К этому — стоило бы: через десять лет валюты этой самой — на выкуп — потребуется куда больше, чем сегодня. По подсчетам издающегося в США антикварного справочника, цены на произведения искусства, только начиная с 1946 и по 1976 год, поднялись на 975 процентов!.. Что же дальше? И о чем в таком случае думают сегодня те, от кого это зависит? Или десять лет представляются им сроком вполне достаточным, чтобы сменить руководящее кресло на пенсионный покой? Так ведь и у них есть дети!..

И, наконец, последнее, чего упустить никак нельзя.

Аукцион Сотбис в Москве прошел в июле. Газеты по свежим следам его приветствовали, дружно отметив как будто бы и не вызывающую сомнений полезность мероприятия. Правда, полезность эта расшифровывалась как-то туманно, что-то осталось недоговоренным. И не случайно уже месяц спустя раздались отрезвляющие первый ажиотаж голоса, принадлежащие — что очень важно — людям двух разных поколений. Так, Евг. Евтушенко писал в «Литературной газете»: «С одной стороны, хорошо, что русскую живопись увидят в других странах, что молодые художники благодаря этому деньги-подиуму с капиталистического неба смогут дальше спокойно работать, не суетясь ради поденчины. Но все-таки кошки скребут у меня на сердце.

Окончание на 19-й стр.

*Кавалергарды в городе!
К истории — с любовью.
...Отец солдатам.
Гвардия — вперед!
Скажи-ка, дядя...
Щи да каша — пища наша.
Свидание перед «боем».*

с Наполеоном. Но как привести и кому принять в нем участие? Сделать его стандартно-будничным, с рюкзаками, палатками и митингами у исторических памятников? Такой поход годился только для «галочки», и тогда прозвучала команда:

— Униформироваться!

Кажется, не было города, населенного пункта, через который проходил наш сводный полк, где бы не спросили: форму на «Мосфильм» взяли? Да нет же, все — с пуговицы до кивера — сделали своими руками. И тогда следовал новый вопрос: зачем? Зачем... А скажите, много ли мы знаем об истории Отечества, ведь даже такой простой вопрос: «Когда Россия закончила войну с Наполеоном?» — для большинства становится неизвестным ребусом.

В 30-е годы в Малоярославце, Красном, Полоцке, через которые пролегла дорога войны 1812 года, были снесены памятники защитникам Отечества. Старожилы рассказывали: когда взрывали в Полоцке памятник, стилизованный под церковь, он, словно человек-исполин, поднялся над землей...

На месте памятника мы установили сохранившийся в краеведческом музее его макет, рядом поставили

Александр ЖУРОВ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

СЮРПИШЕН

В одители на трассе недоуменно разглядывали странную колонну, движущуюся по обочине, притормаживали и вылезали из кабин.

«Вроде на КамАЗе еду, а не на машине времени», — удивлялся один — а тут прямиком в прошлый век угодил.

«Кино снимают», — понимающе кивал другой.

Зрелище действительно больше походило на натурные съемки, однако ни софитов, ни камер, ни каких-либо других киношных причиндалов не было. По шоссе двигалась не масштабка исторического фильма, а сводный полк военно-исторического клуба «Слава Отечества».

Стоял жаркий московский июль, а мы облачились в мундиры 1812 года, перекинули через плечо панталеры, поправили на голове кивера, взяли кремневые ружья на «каруал» и по команде «кругом» совершили поворот на 180 градусов — шагнули из века нынешнего в век девятнадцатый.

А началось все два года назад, когда капитан Советской Армии Анатолий Новиков создал в воинской части, где служил, клуб «Слава Отечества». Идею поддержали в ЦК ВЛКСМ, и решено было провести поход по частям боев русской армии

копилку. В почетном карауле застыли два лейб-гренадера. Стояла тишина, казалось, что даже автомобили, проезжая мимо, замедляют ход. Поточнее долгие минуты выставивши у почетного караула, некоторые смахивали слезы, доставали деньги и, преклонив колено, опускали гривенники, рубли, червонцы... Именно так в прошлом столетии благодарная Россия собирала средства на строительство памятников своим героям. Этот, снесенный с лица земли, был установлен в 1850 году на народные деньги.

И был дым сражений, грохот орудий, барабанный бой, поднимавший в атаку полки. И знамена русской армии развеивались так же, как и 176 лет назад, будто и не прятали их все это время в запасниках музеев. И «Кутузов» был как две капли воды похож на славного фельдмаршала, так что хотелось, набрав в грудь воздуха, молодцово гаркнуть: «Позвольте, ваше сиятельство...» — и пойти, и совершить подвиг за Россию. Даже «Наполеона» чуть-чуть в плен не взяли, но он опять, как и тогда, в 1812-м, ускользнул. Что ж, историческая правда прежде всего. Но так хотелось его все же пленить, так уж казачки гнались за ним!..

САБЕЛЬ ЗВОН...

А вечерами, когда дым сражений уносился ветром, разбивали бивуак и начинали сражения другого рода — словесные. Уже не исторические казусы занимали умы молодых ребят, а реальности сегодняшние. Соприкоснувшись с духом минувшим, мы особенно остро чувствовали свою причастность к времени нынешнему. На долю нашего поколения выпала нелегкая миссия — prawdivo воспроизвести историю Отечества. Это невозможно сделать, если не проникнуться духом минувших времен, не связать день сегодняшний с днем вчерашним. Военно-исторический поход — детище наших перемен, подобного движения в истории страны еще не было. Но он не закончился с возвращением в Москву — осенью штаб планирует провести учредительный съезд, где будут разработаны устав, положение, будет решаться вопрос о создании фонда. Предполагается поездка в Лейпциг на празднование 175-летия «Битвы народов». А летом — в поход на Полтавское поле!

Юрий ФЕОФАНОВ

СОВЕСТЬ на продажу

Взятка... Берут ли ее на базаре, в пивном ларьке или коммунальной конторе — она одинаково отвратительна. Но, согласитесь, в институте, например, она выглядит вдесятеро гнуснее, ибо при этом развертываются в начале жизненного пути юные души. Привелось мне беседовать с бывшей преподавательницей вуза после ее осуждения на солидный срок. На судебном следствии ее оправдания выглядели не очень убедительно: дескать, родители абитуриентов чуть ли не насильно всучивали ей деньги. Никто, конечно, этих аргументов не принял во внимание. Взяточницу осудили, и поделом. Но если мы хотим исследовать процесс образования взятки, не стоит сбрасывать со счетов и ее оправданий.

Протащить в вуз свое чадо любой ценой — для иных родителей это цель жизни. Высокие принципы, думы о судьбе юной души, о нравственной порче — все побоку! Главное — набрать проходной балл. Любой ценой. Даже ценой уголовного преступления.

В свое время рассказы о взяточниках из приемных комиссий институтов были подлинной сенсацией. Редакторы прикидывали: а стоит ли печатать? Может, этот факт нетипичен? Небросим ли тень на славный отряд педагогов? Не скомпрометируем ли наш вуз? Подобные вопросы отпали сами собой. Увы, мы вынуждены были признать: взятки за поступление в институт стали системой. Ни родители, ни журналисты, ни следователи и прокуроры уже не ахали и не охали. Первые безропотно платили, последние сажали уличенных профессоров и доцентов, а журналисты описывали все это уже без удивленных и гневных воскликательных знаков. Развращающее влияние застойных времен и нравов превращало недавнюю уголовную сенсацию в обыденность.

После кончины Брежнева мне довелось быть на процессе по делу Вишнякова, работавшего секретарем Ростовского обкома партии по промышленности, а потом — заместителем министра сельскохозяйственного машиностроения ССР. И на той должности, и на другой он брал взятки. В основном за предоставление квартир и содействие в покупке автомашин.

Его-персональный шофер в Ростове, а потом в Москве братец шофера, занявший при Вишнякове место своеобразного ординарца, передали ему более ста тысяч.

На суде Вишнякову задали вопрос: как же все это началось?

— Однажды я ехал по области, — отвечал он, — и Женя, шофер, попросил устроить «Волгу» его дяде. Ни о каких взятках и речи не было. Думаю, почему

бы не помочь, парень хороший. А когда все было сделано, в очередной поездке вижу: на сиденье что-то в газете завернутое. Развернул — деньги. Возмутился, начал выговаривать шоферу. А он: «Виктор Иванович, это от души, благодарность от дяди. Не обижайтесь!» Вот как было.

— Но деньги-то вы взяли? — спросил прокурор.

— Взял.

— Сколько там было?

— Четыре тысячи. Они жгли мне руки...

Однако не сожгли. Обошлось. Руки привыкли к таким «ожогам». Секретарь обкома и заместитель союзного министра уже давал поручения своим подручным: найти клиента на «Волгу», президента на квартиру.

Вот что тогда больше всего меня поразило. Жизнь Вишнякова начиналась мужественно и светло. Парнишкой помогал подпольщикам в оккупированном Таганроге. После войны — комсомольская работа, институт, избрание партийным вожаком... И одновременно — разворачивание полуглегальных привилегиями, искушение властью, убежденность в том, что закон — не для масс, а для избранных этими массами и получивших от них все блага жизни.

Когда пришли, чтобы арестовать Вишнякова, то первое, что он сказал, было: «Вы отдаете себе отчет в своих действиях?»

В свое время, когда я описывал подобные судебные дела, то опускал партийные должности преступников: еще считалось неудобным говорить всю правду. Позже стали известны деяния Раширова и многих других, занимавших в партийной и государственной иерархии куда более видные места.

Поэтому в прошлом году никого не смущило то, что была открыто названа должность подсудимого Бровина, дежурного секретаря генсека Брежнева. Он тоже брал взятки.

Слушая показания этого «избранника судьбы», я вновь задавался вопросом: как же совершилось его падение?

Он занимал свою должность тридцать лет. Попал на нее без кумовства и блата. Крестьянский сын, ставший рабочим, выучившийся на юриста. Расторопный, толковый, ничем не запятнанный. Без высоких знакомств и влиятельных покровительств. А вот уж там, в самой близости власти, и началось то, что мы называем «перерождением».

Падение Бровина началось с того, что он сделал... добро дело. Женщина из Владивостока с безнадежно больным ребенком приехала к родителям в Москву после того, как ее оставил муж. Все хлопоты о прописке оказались

пустыми. И тогда она стала искать обходные пути. Через цепочку посредников добралась до Бровина. Один его звонок — и вопрос был тут же решен. Посредники шепнули женщине: «Надо дать». Намекнули, что хорошо бы пару дубленок. Одну принесли Бровину...

В следующий раз была просьба посодействовать, чтобы выпускника военного училища оставили служить в Москве. Опять через сложную цепочку.

— Позвонил генералу. Ничего не требовал, просто спросил: нельзя ли?.. И был удивлен, когда мне передали пакет.

— А что в том пакете?

— Три тысячи.

Ждал он за услугу такую «благодарность» или не ждал — только ему и известно. Но то, что взял, — факт. И так легко! Звонок — и все крутится, вертится, ломаются правила и нормы, на том конце провода мгновенно встают по команде «смирно». Вот тут-то перерождение и пошло полным ходом, развиваясь, как раковая опухоль души. Взятки уже пошли многотысячные...

Впрочем, на фоне многих преступлений, ставших в последнее время досягением гласности, девятнадцать тысяч рублей взяток могут показаться мелочью. Только ведь суть дела в количественном измерении не выразишь. Через помощника Брежнева формировались волны разложения и развертывания с усиливением, прямо пропорциональным расстоянию. Казнокрады и взяточники находили через таких, как Бровин, надежный заслон от меча закона и от общественного гнева. Уверенные в покровительстве, они не считались ни с чем, насаждали неверие в правду, справедливость и законность...

Наконец-то мы не побоялись назвать вещи своими именами, сдернули покровы с «неприкасаемых» и говорим себе, а значит, и миру горькую правду. Многие считают, что этим мы выставляем себя на всеобщий позор, ибо мздоимец в министерском ранге, взяточник из высохшей приемной действительно нашстыд и позор. Но иначе нельзя. Испеченный меч гласности не может разить выборочно, с оглядкой на «приличие».

И все-таки даже самые громкие дела о взятках, самые смелые должностные разоблачения, самая позорная статистика мало что дадут, если не проанализировать: откуда же взялась вся эта скверна, где ее истоки? Тут при всей схожести самого деяния проблем мас-са. И исторические корни, и социальные предпосылки, и правовое неравенство — все оказалось влияние на расцвет этого зла.

У Стефана Цвайга есть любопытное высказывание о скрытых мотивах челов-

еческих драм: «Подобно тому, как болезнь начинается задолго до того, как она обнаруживается, так и судьба человека возникает не в ту минуту, когда она становится очевидной и сбывающейся: долго она таится в глубине нашего существа, овладевая нашей кровью, прежде чем коснется нас извне. Самопознание уже равносильно сопротивлению...»

Но мы не всегда склонны к самопознанию, равному сопротивлению. В тысячах случаев нарушитель не считает себя таковым, а окружающие не видят в нем злоумышленника. Все начинается с мелочей, без видимого вреда, порой с благородными даже намерениями (помните первую услугу Бровина женщине из Владивостока?). А в итоге — глубокое падение без видимых причин. Потом, задним числом, мы все стараемся объяснить случаем, роковым стечением обстоятельств, чуть ли не «перстом судьбы». Как это и делают взяточники, оказавшиеся на скамье подсудимых.

Ах, как хорошо объясняет наука или опыт парадоксальные на первый взгляд явления материального мира! И как плохо еще знает себя сам человек! В его поведении чутко добавки порой становятся причинами роковых обвалов. А он вроде и не замечает накопления критической массы.

Нет, будем точными: замечает, чувствует, тревожится. Это только другим незаметно. А сам-то он все понимает, но... как ребенок, прячет голову под подушкой, думая, что спрятался целиком. Отмахиваясь от сознания рокового порога, все же переступает его. А потом — но уже поздно! — переломанный хребет жизни, обвал.

Мне приходилось не раз быть свидетелем того, как человек мучительно искал, когда же он сделал этот небольшой шажок к пропасти; находил его, стонал, сознавая невозможность все переиграть. Жизнь наша вариантов не имеет. Что сделано, то сделано.

Да, переиграть невозможно. Предвидеть же роковые последствия ложного шага в наших силах...

Есть у нас классические отрасли человеческой деятельности, где взятки, поборы, обсчеты считаются чуть ли не обязательными атрибутами профессии. Та же торговля, например. Такая уж у нее, говорят, специфика. Торговля, однако, ничуть не хуже юриспруденции, сталеварения, врачевания... Однако было бы лицемерием закрывать глаза на то, что торговля имеет свои особенности и подводные рифы. Соблазнов здесь действительно немало. И традиции определенные существуют, как мы с ними ни боремся. И даже взгляд на

торговых работников тоже сложился определенный — «все там берут». И книги, кино, пьесы больше выставляют продавцов в отрицательном плане, нежели в положительном. Все эти обстоятельства со счетов не сбросишь.

Директор гастронома — против нее было возбуждено уголовное дело — рассказывала мне о прежних временах, когда небольшой коллектив ее магазина жил одной семьей. Никто не уходил домой с набитыми сумками, но кое-что все же прихватывали. Во всяком случае, директор сохраняла практически всю зарплату: завтракала, обедала и ужинала в магазине. На мой вопрос: «Но это же за счет покупателей?» — ответила: «Конечно, за чай же еще, но мы тогда не зарывались, зато ведь и работали с утра до ночи, и продавцы, и грузчики, и поломойки».

Не зарываться учил ее бывший директор, когда она еще работала продавцом. Он любил пофилософствовать: «Торговля без навара не бывает... Но пять граммов — ваша планка. Если какой настырный обнаружит недовес в пять граммов и поскандалит — ничего страшного, обойдется. Но границу эту не переступать! Каменных хором вы себе не построите, но кусок хлеба с маслом, а по праздникам и с икрой всегда будет иметь. И спать будет спокойно. А если планку вздумаете перепрыгнуть, может и прокурор припомнить».

И она втягивалась в махинации, считавшиеся в их среде законными, и это стало нормой для нее. Попробую коротко изложить суть ее «психологического режима». В торговле, по мнению моей собеседницы, все перевернуто. Можно бесплатно брать продукты, уносить их домой, если образовались в конце дня излишки (в виде ли колбасы, или денег); можно собирать дань с нижестоящих (директор — с завескциями, те — с продавцами, а последние, естественно — с покупателями, ибо, кроме них, брать не с кого). Это норма, а не выход из нее; порядок, а не исключение; предопределенность, а не преступление. Такая вот философия.

Что ж, торговля без выгоды не бывает... Но почему бы и не дать торговым работникам выгоду? Разве это фантазия? Высказываются же разные варианты организации торгового дела. Очевидно, во всем этом есть смысл. Да вот только никакая самая совершенная система не заменит нравственного чувства, с которым человек приходит к оценке своего поступка. Не случайно еще древние римляне говорили: законы слабы без нравов. В их утверждении не признание слабости закона, а скорее признание его недостаточности для всеобъемлющего формирования поведения.

Взятка многолика. Но начинается она всегда с «чуть-чуть». В комментарии к статье 173 УК РСФСР («Получение взятки») сказано: «Очевидно, что многообразные способы взяточничества невозможно предусмотреть в законе».

Конверт ли с деньгами, заграничный сувенир или дешевенький памятный подарок, роскошный обед в дорогом кооперативном кафе или же бутылка под столиком в общепите, звонок по знакомству или грубый на jaki姆 на подчиненного — обличий у взятки много. Каждый раз следствие, а потом суд выясняют, где был подарок невинный, а где преступный. Но как часто бывает трудно в этом разобраться! Старинное правило медицины гласит, что все есть яд и все есть лекарство и только доза делает его тем или другим. А тут не столько доза, сколько мотив. Будь это цветок секретарши или дорогой шоколадный набор референту — кто-то, а сам-то дающий отлично знает: знак внимания это или крючок с на jakiмкой.

Но знание сути действия — одна сторона. А как бороться со злом? Когда это не конверт с деньгами, а, допустим, коробка конфет, но преподнесенная в обмен на незаконную услугу? Когда то самое «чуть-чуть», глазу незаметное, отделяет благородство от низости?

Думаю, борьба одними административными мерами обречена на провал.

Кого-то выловят, кого-то уволят — придут другие, если к этому равнодушны окружающие, коллектив. Нетерпимость, бескомпромиссность каждого, создание невозможного для взяточника климата — вот что необходимо, если мы хотим серьезно бороться с взяточничеством, спекуляцией и бесхозяйственностью.

Хочу вернуться к карательным мерам: общественным, административным, уголовным. Парадоксальные вещи происходят со взяточничеством, что лишний раз подтверждает: жестокостью преступления не искоренить. Еще до застойного периода, при Хрущеве, усилили уголовную ответственность за взятки до предела (до высшей, привильней — исключительной меры). И приговаривали взяточников к расстрелу. И расстреливали. И в эти же самые годы брежневского безвременя пышнейшим цветом расцветало взяточничество! И не только среди тех, кто считал себя недоступным закону, но и среди простых смертных. Да мы же с вами знаем: от сантехника и продавца без «подмазки» ничего не добьешься.

Я присутствовал на пленуме Верховного суда СССР, когда там рассматривалось применение законодательства об ответственности за взятки. Рассматривался протест на слишком суровое наказание, которое понес взяточник — бригадир поездной бригады. Ему дали 4 года за две взятки, каждая... по 5 рублей. При всем отвращении ко злу нельзя признать такой приговор справедливым. Да, виноват, да, должен знать, на что шел. И все-таки...

Двойственное чувство вызвало у меня и рассмотрение протестов на приговоры по делам о взятках на Президиуме Верховного суда РСФСР. Семнадцать протестов тогда рассмотрели. Среди осужденных фигурировали работники милиции, в основном участковые уполномоченные. Почти всем снили меру наказания, некоторым переквалифицировали оценку деяния: были осуждены по 3-й части статьи 173 УК РСФСР, а теперь пошли по части 2, что существенно меняет наказание в сторону смягчения.

Как же так, думал я, слуги закона, юристы, люди, призванные бороться со взяточниками в том числе, сами встали на этот путь!.. Какое может быть снискхождение? Да таких надо в бараки!

Но когда оглашались сроки лишения свободы за 200—500—1000 рублей — сроки гигантские! — то, сознавшись, карательный пыт пропадал.

Сейчас активно муссируется в печати вопрос о смертной казни. Отменить? Сохранить? Я бы лично поостерегся отменить ее за преступления против личности. Но за хищения, за взятки — жизнь? По-моему, это недопустимо.

Как понимать автора? — удивится читатель. То он говорил, что взяточничеством поражен бюрократический аппарат до самых верхов, а то слезу проливает над участком взяточника, которому много дали.

Увы, так непроста эта материя. Мне думается, порочна позиция, когда преступления оправдывают дурным воспитанием в семье, недостатками школы, формализмом комсомольской работы, всеобщей развращенностью... Как бы плоха ни была, допустим, школа — убивать и грабить она не учит. И перед судом оказывается не семья, не комитет комсомола, а человек, преступивший закон сознательно, коль скоро речь идет о взятке. По неосторожности взятки не берут. И отвечать полной мерой должен именно этот человек, а не окружающая его обстановка.

Но это касается конкретного приговора конкретному преступнику. Уголовная же политика не может опускаться до мести, до «стирания в порошок» человека. Она не может не учить состояния общества, его нравственной атмосферы. «Все берут» не оправдательный аргумент для взятки. Но это серьезный аргумент для выработки справедливого, основанного на принципах права закона. Это не призыв к снисхождению — это призыв к соразмерности

и учету всех факторов бытия.

Но давайте задумаемся над одним лежащим на поверхности обстоятельством. Взятку не только берут. Ее еще и дают. Помните вузовскую преподавательницу, которая говорила, как родители абитуриентов чуть ли не силком навязывали ей деньги? Пусть она, оправдываясь, преувеличивает. Но ведь действительно кто-то навязывает, активно ищет «нужных людей», провоцирует! Что бы мы ни думали о секретаре Брежнева, а все же Бровин, видимо, не лгал, когда рассказал суду о первой взятке — о дубленке.

В который раз повторяю: конкретного преступника это не оправдывает. Но выводит нас на сложнейшую проблему ответственности за дачу взятки.

Совсем недавно пришел ко мне владелец «Жигулей». Просил вмешаться и выручить его из беды. Он нарушил правила движения, и инспектор ГАИ на мерелся сделать просечку в талоне. Автолюбитель стал уговаривать его и сунул в карман ему десятку. А тот привез нарушителя в милицию, и там составили протокол о «попытке подкупить должностное лицо при исполнении...». «Обещали, — как сказал посетитель, — посадить». Честно говоря, не думала, что посадят, но разочаровывать взяточодателя я не стала, сказал, что запросто могут. Господи, как он возмутился! Он никак не хотел взять в толк, что провоцировал инспектора на тяжкое должностное преступление. Ну, представим себе, объяснял я ему, что милиционер взял бы и попался; ему же годы тюрьмы грозят. Нет, не хотел он этого уразуметь, а заодно и допустить, что УК распространяется и на него самого.

Закон освобождает от ответственности взяточодателя, если имело место вымогательство, если человек, отчаявшись добиться законного права, кладет чиновнику конверт. Практика идет дальше закона: дабы уличить взяточника, обещают отпущение грехов взяточодателю, лишь бы он помог разоблачению. Больше того — устраивают провокации, метят деньги и т. д. Такие методы вызывают сомнения, хотя и практикуются. Но не хочу сейчас вдаваться в юридические тонкости. Подчеркну одно: дача взятки тоже серьезное преступление (если нет вымогательства). Без нашего желания достичь целей в обход закона не было бы расцвета мздоимства. Не скажу, что вообще не было бы взяток. Но в таком размахе точно не было бы.

Понятно, и получение взятки, и дача взятки процветают на фоне вечного дефицита, ненавязчивого сервиса, разных нехваток и неустройств. Что есть, то есть. Экономическая реформа, развитие кооперации, насыщение рынка, конечно же, подрутят сами корни... Чего? Дефицита, нехваток, неустройств. Однако было бы наивным полагать, что одна экономика победит мздоимство. Скорее всего, оно просто переселится на иную почву. В развитых капиталистических странах, где «всего наявом», разве нет взяточников?

Но вот истинно социалистические основы общественного устройства, демократизация государственных структур и процессов, утверждение начал народного самоуправления, власть Советов народных депутатов, независимый суд, подчинение власти закону — все это в совокупности плюс утверждение коммунистической нравственности способно, на мой взгляд, реально выбрать почву из-под мздоимства любых мастей. Салтыков-Щедрин безнадежно назвал взятку женщиной в летах, но вечно юной. Он оказался правым и для своего времени, и провидцем для будущего, вплоть до сего дня. Пока, увы, он все еще прав.

В. И. Ленин предостерегал нас: бюрократизм неизъять победить одним махом, наскоком; для этого нужна долгая, упорная и кропотливая работа. Думаю, это относится и ко злу, имя которому взятка. Эта особа — родная дочь бюрократизма. Начатая перестройка дает нам реальную надежду покончить и с тем, и с другим.

Окончание. Начало на 12-й стр.

Почему мы сами не могли у себя купить эти картины? Все это опять пахнет национальным самоворовством.

Весьма примечательное и заставляющее задуматься замечание сделал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: «И у меня аукцион Сотбис вызвал протест, крайний протест, как и разъяснение в «Советской культуре», что благодаря таким аукционам за рубежом лучше будут знать наше искусство. Продавать Удальцову в то время, когда Советский фонд культуры получает ее из-за границы в дар? Для нас дарить ничего не будет после этого!»

Итак, первый аукцион, пусть и не давняя, но уже история — время подвести хотя бы некоторые итоги.

Не место тут касаться весьма странного, на наш взгляд, распределения доходов, из которого следует, что шестьдесят процентов выручки получает владелец, десять — фирма, устроившая аукцион, и тридцать — Министерство культуры, имеющее к проданным вещам более чем сомнительное отношение, поскольку принадлежат они частным лицам. Не жирно ли — тридцать процентов в валюте за аренду помещения и не похоже ли это на лишенные всякой логики ведомственные поборы, столь процветавшие в прежние годы?.. Но это, так сказать, побочная тема. Важно другое.

Коммерческий обмен произведениями искусства необходим, но только в том случае, когда речь идет действительно об обмене и только современных мастеров. С этим можно — не без известных, конечно, оговорок — согласиться. Однако, как мы знаем, в числе проданных были и неповторимые уже мастера русского авангарда, вошедшие в хрестоматии мирового искусства. Были здесь также и произведения молодых наших живописцев, тех самых, которые еще недавно продавали свои картины иностранцам только потому, что нашим музеям запрещалось покупать их даже за символическую цену. Так вот, не будем ли мы кусать локти, что и новые их произведения — теперь уже с помощью аукциона на родине — уходят в те же далекие адреса? Это первое. Не менее важно и второе.

Аукцион, как известно, предполагает широкие и равные возможности участия в нем. Отсюда вопрос: а стоило ли вообще проводить аукцион Сотбис в Москве, если среди покупателей не было ни одного представителя наших музеев и все объявленное к продаже, естественно, без конкурентной борьбы, снова ушло за отеческие наши пределы? Посмотреть, как это происходит? Что ни говори, это тот случай, когда обидно быть только зрителем. А ведь те самые тридцать процентов валюты, «за так» попавшие в бездонный карман Министерства культуры, вполне могли бы — с того же самого аукциона — пополнить коллекции и Русского музея, и Третьяковской галереи, которые, как известно, находятся под згидой опять-таки того же самого министерства! Вопросы, вопросы...

И хотя мы твердо уверены, что на следующем аукционе в Москве дело не дойдет до Рафаэля и Тициана и все, о чем рассказано в нашей хронике, будем мы вспоминать как страшный сон, ставить полновесную точку пока рано...

...За кулисы и попал как раз в тот момент, когда музыканты из «Иа-Иа» один за другим выходили на сцену. Прошествовали барабанщик Грэхэм Гэрретт и клавишник Ник Коллар, за ними долговязый басист Гарри Стивенс и гитарист Рей Калкэтт, которого друзья зовут «Мальыш». Последним пронесся улыбающийся вокалист Сэм Блу. Начинался один из концертов «Иа-Иа» в Москве.

Несколько слов о самой группе. Она образовалась два года назад в Лондоне. Успех пришел после песни «Когда мир заплачет», в которой рассказывается о том, что случилось в мире, когда люди узнали о смерти Джона Леннона. «Иа-Иа» до сих пор отдают дань уважения Леннону как музыканту и человеку. Ребятам краинется музыка «Лед Зеппелин» и Стинга. Самы играют довольно своеобразный, мелодичный хард-рок, украшенный высоким чистым вокалом и виртуозным соло гитары. Да, собственно, вся музыка «Иа-Иа» спротята очень и очень профессионально. Видимо, именно это качество сыграло на последнюю роль для Яцека Слотала, директора концертной фирмы «Барручи Лайкер Энтерпрайз», который и организовал гастроли «Иа-Иа».

Но вернемся к концерту. Хотя практически все песни «Иа-Иа», да и сама группа были незнакомы московской публике, можно с уверенностью сказать, что аплодисменты с самого начала концерта были вполне искренними. А уж когда музыканты исполнили композицию Джона Леннона «Представь себя», а также «Раздавленный под ногами» и «Рок-н-ролл» из репертуара «Лед Зеппелин» — зал «завелся» по-настоящему. Но не тут-то было...

«Смена» уже много раз писала о проблеме так называемого «стоячего партера», о месте перед сценой, не заставленном стульями, где можно беспрепятственно танцевать или просто стоя приветствовать группу. Но, увы, все пожелания так и остались на бумаге. «Стоячего партера»

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Николай АРЕФЬЕВ

на рок-концертах в столице по-прежнему нет, и милиция совместно с дружинниками все так же расправляются с любыми попытками потешиться. Милиционеры не смогли сказать корреспондентам ничего вразумительного по поводу задержания двух ребят. Да, танцевали. Да, кричали. Ну и что? Что случилось страшного, когда в конце концов все желающие подошли близко к сцене? Ровным счетом ничего.

Яцек Слотала был огорчен.

— Я не понимаю, — горячился он, — почему не разрешают людям вставать, танцевать, подходить к сцене. Это же рок-концерт! Во всем мире на таких концертах танцуют. И в Киеве, и в Риге, и в Ленинграде мне удалось убедить милицию и администрацию, что в этом нет ничего страшного. Но в Москве... Я только что еще раз разговаривал с начальником здешней милиции, доказывая, что сейчас, когда люди танцуют на стульях, ситуация гораздо опаснее, чем если бы им освободили для этого партер. Но, увы...

Что ж, Слотала во многом прав. Давно назрела необходимость в изменении отношения к своей работе, к окружающим людям, к себе, к гостям, не говоря уже об охране порядка на концертах и т. д. Не хотелось бы, чтобы, скажем, Стинг или Пол Маккартни, которые скоро собираются привезти к нам, сожалели о том, что им мешали контактировать с залом. Но есть ли гарантии, что произойдут какие-то изменения? К сожалению, пока нет.

И НИКАКИХ ГАРАНТИЙ...

Чтобы взять это интервью, я встречался с Геннадием Хазановым четырежды: на двух его спектаклях «Масенькие трагедии» и «Избранное» в Театре эстрады, а после в Доме молодежи, на Комсомольском проспекте, где созданный и возглавляемый Хазановым театр «Моно» арендует три крошечные комнатки.

Слава богу, Хазанова не надо представлять читателю, не надо объяснять, как на дальних подступах к театру желающие попасть на его спектакль спрашивают билетик, не надо рассказывать, как, несмотря на изнуряющую жару нынешнего московского лета и духоту в зрительном зале, не было ни единого свободного места.

Принимали его хорошо. Были и аплодисменты, и цветы, и все, что полагается в тех случаях, когда артист пользуется успехом, когда то, что он делает на сцене, находит отклик в зале, когда его работа и реакция на эту работу идут рядом... Я не стал бы с абсолютной уверенностью утверждать, что зрительская реакция всегда была адекватна тому, что показывал или, точнее, о чем рассказывал со сцены Хазанов. Но это личное мнение. Мало ли что может показаться. Мое утверждение, как говорится в Одессе, — это еще не факт. Вместе с тем было в его игре нечто такое, что требовало объяснения, подробного рассказа.

Собственно, что я знал о Геннадии Хазанове до личной встречи? Если откровенно, только то, что видел по телевизору. Самое первое знакомство — студент кулинарного техникума. Этакий недотепа «с приветом», который попадал во всякие нелепые ситуации. Та первая телевизионная встреча была столь яркой, что не могла изгладиться с годами. Хотя за это время артист ушел далеко вперед, хотя с того же телезкрана он уже являлся нам совсем в иных образах, тот приуроченный студент все время находился рядом, исподволь бросая тень на совершенно новых, иных по характеру героях. И это, думаю, не только мое личное впечатление. Телевидение настраивает нас на свою волну не только подбором номеров, но и некой остаточной деформацией нашего восприятия того, что мы видим, занимается исподволь определенной подгонкой под стереотип. И тогда пришла естествен-

поднять подшивки старых журналов и газет — там все есть.

— Я просмотрел большинство из них. Но, честно, не нашел ответы на главное: не столько ЧТО было в вашей творческой биографии, а КАК это было. И потом: что стало побудительным моментом, который определил ваш выбор профессии? Об этом нигде ни слова. Например, когда вы впервые решили стать артистом? Почему?

— Вы не поверите, это сидело во мне всю жизнь, с раннего возраста. Артистом я хотел быть всегда. Во всяком случае, сколько себя помню. В три, в четыре года я твердо знал, что буду только артистом. Ни космонавтом, ни летчиком, ни пожарным. Только — артистом!

— Почему? Что, на ваш взгляд, могла дать вам эта профессия?

— Власть!.. Я не выдумываю, я называю вещи своими именами... Эта профессия обещала возможность прорваться к такого рода власти, которая выглядит довольно привлекательно. Аплодисменты, поклонение актеру, признание его труда, согласитесь, — есть факт завоевания им человеческого внимания, завоевания мыслей людей, если хотите, их принуждение понимать и оценивать происходящее на сцене так, как этого хочет он.

Ведь власть можно рассматривать и раскладывать по-разному. Это и давление с помощью нагайки, или голода, или пряника — чего угодно. В моем же варианте — это более честная игра, более честный способ... Будем говорить так...

Хазанов задумался, помолчал, а потом мягко, как-то неуверенно продолжал:

— Я, кажется, не совсем точно выразился... Я всегда считал, что тут побудительным мотивом было стремление к власти, а вот сейчас, в разговоре с вами, вдруг в первый раз в жизни подумал, что здесь нечто другое... Человек так страдает из-за отсутствия любви к себе, что весь этот ажиотаж зрительного зала в какой-то мере и есть удовлетворение его жажды понимания, любви, хорошего отношения...

— И вы хотите подтвердить, что это сидело в вас уже с ранних лет?

— Да... Очень давно... Конечно, еще не осознанное, на уровне смутных инстинктов, но это чувство волновало меня, уверен, уже в детском саду. Как и всюду, мы занимались там музыкой, учили стихи, пели песенки, а потом

выступали со всем этим на утренниках, и больше всего мне нравилось в тех маленьких концертах, что меня замечали, что мне аплодировали, что ко мне, наконец, не оставались равнодушны... Думаю, что все это незаметно переросло в какую-то жуткую потребность вот таким образом, через выступления перед людьми, самоутвердиться, обратить на себя внимание, крикнуть миру, что я есть! Такая потребность в большей или меньшей степени, думаю, свойственна каждому человеку, хотя с годами, надо признаться, я все больше и больше понимаю всю смехотворность этих желаний...

— Вы начинаете это понимать, когда сами этого достигли...

— Как сказать... Может быть, я действительно могу сейчас так спокойно философствовать на эту тему потому, что все это получил, через все прошел. Но когда мои честолюбивые желания не были удовлетворены, когда эта жажда не была утолена, тогда я даже не ставил вопрос, насколько нормальны такие желания. Тогда я даже не задумывался над этим. Мне казалось, я был уверен, что только так я и должен жить, что для меня может быть приемлема только такая форма существования.

Что лежало в основе всего? Намешано, наверное, было много и всякого, но главное, думаю, заключалось в том,

что я видел в подобном самопроявлении способ защиты, способ самосохранения...

— Защиты от чего?

— От всех сложностей жизни... Как это объяснить... В каждом человеке, в каких-то потаенных уголках его организма есть что-то такое, что совершенно точно знает, с помощью чего ты можешь реализоваться, наиболее полно выплыснуть свой природный потенциал, наконец, защитить себя от обидчиков. Чтобы защитить себя, надо быть сильным. И если бог не дал физической силы от рождения, надо искать иные способы...

— И вы почувствовали, что доля артиста даст вам другую, не меньшую силу, которая сможет гарантировать определенную жизненную устойчивость, стабильность, даст, как вы сами сказали, власть?

— Что-то в этом роде... Правда, не столь ясно и конкретно, как мы сейчас

Фото Валерия Плотникова

С Геннадием ХАЗАНОВЫМ беседует журналист Леонид ПЛЕШАКОВ

ДО / ПОСЛЕ КУЛИНАРНОГО ТЕХНИКУМА

ная мысль: кто же такой Геннадий Хазанов? Откуда он? Что было в его творческой биографии до студента кулинарного техникума, что после? И вообще почему он стал артистом, да еще выбрал такой своеобразный жанр?

И я склонил вывалил все эти вопросы Хазанову, когда мы встретились с ним тет-а-тет.

— Вы уж не обижайтесь, но всегда журналисты спрашивают об одном и том же. Как стал артистом? Где учился? Я об этом много раз рассказывал, это много раз было опубликовано. Если это кому-то все еще интересно, проще

говорим, скорее на уровне наития... — Когда-то хороший писатель сказал: все мы родом из детства. От частого цитирования эти слова довольно-таки поистерлись, но их глубинный смысл от этого не потускнел. Слушаю я вас, Геннадий Викторович, и, извините, никак не могу удержаться от вопроса: у вас было трудное детство?

— Точнее сказать: детство без дома, без тепла семейного очага. Хотя формально было и то, и другое.

— Может быть, разговор о вашем творчестве начнем отсюда? Если, конечно, вам не будет очень тяжело предаваться воспоминаниям...

— Тяжело ли, не тяжело, а от воспоминаний никуда не денешься. Они всегда с тобой... Недавно, в День медицинского работника, я приехал на шефский концерт в детскую клиническую больницу № 1, называемую в просторечии еще Морозовской (она находится в Четвертом Добрининском переулке недалеко от Серпуховской площади), и остановился на том месте, где каменные ступеньки поднимаются с улицы к бульварчику вдоль больницы. Шутка сказать, но именно рядом с этими ступенями прошли, пожалуй, самые радостные дни и часы моего детства. В этом переулке, который до 1952 года назывался Коровьим, я родился, в доме напротив больницы прошли мое детство, отчество, юность. Ступеньки каменных лестниц, поднимающихся двумя крыльями к Морозовской, были когда-то нашими футбольными воротами, а пространство между ними — полем. Мы гоняли тут мяч с утра до ночи. За эти годы камень от тысяч ног заметно стерся. Уже снесены многие дома нашего ветхого Коровьевого переулка, скоро снесут и наш четырехэтажный дом: моя мама, кажется, последний его жилец, на днях переезжает на новую квартиру. С этим домом и его соседями-развалюхами из моей жизни уйдет что-то такое, чего мне всегда не будет хватать.

— Я слышал, что вы родились в Дагестане...

— Я это тоже слышал. Однажды во время гастролей в Дербенте меня привезли к тому дому, где, согласно местной молве, я родился. Очень смешно.

— Когда об артисте при жизни сочиняют легенды, это значит, что его личность возбуждает интерес, любопытство. Хуже, если о нем вообще ничего знать не хотят...

— Возможно. Но мои корни тянутся из иных мест. Дедушка по материнской линии родом из Черниговской губернии, бабушка — из Бессарабии. Каким-то образом они оказались до революции в Забайкалье, где в Читинской области в 1913 году родилась моя мама... Потом они перебрались в Москву, одно время даже работали за границей. Сужу по тому, что мама девочкой училась в частном пансионе в Германии... Кем ее родители были в советском послольстве или торгпредстве, не знаю, наверное, техническими работниками... Бабушка по образованию — историк, дедушка — провизор. Странные, по нашим понятиям, это были люди. Деда я не помню, он умер, когда мне было всего полтора года, но судить о нем я могу по рассказам родных и по бабушке... Она, например, могла расплакаться, узнав, что индийские кожаные туфли стоят в магазине 26 рублей, и это была государственная цена, а не черного рынка. Она не могла себе представить, что туфли могут стоить так дорого. Разумеется, она судила по своей зарплате и зарплате своих знакомых.

— В чем же она тогда самаходила?

— Ну, это невозможно рассказать... Ее запросы были так мизерны... Может быть себе представить, эта женщина отказалась от прекрасной квартиры в Доме на Набережной, улица Серафимовича, 2, как тогда говорили, в Доме Правительства... Когда в 1931 году началось его заселение, бабушка работала заместителем директора музея Революции, и ей такая квартира полагалась по должности. «Нельзя жить в таких хоромах», — сказала она, — когда у нас

так много людей, нуждающихся в жизни». И она всю жизнь прожила в коммуналке, на четвертом последнем этаже дома без лифта в нашем Коровьевом переулке. И в свои 78 лет в последний раз самостоятельно спустилась с четвертого этажа, когда отправлялась в больницу, откуда уже больше не вернулась...

Дед и бабка были прекрасными, честными людьми, но со своими, довольно странными, принципами и представлениями о жизни. Я считаю, они сломали жизнь своей единственной дочери — моей маме. Она мечтала о сцене. Хотела стать балериной. Я думаю, у нее могло бы получиться, так как знала ее творческий потенциал, ее природные задатки. Но ее родители запретили ей даже думать о сцене. Профессию артистки они считали, мягко говоря, несерьезной, и даже более того — непорядочной. Мама окончила институт связи и более тридцати лет проработала инженером на заводе имени Владимира Ильича. Но мечта так и осталась мечтой.

Я вообще считаю, что люди, имеющие сильную творческую потенцию, но так и не сумевшие реализовать ее, неизменно становятся глубоко несчастными и больными. Это приводит к разрушению их личности. Почти всегда на уровне тяжелых психических заболеваний. Им и самим трудно, и тем, кто с ними рядом, — не легче. Когда я задумываюсь над этим, мне почему-то всегда приходит в голову пример с Гитлером. Если бы в свое время его приняли в художественную школу и он сумел бы стать профессиональным художником, то еще неизвестно, как бы развернулись события недавней истории... Хотят...

— Мама, наверное, до сих пор переживает?

— Теперь-то, в семьдесят пять лет, что переживать? Но я знаю одно: ее личность это разрушило... Да и вся жизнь пошла как-то наперекосяк...

Кажется, году в тридцать пятом мама встретила Пауля, немецкого коммуниста, бежавшего из фашистской Германии в США и сменившего там на американский манер свою фамилию Мюллер на Миллер, и перебравшегося вскоре в Советский Союз, первое социалистическое государство в мире. Тогда к нам много ехало коммунистов со всего земного шара.

Мама познакомилась с ним в клубе интернациональной дружбы на улице Герцена (теперь там клуб медработников). Они полюбили друг друга, решили пожениться. Дедушка с бабушкой против: как выходить замуж за иностранца? Мама не послушалась. В 1936 году у них родился сын Эдик, мой старший брат. А в 1938-м Пауля Миллера, простого шофера, арестовали, обвинили в шпионаже, еще в чем-то и расстреляли. В 1957 году его реабилитировали посмертно, но 19 лет на нашей семье стояло клеймо семьи врага народа. Об этом при случае нам напоминали наш дом, наш двор, наши знакомые... Девятнадцать лет бабушка, а пока был жив дед, то и он, укоряли маму: мы же тебе говорили, не выходи замуж за иностранца.

— А ваш отец? Кем он был?

— Я родился в победном сорок пятом году. Своего отца я не знаю, ни разу не видел. Кто он был, как его фамилия, мне неизвестно. Вроде бы он умер в позапрошлом году, эти сведения дошли до меня окольными путями, и я не уверен, что они точны. Лет восемь назад в Театр эстрады на мое имя пришло письмо с фотографией мужчины в военной форме. На обороте было написано: «Это фотография вашего отца, которому на ней столько же лет, сколько вам теперь». Еще было написано, что фотоснимок сделан в Берлине. Надо сказать, что внешне папаша удалялся больше, чем я.

Вот и все, что я знаю об отце. Я знал, что для мамы это больной вопрос, и никогда не затевал беседы на эту тему и ни о чем ее не спрашивал. Да и ни к чему все это. Ей, думаю, хватало попреков родителей.

Вот так мы и жили. В четырехкомнатной коммуналке (две смежных, две раздельных), где, кроме нас, в одной комнате обитали соседи: муж, жена, единственный сын которых погиб на фронте. Сначала умер дедушка, потом соседкин муж, потом бабушка, потом соседка. Потом уехал я, после — брат. Теперь вот и мама покидает этот дом, где даже и во времена многолюдья не было ни уюта, ни тепла, где не было простой человеческой доброты, все было напряженно, нервно. Представляете, когда в квартире остались только мама, брат и я с молодой женой, каждый жил своей, автономной жизнью. Три семьи, а, казалось бы, самые близкие люди.

Да что там... Я ведь первый раз сказал слово «мама» чужой женщине! Собственно говоря, я и вырос-то на ее руках. Александра Михайловна жила недалеко от нас, работала воспитательницей в детском саду, а ее дочь училась с моим братом в музыкальной школе. Думаю, именно там они с мамой и познакомились. Когда я родился, Александра Михайловна помогала за мной ухаживать, но а потом стала мне совсем родной. Она с дочкой жила недалеко от нас, на Люсиновской улице. Рядом за стеной — совершенно спившийся муж-алкоголик, с которым она была в разводе. И такая в их доме царила бедность, что день, когда ей удавалось напечь пирожков с картошкой, был большим праздником. Но зато в этой нищете было столько доброты. Она была чудесным человеком, и бывать у нее дома было для меня счастьем, потому что здесь я получал то, чего не хватало в собственной семье.

Все-таки как много гадостного в человеке! Я помню, как однажды совсем маленьким я проиграл во дворе в «расшибалку» рублей пять или даже семь. Для меня это были немыслимые деньги, а тот, кому я проиграл, пообещал меня зарезать, если я не верну долг. И я украл у Александры Михайловны пятерку, потому что деньги у нее всегда лежали на виду. В этом доме их было так мало, что незачем было прятать.

И я украл. И потом дня четыре или пять пытались найти или как-то собрать нужную сумму. Мне повезло — я отыгрался. Обменял в магазине свою мелочь на одну бумажку и положил эту проклятую пятерку на место. Но я никогда не забуду ту секунду, когда я вынул ее из стола. До сих пор ощущаю, как она жмет мои пальцы... Я никогда никому об этом не рассказывал. Вы первый.

— Странно, ведь у вас был старший брат...

— У нас с братом как-то никогда не получалось контакта. У него была своя жизнь, у меня — своя. Может, это происходило потому, что у него все как-то не заладилось. Сын врага народа — это висело над ним все детство и юность. Потом катастрофа в творческом плане...

— Какая?

— Он учился в музыкальном училище при Московской консерватории, по классу скрипки. Как говорили педагоги, мог стать хорошим музыкантом, но «переиграл» руку. А тут еще атмосфера нашего двора тех лет, который выносил однозначный приговор: на скрипках играют только инородцы, русский народ на скрипках не играет. А так как у людей нерусской национальности всегда существует желание скрыть свое происхождение — во всяком случае я это видел, пережил, перечувствовал, — то брат где-то понял, что на скрипке играть стыдно и лучше, если со своими занятиями он покончит. Непорядок с рукой как бы давали для этого хороший повод. Короче, из училища он ушел, музыку бросил. И с ним произошло то, что должно происходить со всяkim творческим человеком, который не реализовал своего потенциала, о чём мы говорили вначале.

В какой-то момент он решил получить другую профессию, которая ему тоже нравилась, и подал документы на биологический факультет Московского университета. Он был постарше моло-

дых абитуриентов, только что окончивших школу, но экзамены тем не менее сдал хорошо. Однако ему не повезло и здесь. В тот год проводился очередной эксперимент с подсчетом баллов, в зачет шли не только экзаменационные оценки, но средний балл аттестата зрелости. А он у брата был, скажем, прямо, неблестящий. Так что средняя сумма получилась меньше, чем было нужно для поступления на биофак. Эдик предложили учиться на теологическом. Делать нечего, он согласился и окончил отделение кристаллографии, получив профессию, которая его совершенно не грела, не интересовала, была вынужденным приобретением. Он получал miserную зарплату. Был женат, но жена жила в Ленинграде. То есть вся жизнь его была разбита с того момента, когда был расстрелян его отец.

Когда в 1957 году Пауля Миллера реабилитировали, маме была выплачена маленькая компенсация. На эти деньги она купила себе как память о муже часы, а Эдик — радиоприемник. И брат стал слушать джаз, который очень любил. Потом оказалось, что он слушал не только джаз, а всякие «голоса». Слушал и сравнивал, что они сообщали, с тем, что видел вокруг. Кончилось это тем, что в 1977 году, через двадцать лет после покупки приемника, он объявил, что уезжает на Запад. Для нас с мамой это было громом среди ясного неба. Оказалось, что нашлись какие-то родственники Пауля Миллера, они быстро оформили документы, прислали вызов. Теперь Эдик живет там.

— И как?

— Что «как»? Это существо, которое счастливо не будет нигде: ни здесь, ни «там». Понимаете, у него не сложилось, он не реализовался, хотя, безусловно, был человеком очень одаренным. Мышление музыканта — это нечто особое, для меня недоступное. Они мыслят совершенно иными категориями, иными образами, они и чувствуют иначе. Я тоже артист. Но нахожусь на таком уровне заземленности... ибо мой жанр имеет свои законы, имеет свои правила игры. А музыка...

— Вы встречались с братом после его отъезда? Он завидует вашему успеху?

— Да, я с ним виделся несколько раз. У нас давняя тяжба... Когда он уезжал, я уже был довольно популярным артистом...

— Это была еще эпоха «кулинарного техникума»?

— Да, «мелочи жизни» тогда не вышли, но уже были в работе. Однако мое имя было уже достаточно известно. Отъезд брата, он это понимал, мог сильно повредить моей карьере. Знаете, как тогда... Но он уехал. Потом он узнавал из печати обо всех моих перипетиях, так что и о нынешнем положении в курсе дела.

— Он вам завидует?

— У него нет зависти ко мне. Может быть, раньше, когда он жил здесь, она и была, а уехал — все стало на расстояние, все осталось в прошлой жизни. У него сейчас иные заботы. Он сентиментальный, я бы даже сказал, инфантильный человек. Очень трудный для совместной жизни. Если бы у него получилось с профессией, он имел бы возможность уйти в нее. И тогда его существование для него самого и его окружения не было бы столь бессмысленно мучительно, как теперь. Его жена, эмигрантка, из наших же, очень милая, добная женщина. Но детей у них нет, и это накладывает на жизнь свой отпечаток. Сейчас брат зациклился на своем здоровье. Как пограничник на охране рубежей государства, как пожарник на своей каланче, он неусыпно бдит. Он ревностно поддерживает небольшой вес и «тянет» гораздо меньше, чем я, хотя и меня не назовешь толстяком. На Западе вообще бережно относятся к своему здоровью. Оно нужно прежде всего потому, что быть нездровым — очень недешево стоит. Потом быть здоровым — очень удобно. Это только у нас никто не заботится о нем. Иной раз мне кажется, что все мы са-моубийцы: мы не умеем сочетать работу

и отдых. У нас люди либо только отдыхают и не работают, либо только работают и не отдыхают. У нас нет, как бы сказать, культуры этого дела. На Западе человек с детства знает непреложный закон уик-энда. Это обязательное правило вошло там в плоть и кровь. Кончилась рабочая неделя — началась отды. И никак иначе. У нас же работа либо не начинается, либо не заканчивается. Мы приходим в гости и говорим о работе, чтобы завтра на работе вспоминать, как вчера было в гостях... Не помните, почему я заговорил вдруг об этом...

— Вы говорили, что ваш брат зациклился на своем здоровье.

— Да. Он помешан на заботе о своем здоровье. Диета, какие-то тренировки, режим. Он работает кристаллографом в Берлинском университете. Но работа эта не постоянная, и, когда он ее не имеет, получает пособие по безработице. Практически он живет тем, что дают уроки скрипки, и раз-два в месяц играет в каком-то симфоническом оркестре. При его мизерных запросах его заработка хватает на безбедное существование. Он как певчий дрозд: просыпается утром, посвистит-посвистит, сходит на работу, вернется домой и вечером поскандлит с гостями, обвинив их в том, что все они капиталисты, что все они неправильно живут...

— Вам приходилось это наблюдать?

— Нет. Но я прекрасно знаю, как он умеет это делать и как это делает. Это просто бред. Людям, которые уехали на Запад, чтобы стать бизнесменами, завести свое дело, мой братец начинает объяснять, что так жить глупо, что все они материалисты, стяжатели. А позже он удивляется, почему они не хотят проводить время в одной компании с ним. Это еще тот подарочек Западу, доложу я вам!

— Скажите, а мама довольна, что вы стали артистом? Вызывает это у нее некое чувство признательности, ведь вы добились того, что не удалось сделать ей и вашему брату?

— Безусловно. Я в этом не сомневаюсь ни на секунду. Ведь мой успех — это единственное, что в этой жизни каким-то образом оплатило ее мучения. Если, конечно, правомочно об этом говорить. Это единственное, что воздалось за сам факт ее горестной жизни. У нее никогда не было ничего светлого: ни семьи, ни мужа, а теперь вот нет и одного сына. Единственное, что ее греет, — театр и симфонические концерты, которые она любила, куда ходила как на праздник. А вот эстрада была не в чести. До тех пор, пока я не начал этим заниматься, мама ее на дух не переносила. Даже ее любовь к творчеству Аркадия Райкина привилась через мою любовь к этому замечательному артисту...

— Может быть, я ошибаюсь, но я заметил, Геннадий, что вы как-то очень мало знаете о своих бабушке и деде. Где жили, как туда попали, почему. Ну деда, положим, вы не помните. А бабушка, неужели она вам ничего не рассказывала?

— Конечно, вы правы. Отношения дедов и внуков всегда, я думаю, не особенно складывались. Молодые вечно спешат, старики любят нравоучения. А у моего поколения к этому примешалась еще и своя проблема. Мои отрочество и юность пришли на годы после XX и XXII съездов партии, на которых был разоблачен культ личности Сталина, была рассказана правда о злодеяниях, несправедливости, преступлениях, творившихся этим жестоким человеком. Вместе с культом Сталина рухнуло и наше уважение, если можно так сказать, к людям, которые терпели этот режим. Мы были молоды, мы были максималистами, многое не понимали, но судили строго, и прежняя жизнь наших милых предков, их святая вера в авторитеты, которые рушились на глазах, ничего, кроме иронии, не вызывали. Они не хотели замечать очевидную фальшивость, чергая силы в одной-единственной формулировке: мы так хорошо никогда не жили!

Я не оспариваю их постулат, я только хотел бы кое-что в нем уточнить. Конечно, если человека приговорили к смертной казни, а потом вдруг взяли и заменили ее на пожизненное заключение, то он вполне имеет право возвращаться таким счастливым поворотом в свою судьбу: вчера меня должны были расстрелять, а сегодня я живу.

Вот эта же логика лежала в основе рассуждений моей бабушки. Логика людей, которых сначала довели до состояния забытых животных, в которых не осталось ничего, кроме страха, а потом сунули какую-то подачку, и они возвращались. Для них сам факт жизни уже был большим завоеванием. А если к этому факту присовокупили холодильник, которого они никогда не имели и всю жизнь держали продукты в авоське между рамами или за окном, то, естественно, новинка становилась событием. И когда к ней прибавляли телевизор, а потом еще и не простой, а цветной, а к нему еще и вентилятор, жизнь начинала представляться земным раем. Мы так хорошо никогда не жили! Конечно, не жили...

А вообще-то я бабушку любил. В мои годы она работала учительницей истории и была классным руководителем в какой-то женской средней школе на Таганке. Ее переполняли постоянные заботы о ее подопечных. В нашем доме все время шло обсуждение оценок, сочинений, каких-то ошибок. Все время повторялись имена претенденток на золотые медали. С той поры прошло уже, наверное, лет тридцать пять, а я помню фамилии этих учениц. Не верите? Светлана Хоменко, Лена Краснощекова, Люда Вознесенская. Может быть, они относились к разным выпускам, но в моей памяти спрессовались в нечто единное. Где теперь эти девочки? Наверное, сами давно уже воспитывают внуков... Но мы, кажется, отвлеклись...

— Я думаю, не очень. В конце концов ваши родственники — это ваши истоки. Узнав о них, легче понять вас. Но я согласен вернуться и к вам лично. Мы остановились на детском саде...

— А потом была школа. И кружки самодеятельности. А еще был районный Дом пионеров на Полянке и опять все та же самодеятельность, так что я времени не терял. Знаете, когда я впервые выступил на сцене Театра эстрады? Не поверите: когда мне было десять лет. Тогда в этом помещении размещался клуб Совета Министров СССР, и вот нас из Дома пионеров приглашали туда приветствовать какое-то совещание. Вы знаете, как это происходит: барабаны, горны, оттуженные девочки и мальчики что-то декламируют, что-то поют и так далее. И то наше выступление ничем не отличалось от других ему подобных, хотя запомнилось мне на всю жизнь. А причина в том, что одному мальчику дали больше слов, чем мне. И был этот мальчик такой красивый, такой счастливый и такой благополучный! И галстук-то у него был шелковый, и форма суконная, не то что у меня «хэбз». Я просто сгорал от зависти. У него было больше слов! И что же вы думаете? В прошлом году я ездил на гастроли в США, и вдруг после концерта в Чикаго ко мне подходит уже немолодой мужчина и спрашивает, не занимался ли я случайно в шестидесятых годах в студии Марка Розовского. Занимался, говорю. Тогда, продолжает он, не могли бы вы передать приветы всем ребятам, посещавшим эту студию, от такого-то и такого-то. Почему не передать, говорю, конечно, передам. А сам смотрю на этого гражданина и понимаю, что это тот самый владелец шелкового галстука и суконной формы, и спрашиваю, не было, мол, у вас тридцать два года назад такого вот случая в Доме культуры Совета Министров? Он морщится и говорит: был такой случай! Вот ведь как бывает иной раз!

По-моему, я учился в девятом классе, когда школу решили перевести на одиннадцатилетнее обучение. Я прикинул — теряю год. На целый год позже я стану артистом. Решаю перевестись в школу рабочей молодежи, где сохра-

нилась десятилетка. И через двадцать дней после получения паспорта прихожу работать на завод, иначе бы меня не приняли в вечернюю.

— И кем вы работали на заводе, долго ли?

— Три года. Числился слесарем в электроцехе. Что-то зачищал, что-то паял. Но главным образом я был, как говорится, специалистом по общим вопросам: ходил бригаде за молоком, что-то приносил из буфета, выполнял какие-то другие мелкие поручения, ибо меня не допускали ни к каким серьезным объектам или оборудованию, чтобы я случайно не испортил. В общем, вреда не приносил, а о пользе и речи уже не шло.

Мне было шестнадцать лет, и главной заботой бригады было не споить меня, не пристрастить к спиртному.

— Была такая опасность?

— Еще бы! Там вся атмосфера была замешана на выпивку. Практически из тех, кого я там знал, никто не ушел. Все спились. Мастер не разрешал, чтобы мне подносили. Да, собственно, мой организм этого не принял бы. И я сам понимал: начну пить — артистом не быть. И я держался.

Но главное заключалось вот в чем. На заводе я познакомился с парнем, который жил на Пушкинской улице в одном доме с Ильей Рутенбергом, а Рутенберг вместе с Розовским и Аксельродом руководили театром-студией МГУ. Короче, вскоре я был зачислен в эту студию и определен в группу пластики и пантомими. На сцену, сказали, мне выходить рано, надо, мол, подрасти: в свои шестнадцать я выглядел на одиннадцать, маленький, щупленький. Но в пантомиме мне было тоскливо — бросил, стал играть в футбол, даже участвовал в первенстве Москвы среди дворовых команд. Тогда же мне в первый раз сломали нос...

— А что, был и второй?

— Да, значительно позже. При выяснении отношений с жителями, а может, и гостями нашей столицы. Как-то вечером на улице Горького стояла группа подыгравших молодых людей, которые о чем-то спорили, вернее, оканчивали спор, а я зачем-то подошел и спросил: в чем, собственно, дело, и мне ответили тут же прямым ударом в нос, перебив носовую перегородку. После этого мой нос две недели ходил от уха до уха, а так как он и раньше не был особенно прямым, то после этого случая стал и вовсе беда.

Вечернюю школу я окончил в 1963 году и сразу же подал документы во все театральные училища Москвы. При Малом театре, при МХАТе, при театре Вахтангова. И всюду провалился. На будущий год я повторил попытку — снова с тем же успехом. Причем срезался я уже на собеседовании, до экзаменов. Когда я вторично пришел в училище имени Щукина и вторично там провалился, Александр Ширвинт, проводивший собеседование, посоветовал мне попытать счастье в училище эстрадного и циркового искусства, о котором я до той поры даже не слышал. Я пошел туда — и снова провалился.

— Два года подряд? Почему вам так не везло?

— Я сам виноват. Чтобы стало ясно, нужно сделать небольшое отступление.

Я всегда преклонялся перед искусством Аркадия Райкина. И вот первого декабря 1961 года мне посчастливилось с ним встретиться и поговорить. Помню эту дату потому, что в тот день мне исполнилось шестнадцать. Вечером Аркадий Исаакович встречался с коллективом художественной самодеятельности МГУ в клубе на Бронной, и я постарался попасть на эту встречу. Пока студенты разговаривали с моим кумиром, я сидел в углу и страшно им завидовал. Когда он вышел на улицу, я задержал его около машины и сказал что-то о своем восхищении, о том, что хотел бы попасть на его концерт, и так далее. Он пригласил меня в Театр эстрады, который тогда находился на площади Маяковского, и с того момента

начались наши более или менее постоянные встречи.

Когда пришло время сдавать экзамены в театральное училище, я спросил Райкина, что бы он посоветовал мне подготовить из прозы.

«Я не знаю, что тут можно посоветовать», — сказал Аркадий Исаакович, — каждый должен читать то, что ему близко. Мне бы, например, сейчас было близко начало седьмой главы из «Мертвых душ» Гоголя».

Мое обожание Райкина было столь велико, что его размышления я принял за безоговорочную директиву и, уж во всяком случае, панацеей от всех бед и болезней. Я тут же побежал домой, отыскал седьмую главу, начал читать. — Хазанов на мгновение задумался. — Сейчас, — сказал он, — сейчас... все... вспомнил... послушайте:

«Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися стационными смотрителями, бряканьем колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами, видит, наконец, знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками...» и так далее, а кончается абзац словами: «Счастлив семьянин, у кого есть такой угол, но горе холостяку!» А дальше: «Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменил ни разу возвышенного строя своей лиры» и так далее... И вот, наконец, слова писателя, которые, я думаю, и заставили Райкина выбрать из всего романа именно седьмую главу: «Но не таков удел, и другая судьба у писателя, дерзнувшего вызвать наружу... всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земля...» — короче, еще Гоголь утверждал, что выступление сатировиковоказуемо.

Я выzburgил с большим трудом, ничего не понимая, ни о каком холостяке, ни о каком семьянине, писателе идет речь, и, естественно, когда начинал читать его перед приемными комиссиями, вызывал у последних удивление.

Провалившись в очередной раз, я за компанию с дружком подал документы в инженерно-строительный институт и был принят на механический факультет, тот самый факультет, на который когда-то поступил и Владимир Высоцкий и который я точно так же, как и он, бросил, не проучившись и года.

Но я не терял время зря. В институте я участвовал в художественной самодеятельности, выступал в команде КВН МИСИ и прошел с нею до полуфинала. Нас показывали по телевидению! Я вернулся в студию Марка Розовского, и мне дали маленькие роли в спектаклях «Тра-ля-ля» и «Старье берем, показываем». Когда в 1965 году я снова поступал в училище циркового и эстрадного искусства, я испытывал ощущение телевезды. Я считал, что со мной все ясно: я имею успех и знаю практически все.

Наглости и уверенности тогда во мне было гораздо больше, чем сейчас. И я прорвался. Меня приняли. Я попал на курс к Надежде Ивановне Слоновой, которая сама в экзаменах участия не принимала и только осенью познакомилась со своими учениками. Позже она вспоминала об этом: «...По дороге в класс встречавшиеся мне педагоги делились со мной впечатлениями о новичках. Так я узнала, что в числе учеников есть Хазанов, которого в предыдущем году не приняли в училище. — Почему? — Слишком «готовый» эстрадник с дурными навыками...»

И Надежда Ивановна начала ломать меня, очищать от шелухи, подражательства, и, уверяю вас, четыре года моей учебы дались ей нелегко.

(Окончание следует.)

ОБЪЯСНЕНИЕ

Вначале он решил заехать в коммунальное логово: проверить, все ли на месте, кто звонил. «Сосед» Ванька Лямин за четвертной в месяц исправно высматривал у абонентов, кто есть кто, получая, естественно, имена-пароли: Иваном Ивановичем мог быть Петр Петрович; но дело он делал, а Матерый уж знал, как распорядиться информацией.

По дороге он тщательно проверил: нет ли хвоста? Напряженно всматривался в постовых: не сообщают ли по радио, глядя вслед его машине, указания другим постам? Впрочем, если до такого дошло, не спасешься...

В дверь «логова» позвонил, как условлено, четыре раза. Дверь открылась, предусмотрительно оказавшись замкнутой на цепочку: Ваня был человеком опытным, к тому же грел самогоноварением...

После приветствий и пустых вопросов типа «Как жизнь, как дела?» Ваня услужливо передал Матерому листок абонентов: имя-отчество, день, час.

Матерый молча вытащил два четвертных билета.

— Спасибо,— кивнул коротко.— Сразу за текущий и за последующий месяцы.

— Советую,— Ваня поднял палец,— облегчиться еще на одну бумажку. За идею, которая эту бумажку стократ окупит.

— Чего-чего?

— Излагаю,— невозмутимо продолжил вымогатель.— Я, прости, многие превратности на себе испытал, так что с понятием, хотя в чужие вопросы и не суюсь... Итак. Представляем: приходят вдруг... нет, дел я ваших не знаю, не сочтите за грязные намеки...

— Ну, валяй-валяй...— сказал Матерый.

— Ну, а вдруг в натуре?!— повторил Ваня с вызовом.— Приходят люди в серых шинелях и в штатском барахле — и, что характерно, к вам... Я, естественно, могу пострадать за домашний алкоголь...

— По кумполу желаешь, темнила?— миролюбиво спросил Матерый.

— Буду конкретнее,— покорно согласился собеседник.— У вас — шмон, ко мне — вопросы; а что я вообще знаю, кроме таблицы умножения?.. Ась? Когда будет? Не докладывай!.. Ну, и так далее. Ушли посторонние лица, а я... тоже, вслед за ними. И когда из двери подъезда выходить буду... Впрочем,— Ваня задумался,— может, и не ушли... понимаете? Но я-то — личность свободная. Так ведь, надеюсь?

— Надеялся,— сказал Матерый.

— Во-от. Беру я мелок и, выходя из подъезда, закрывая дверь, так сказать, чирк им по двери этой... Вертикальную полоску под самой ручкой... Незаметно. Если «наружка» сечет, все равно не увидят, точно рассчитано. И — в магазин за кефиром... После — обратно, гостей потчевать. Не желаете молочнокислых продуктов? А вы на машине мимо проезжаете и... на дверцу подъезда рассеянный такой взглядики, между прочим...

— На.— Матерый протянул деньги.— Конспиратор. Заработал.— И, открыв дверь своей комнаты, тут же захлопнул ее перед Ваниным носом.

Осмотрелся... Все «секретки» на месте, сюда не входили. Ванька, сволочь, конечно, влезть может, сукен сын, дешевка, но крепится — боится, видать, стукачок... Хозяин его выставил в осведомители наверняка... А почему? Эх, прост вопрос. Тоже обезопаситься желает, тоже за шкуру трясется, тоже не уверен... И винить тут некого, закон таков. Сказать ему, может, что раскусил я фокус с Ваней, с комнатухой этой, с истинными целями благотворительности — мол, сюда не придут, дублирующий вариант... Нет, не стоит. Неприятно обойтись будет, вот и все. В принципе ведь лучше такую нору иметь, чем дачу под удар подставлять... Так что спасибо, Хозяин. И тебе выгода, и мне. Твой принцип, всегда я его одобрял...

Матерый с тоской оглядел пыль и грязь на свертках и коробках, заставивших комнату. Все это надо переслать Маше, это капитал. Раньше оттягивал с отправкой, лень одолевала, теперь необходимо поторопиться, время не ждет... Сейчас загружайся, немедленно. Сколько увезешь, но загрузи.

Коробки к машине таскали вместе с Ваней, выклянчившием попутно пару дисков для компьютерных игр — основного его увлечения.

С грузом Матерый поехал к Хозяину. Жил тот в аристократическом районе — на широком и гладеньком Кутузовском проспекте, в доме с высокими потолками и длинными коридорами — квартира эта досталась ему в наследство от некогда высоколобованного тестя — ничего, впрочем, замечательного, кроме квартир, потомкам не оставилвшего. Да и что он мог оставить еще после себя?

Встретила гостя жена Хозяина Вероника.

Точно и мило разыграли ритуал встречи: комплимент dame, улыбка, передача пакетика с вином и ры-

бой; общие вопросы с необходимой толикой юмора; наконец, рукопожатие с Хозяином, твердые, доброжелательные взгляды — глаза в глаза. Все фальшивое!

Посидели у телевизора, ругая штампы массовой культуры Запада и восхищаясь тонким вкусом вина, принесенного непьющим гостем; посудачили о последних новостях внутренней и внешней обстановки; затем Вероника, сославшись на трудный завтрашний день в НИИ, где работала начальником отдела, отправилась спать, и мужчины остались наедине.

Целуя на прощание руку хозяйки дома, Матерый внезапно постиг суть царившей здесь атмосферы — как бы единым озарением, которому предшествовала череда прошлых встреч, разговоров и реплик...

Это уже была не семья. Их, мужа и жену, удерживали вместе лишь прожитое, но не настоящее; и не в том заключалась беда, будто Вероника, воспитанной в определенных традициях, хотелось мужа обязательного при должности и общественном весе, нет; она просто привыкла видеть рядом с собой человека цельного, увлеченного и занятого делом — пусть простым, но официально благословленным, принимаемым всеми без исключений. Муженек же, мало что ей объясняя, вертесь непонятно где, водил в дом всякую сырьенную шпанду, жил не по средствам — а значит, нечестно, дурно. И блага, добываемые им, хотя и завораживали Веронику блеском, все равно отталкивали нечистоплотной своей сущностью. Наверняка с годами в ней притуплялось чувство презрительности... Но Матерый уверен был: хотелось ей правды в устремлениях мужа, а тот постоянно разменивался, как бы ни пыжился казаться дельцом с размахом...

По старой привычке пошли на кухню, располагавшую к разговору тихому и доверительному.

— Чувствую, с проблемами гость явился,— улыбнулся Хозяин, заваривая чай.— И с крупными. Такое вино...

— Точно,— согласился Матерый.— Оставь чайник, присядь и слушай, чего я натворил. Внимательно. Хотя... насчет «внимательно» — само собой, иначе нельзя.

Он рассказал все. О кражах на железной дороге, об уголовниках-подручных, об оружии, некогда найденном в тайнике партизан, о Леве, попытавшемся обрезать концы, о «гаишниках», о том, наконец, как обманывал его, Хозяина, манипулируя на «честных» начинаниях: от дачных строительств до сбыта икры, мехов, сигарет, напитков, всякий раз убедительно обосновывая легальную по степени риска основу товара...

Хозяин откровенно нервничал, однако не перебивал. Изредка позволял себе отвлечься: варенье из холодильника достать, чашки, конфеты... У Матерого порой возникало ощущение, будто тот слушает магнитофон — знакомую, хотя и полузабытую запись, но отнюдь не собеседника, сам же размышляет о личном, давно выстраданном, мучительном, как будто все то, о чем рассказывалось ему, он сам же и совершил — когда-то давно, по глупости, а вот, оказывается, нашелся живой свидетель... И еще странное ощущение возникло у Матерого: исчезни он, замолни, все равно Хозяин не встрепенется, не удивится, а так же будет конфетки в вазочкусыпать, кипяток доливать в заварку...

Нет, в чем-то не прав был он, Матерый, рассуждая об отношениях в здешней семье... Не только вещами да деньгами привязал к себе Веронику этот человек, а еще и силой, сутью какой-то глубинной... И его привязал! Потому и сидит он сейчас тут, и щебечет попугаем обо всем без утайки, и ждет сласения — ведь так, сласения! — веря в мудрость Хозяина, надеясь: есть у того козыри, способные спутать игру охотников и все в ней переинициализировать. Прощения ждет себе и понимания... Как высшего смысла ждет.

Рассказал. Все.

— Я не хочу тебя обижать,— сказал Хозяин, нарушив долгое молчание, воцарившееся после последних слов Матерого.— Но... Твоя трагедия заключается в том, что всю жизнь был ты, во-первых, романтиком, а во-вторых, мелким жуликом — жалким и недалеким. И пытался одурачить тех, вернее, того, кто желал тебе добра; хотел верить тебе, трудиться с тобой, строить какое-то будущее, искать совместные перспективы для нас обоих... Я безуспешно и глупо стремился перевоспитать бандита. Вижу: Макаренко из меня — никакой... Хотя сравнение идиотское — и по возрасту воспитуемого, и по возрасту века, и конъюнктуры его, и идеалов... Кое-что, однако, мне удалось: ранее для полного счастья и умиротворения ты мечтал красть в день по четвертному, затем — сотню, две, три. Из жулика мелкого стал жуликом средненьким. Вот результаты роста личности и плоды, увы, всей воспитательной работы. Рвач и разбойник так и остался рвачом и разбойником.

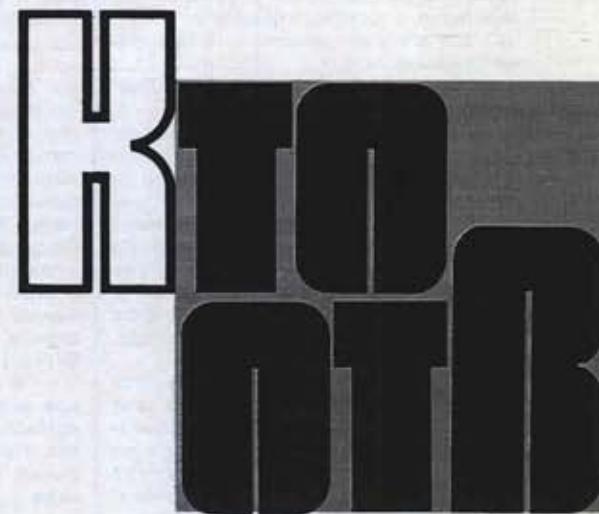
— Давай без ярлыков и поучений,— сказал Матерый уныло.

— Давай,— безучастно согласился Хозяин.— Ну,

что ты хочешь услышать? Что-либо оптимистичное? Нет, ситуация плохая, неуправляемая и, уверен, безнадежная. Следствие идет, воспрепятствовать ему сложно, хотя есть некоторые... Нет, нереально. Одно скажу: попить чаек спокойно мы сегодня еще в состоянии. Механизм против нас работает неповоротливый, неважно оснащенный технически, с провалами в организационной структуре, но, поверь, хорошо информированный. Это поставлено, как радио, как телевидение: хоть что-нибудь, но каждодневно и в заданном объеме. Сетовать не приходится: такова система, и, согласись, оправданность такой системы несомнена. Вообще-то,— покривился,— беседа с тобой удовольствия мне не доставляет. Ты ведь под крах меня подвел... Но да ладно, истина такова: мы две главные крысы на одном тонущем судне: я умная, ты хоть и сильная, но взбалмошная и дурная.

— Мы же договорились... насчет ярлыков,— пристал Матерый.

— Это аллегория,— отмахнулся Ярославцев.— И не корчи, прошу, оскорблённую невинность... Вспомни лучше эволюцию своих подвигов: сначала грабежи

в духе вестернов, затем шантаж богатых жуликов; после, когда уяснил, что такое занятие себе дороже, перешел в авторычные «кидалы» с одновременным открытием школ каратэ. А когда шуганули твоих сэнсэев и дурачков под их началом, начал девок заезжей публике поставлять... Хороша карьера!

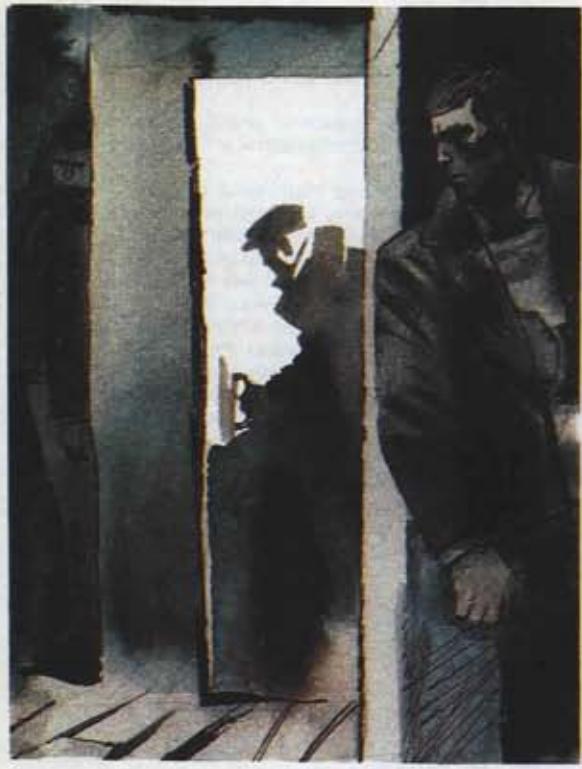
— А куда мне еще было? С биографией такой? — зло спросил Матерый.

— Дела с наркотиками налаживать,— сказал Ярославцев.— Логически оправданный, последний этап. Губить души, как травушку выкашивать, грести сказочные барышни, становиться исчадием адаА. И самое страшное — получилось бы у тебя... Хорошо, я удержал. Для людей хорошо, не для меня. Я ведь, прости за наивность, стремился научить тебя жить и поступать честно. Может, порой и вразрез с юридическими формальностями, но честно по внутренней сути. Чтобы и сам зарабатывал, и другим заработать давал, но, главное, чтобы способствовал процветанию — не побоись обобщить — общества в целом. Но тебя не устраивал ограниченный, хотя и приличный заработка. Ты хотел хапнуть побольше. А я, дурак, тебе верил... Не скажу, чтобы очень, но на поводу у тебя шел... Внимал легендам и мифам об обреченных на гниение фондованных материалах, о контейнерах — якобы потерявшихся и запоздало, когда были уже списаны, обнаружившихся... Многому другому. Врал ты искусно, доказательства приводил идеальные, аргументы конъюнктурные, хотя, начни я оправдываться ими перед коллегией по уголовным делам, был бы выставлен, как жалкий лгун, оскорбляющий интеллект судей... Короче. Ныне со всеми благими намерениями я очутился коренным в одной упряжке с уголовным сбродом. А в общем-то... — добавил тихо,— признание твоё не открытие. Фактура любопытна и в чем-то внезапна... Но да что она решает? Тем более под сенью наших начинаний много развелось тебе подобных. Грешат они самодеятельностью и так же сводят между собой счеты. Так что не с новостью ты явился, а с подтверждением известного вывода: надо бежать... Об этом мы уже как-то деликатно друг другу намекали.

— Я отдаю тебе деньги. Всю твою долю,— сказал Матерый.

— Все зажуленное? — перевел Ярославцев.— Леша, да разве это главное? Жизнь мы с тобой профукали, а ее не компенсировать. Ты как убить-то смог? Ужель и не дрогнул?..

— А просто это... — Матерый поднял на него боль-

Андрей МОЛЧАНОВ

СТУДИЯ?

ные, искренние глаза.— Первый раз сложно. А после — чего терять?

— Так, может, и меня заодно?

— Думал...— Матерый опустил голову.— Но не ты ко мне ведешь, а я к тебе... Несправедливо.

— Гляди, а жизнь-то... страшная штука... Быть то есть,— сказал Ярославцев.— Ну, да все равно — спасибо. И тебе я благодарен. Не смалодушничай, не смылся, а пришел и рассказал. Пусть страх тобою двигал, поддержки ты искал, совета, как глубже в ил зарыться, но все же... Совет, кстати, я тебе когда-то дал в шутку. Но его ты, по-моему, воспринял всерьез... Как, стоит уже домик на морском берегу? — Хмыкнул.

— Не пахнет там морем,— отрезал Матерый.

— Хорошо. Значит, в тайге. Но, как бы там ни было, туда не спеши. Паниковать не стоит. Нам надо завершить массу дел.

— То есть ты считаешь...

— Погоди.— Хозяин встал, прошел в коридор, настороженно прислушался.— Тише, жена спит... Я считаю, в бега подаваться рано. Худо-бедно, но превентивные меры всяк по-своему мы продумали. Их надо попросту укрепить уже тем, что диктует конкретная ситуация. Спросишь, почему именно так рассуждаю? Потому что бежать — стыдно. Мы ведь феномен политический, хотя и трансформировавшийся в уголовный... А знаешь, в чем ошибка наша? Не верили мы в перемены, а наступили они, и мы обозначились как символ всех прошлых заблуждений. И лично моя ошибка — не с теми дело начал, не то дело и не так. Теперь реалии: есть уголовники — ты да я, пытающиеся избежать возмездия. Каким образом? В ход следствия не влезешь, выводы его не изменишь. Другое время, да и кровь тут... Значит, надо методично сжигать за собою мосты...

— Огня на них не хватит! — вырвалось у Матерого.

— Да, — кивнул Ярославцев.— За каждым из нас тянется шлейф, сотканный из забытых нами мелочей, которым мы и внимания не уделяли. А Лев... знал тех, с кем мы встречались каждодневно. Конечно, умный следователь выйдет на нас обязательно. Но ошибки бывают и у умных. И счастье бывает у дураков.: Улыбнется оно — езжай в свой домик спокойно и чинно, а я тоже что-нибудь себе придумаю. Новое, скажем, занятие... Но сначала закроем все точки, где Лева как-то фигурировал...

— Известные нам точки,— поправил Матерый.— Да, думал. Но как? Подъехать и распорядиться об

окончании работ? Кто послушает? Многие своего еще не добрали, многим просто понравилось...

— Перекроем кислород,— сказал Хозяин.— Не будет сырья, механизм застопорится. Не будет лазерных дисков и дешевых оригиналов, конец видеописателям. Не будет леса и кирпича, бросят шабашники пильы.

— Теперь они умные, сами источники найдут... Преобразуются в прогрессивных кооператоров, наконец.

— Найдут,— согласился Хозяин.— Но наступит полоса затишья. А пока ты кое-кого пугнешь — боевичков, кстати, своих, картистов привлеки; кому-то про закон напомнишь, благо юридически подкован; кого-то исходного материала лишишь или базы... Надо пустить машину хотя бы на холостые обороты... Ясно?

— Скажи,— покривился Матерый,— а чего ты за привычное цепляешься? Семьей дорожишь? Но у тебя же все это прожитое, в золу обращенное. И семья, и работа... все. Тебе... заново надо. Это мне — на покой. А тебе — заново. Потому что есть еще порох... И другой вопрос: ты ж как поп был, проповедуя идеюности наших мероприятий... Неужто и впрым в нее верил? Или просто утвердиться хотел, когда за бортом оказался и в одиночку за кораблем поплыл?

— В одиночку? Не скажи...

— Ну, я с тобой рядом барабтался...

— Ты? Ты с другого корабля. С разбитой пиратской бригантины. Разбитой еще в архаическом прошлом.

— Так или иначе,— сказал Матерый,— на борт нас не подняли. В кильватере мы гребли, а сейчас команда винтовки неспешно чистят, чтобы и кильватер тоже свободен был...— Помедлил.— А в принципе все закономерно. И что с ворьем ты связался и что ворью уподобился. Думаешь, нет? А ты бы сейчас себя со стороны послушал... А уж если показать тебя сегодняшнего тебе вчерашнему... уу! Кошмарный сон. И смешной ты кое в чем: хотел тут один корабль на плаву удержать, будучи за бортом...

— Да не за бортом,— протянул Ярославцев раздраженно.— Вцепился, понимаешь, в сравнение... Просто меня разжаловали. И даже не столько люди, сколько обстоятельства.

— Ошибаешься,— возразил Матерый.— Разжалован — значит, шестерка, а шестерка все равно в колоде. А ты откололся. Напридумывал иллюзий и начал ими жить. Нас, сброд, призывают работать на государство! Причем нам — крохи, государству — куски. Мы не перечили, да, ты для нас то являл, почему мы подчинились беспрекословно с детства! И оставался нам лишь обман — привычный. Соглашаясь с одним, втихую творить другое... А нынче ты тоже наш, уголовный, хоть и с завихрениями некоторыми... Потому долю тебе я верну. Долю, понял? Прощай, человек с будущим, которое в прошлом. Как мосты жечь — знаю, не волнуйся.

— Прощай, Леша... Если ты переселился в данную оболочку из флибустьера, то в следующей жизни быть оболочкой космическим пиратом. Каким бы лучезарным ни явилось будущее. По крайней мере место нам в нем найдется. Тебе уж точно. Волк нужен стаду, он его санитар.

— Для выездной сессии это законспектируй,— буркнул Матерый.— Как обоснование высшей меры. Особый цинизм, скажет прокурор, яркая антиобщественная позиция, гнилая философия подсудимого дает мне полное право просить... И так далее. Ну, пока!

СЛЕДСТВИЕ

С утра состоялся неприятный разговор с шефом, которому, видимо, накрутили хвост наверху. Шеф упрекал в медлительности, отсутствии решимости, говорил, что с Коржиковым пора кончать, и вообще выражал недоумение вялым ведением следственных и оперативных действий. Я выслушивал его хладнокровно, не перебивая. Шеф был не прав: он оперировал категориями тупорыкими, сугубо административными, а у меня имелись серьезные контрудоводы, способные привести его в чувство... И я знал фразу, которую выскажу шефу, когда он закончит свои комментарии и наставления. «Ваши пожелания,— скажу я,— играют на руку преступникам». Ох, и оторопеет шеф... Пауза повиснет, первое недоумение в глазах начальства сменится откровенным гневом, а тут я и выпложу... последние новости.

Но покуда сладостный момент моего триумфа еще не приблизился. Покуда журчала нотация, долгая, нудная, однако дающая мне время еще и еще раз взвесить все «за» и «против».

На днях выяснился источник, откуда нумерованные покрышки от шасси «Ту-154» поступили в пользование браконьерам. Встретился я с ответственным хозяйственником одного из столичных аэропортов, который не колеблясь признал: дескать, да, было славное дело — отдали некоему лицу эту резину, однако согласно распоряжению выше. Устному, увы, распоряжению, но свидетели имеются. Распоряжался же сам Петр Сергеевич, сказав: подъедет от меня человек,

которому вы обязаны помочь. В интересах, безусловно, народного хозяйства. Авиация же, добавил хозяинственник, как армия: приказано — закон!

Я, не вступая в спор относительно закона, предъявил хозяйственнику фоторобот блондина, выходившего на связь с должностным лицом в Баку.

— Он! — воскликнул хозяйственник. И спросил затем доверительно: — Мазурик, да?

На прием к Петру Сергеевичу пришлось пробиваться через заслон многочисленных помощников, секретаря, но в итоге раневу состоялось. Смотрел на меня Петр Сергеевич как на нечто назойливое, мелкое, комарику подобное; указание свое насчет покрышек поначалу не припомнил, но, ознакомившись с показаниями подчиненных, память свою без охоты, но пробудил: да, согласился, просили негодные шасси из некоего учреждения, занимающегося рыбным хозяйством. То ли для ремонта судов, то ли...

— Списанные, негодные шасси,— уточнял он, увлекаясь идеей и экспромтом обогащая ее.— Я... что же? Вник. Возможно, позовил.

— Позвонили,— уверил я.— И приказали выдать дорогостоящие детали. Без ссылок на их годность или негодность.

— Помилуйте, зачем рыбному хозяйству новые шасси? — заулыбался Петр Сергеевич.— Кстати,— прибавил, внезапно посувовев,— могу дать объяснениевшему начальству... На любом уровне...

— Вашу инициативу ограничить не вправе,— ответил я и, плонув на весьма вероятные неприятности, вытащил из портфеля бланк протокола допроса.

Бланк произвел на Петра Сергеевича впечатление убийственное. Я даже не ожидал... В ход пошли какие-то невнятные слова, заверения, растерянные угрозы и посузы... Затем, столь странно преобразившись, Петр Сергеевич начал категорически придерживаться версии о негодных шасси и об угодливых подчиненных, совершивших преступление. Выяснился и непосредственный заказчик шасси: некто Ярославцев, консультант одного из министерств; судя по характеристике Петра Сергеевича, человек весьма пробивной и значимый во многих сферах, включая юридическую...

Предъявленный фоторобот блондина Петр Сергеевич не опознал.

— Да он же, Ярославцев, меня вскользь попросил...— твердил он, бредя за мной к выходу из кабинета.— Вскользь... А подчиненные просто неправильно поняли, я разберусь...

— Петр Сергеевич! — Я резко обернулся к нему.— Могу дать вам очень добрый совет. Очень добрый...

— Да-да?

— Петр Сергеевич! Главное сейчас, чтобы некто Ярославцев ничего... вы понимаете... ничего из нашего с вами разговора для себя не вынес...

— То есть... могила! — Заверяюще прижалась руки к груди.— Абсолютно!

В искренности последних слов и последнего жеста я не усомнился. Петр Сергеевич определенно был не дурак!

А сегодня с утра Лузгин начал уже отрабатывать данные по Ярославцеву...

Шеф закончил гневную речь, я попросил слова и, отринув приготовленные фразы, сухо доложил о последних результатах работ. Заверив, что в течение самого скорого времени Коржиков будет арестован. Но не по поводу убийства...

— То есть? — озадачился шеф.

— Напролом пойдем — дело погубим,— сказал я, глубоко убежденный в своих словах.— Убийства вас смущают? Кровь вызывает к отмщению? Но убийство — всего лишь отголоски других историй, нам неизвестных. А для их прояснения нужна информация, а не аресты. Надо терпеливо завести невод в омут. И тянуть его, когда перегородим все выходы. Чем и занимаемся. А потому нужна помощь: много людей и много техники...

— Сначала разберемся с Коржиковым! — Шеф стукнул по краю столешницы ребром ладони.— Каким образом вы...

— Разрешите доложить завтра? — попросил я.— Сегодня Коржиков должен нам крупно помочь. Очень крупно.

— Не морочь мне голову! — Шеф повторил удар по столешнице, на сей раз кулаком.— Сплошные тайны!

Когда я очутился у себя в кабинете, то крепко призадумался об ожидаемых событиях сегодняшнего дня.

Сегодня благодаря кропотливой работе оперативников следствие входило в фазу первого результата.

Таксист Коржиков, крутившийся возле своего работодателя Воронова, был фигурант доста точно примитивной: рвач на подхвате, не брезгуя любым заработком — будь то трояк, будь три тысячи. Деньги олицетворяли его религию и его божество одновременно. Воронов же представлялся типчиком позантене. Во всяком случае, благодаря сведениям, грамотно выуженным из старожилов кооператива, путь его социальной эволюции вырисовывался наглядный и в чем-то даже типичный.

Школа, армия, после — завод, где Толя сразу же выбился в передовики, причем по праву: руки у него были золотые, металл он любил, знал и знание это

решил применить для восстановления старенького «Запорожца», приобретенного заодно с боксом в кооперативе на все трудовые сбережения. Специфику автодела освоил походя, и, когда завершил ремонт, знатоки утверждали, будто отличить машину от сошедшей с заводского конвейера было попросту невозможно. Прилежно Толя работал, халтуры не выносил органически.. За машину предложили сумму, вполне Толю устроившую. Расстался он с «Запорожцем» без сожаления, хотя всего-то пришлось покататься дважды: от магазина до гаража и от гаража до магазина. Зато появились деньги.. И купил на них Толя битые всмятку «Жигули», которые через месяц не отличались от новых...

Началось переоборудование гаража.. Затем гараж Анатолия расширился за счет смежного, преобразованного в камеру для сушки-покраски. Шефом кооператива, естественно, выплачивался «налог» за молчаливое согласие, пайщики, зависящие от услуг Толи, тоже не распускали язык, и вскоре стиль жизни новоиспеченного мастера сильно изменился: поработав спустя рукава за зарплату на заводе, он шел зарабатывать деньги..

Имелся у Воронова к настоящему времени собственный автомобиль «вольво», да и не только «вольво»; а в кооперативе появились у него разного рода подручные, снабженцы.. И стал Толя человеком обеспеченным. И жаден стал невыносимо — так логоворили о нем сквозь зубы зависимые пайщики. А на заводе в нем тоже изрядную перемену заметили, хотя с выводами не спешили, даже несмотря на факты мелких очевидных краж: инструмента, краски, растворителя, — ибо начальство предприятия, также имевшее личные автомобили, ценило Толину дружбу.

Поначалу закралась ко мне мыслишка: тряхнуть, что ли, умельца этого как «несуна»? Но мыслишку я не без помощи Лузгина отверг. И вот почему. Автомобиль «ВАЗ-2106», обнаруженный в лесу поблизости от места убийства «гаишников», принадлежал Льву Колечицкому. Исследуя машину, один из экспертов, завязанный автолюбитель, обратил внимание на несоответствие даты выпуска общему ее состоянию. Машина, судя по всему, было месяцев шесть от роду, тогда как согласно техпаспорту появилась она на свет три года назад. С немальным старанием установили: номера кузова и двигателя подлинные, однако вварены как отдельные куски при помощи неизвестных технологических методов.

Толя? Тогда ай да Толя! Но как доказать? Лева хранил воистину гробовое молчание, а Толю лишь предстояло разговорить. Думали же мы так: опытный водитель, он же опытный уголовник Коржиков угоняет машину, соответствующую по признакам той, что сдается в основательный ремонт; старая техника расчленяется на запчасти и металлом; довольный клиент платит гонорар мастеру, не вдаваясь в подробности, а потерпевший от угона получает страховку.

Сопоставив эту типовую в общем-то версию с информацией по угонам и с наблюдениями старожилов кооператива о тех машинах, что в последнее время заезжали в гараж Анатолия, я косвенно версию подтвердил. Собрались и прямые улики: Лузгин выявил кое-кого из очастливленных клиентов..

Угоны профессиональные, спланированные с целью наживы, не так уж часты. Обычно машину заимствуют напрокат из побуждений хулиганских и вздорных. Хулиганов задерживают, как правило, легко и быстро, хотя суд в своей мятущейся душе они в итоге удовлетворяют: автомобили возвращаются к хозяевам изрядно изувеченными.

Список «пропавших без вести» по городу не ошеломил, не такой уж он был и внушительный. Но Толя за список вырисовывался...

А вчера позвонил Лузгин и сообщил: Анатолий осматривал седьмую модель «Жигулей», в пух и прах разбитую, восстановлению не подлежащую, однако для ремонта ее запросил максимум недели. Когда договорились с клиентом, машину вывезли за город, в установленное, как с нажимом подчеркнул Лузгин, место. Коржиков доставил ее в крытом кузове грузовика.

Далее наблюдение за Коржиковым не осуществлялось по причинам чисто техническим, но сегодня утром, перед сменой, он заехал в кооператив, где поставил в Толин ремонтный бокс новенькую «семерку» с номерами «семерки битой»..

Справка происшествий по городу подтвердила угон.. Так начался день сегодняшний.

В 16.00 Коржиков навестил «установленное место», где хранилась битая машина, и, изъяв из нее некоторые принадлежности, носившие, очевидно, характерные приметы, выехал обратно в город.

В 17.15 заднюю дверцу его такси процарапала боковой бампер «Волга» с водителем-новичком, и начался разбор происшествия.

В 18.00 Толя Воронов вошел в гараж, плотно закрылся изнутри и включил газовую горелку.

После этого сообщения я запер кабинет снаружи и направился к ожидающей меня оперативной машине, где находился Лузгин.

В 18.30 сотрудник ГАИ, тоже «новичок», долго и трудно разбиравший простейшее ДТП, отпустил Коржикова, перегрузившего возле таксопарка «характер-

ную мелочишку» в личный автомобиль, на котором в 19.08 проследовал в кооператив...

Выслушав последний доклад по радио, мы с понятыми дружно вышли из машины.

Через пять минут гражданина Коржикова вновь задержит ГАИ и некоторое время будет дотошно проверять его документы. В случае непредвиденных обстоятельств, зависящих от поведения Воронова, Коржикову предстоит пройти оскорбительную проверку на трезвость...

На территорию кооператива мы проникли через забор во избежание объяснений со сторожем — приятелем Коржикова.

Подошли к боксу. Из дверей ядовито тянуло синтетической краской и слышалось шипение кислорода: заканчивались покрасочные работы...

Я постучался в дверь. Шипение стихло. Затем за дверью ощущалось некое встревоженное движение, после — пауза... Наконец звонкий голос произнес:

— Да?

Слово было короткое, но высказали его настолько грубо и презрительно, что невольно подумалось: сюда стучатся обычно либо надевшие попрошайки, либо такие же, как и тот, находящийся за дверью, хамы.

— Электронадзор, — представился Лузгин строгим деревенским баском. — Открывайте!

— Машина сохнет, не могу, — прозвучало настороженно. — Нечего пыль пускать, гуляйте, нормально тут все, проводка в порядке...

— Зафиксирована утечка, — с купеческой какой-то солидностью изрек Лузгин, а затем пригрозил ОБХСС: вызовем, мол, немедля...

Послыпался приглушенный мат, лязнула щеколда затвора, и мы скопом вломились в гараж.

— Стоять на месте, уголовный розыск, — вяло предупредил Лузгин.

— Та-ак, — выдохнул Толя, сдирая с жилистой шеи респиратор и бросая его на верстак. На предъявленные документы внимания он не обратил, отмахнулся.

Я поднял капот. В нише водостока, на номере кузова, узрел свежую гладь краски... Извлеченный двигатель стоял в углу, прикрытый рогожей. Я стер краем рогожи налет грязи с плоскости блока. Номер был тот, с уянной машины.

Лузгин тем временем извлек из урны для отбросов вырезанный из краденого кузова кусок с выдавленными цифрами... Затем, вновь защелкнув щеколду на двери, включил вентиляцию. Все, как и предусматривалось планом: гул лопастей не мешал нам вести неслышимую снаружи беседу.

— Душновато у тебя, — мирно обратился Лузгин к Воронову. — Легкие не бережешь, гадостью всякой дышли. Так и надышишь себе ракоч.

— Не пухай, сердобольный доктор, — ответил тот.

— Товарищи понятые... — начал я, но речь мою прервал стук в дверь. Радостный голос произнес с энтузиазмом:

— Толик, змей, открывай калитку! Я это! Ну, навонял, ну, трудяга, ну...

Толик покосился в сторону возгласов недоуменно и скучно: мол, кто бы ответил, какого такого дурака привнесло?

Лузгин гостеприимно растворил ворота.

Радостная и одновременно заискивающая улыбка на лице Коржикова в одно мгновение при виде нас сменилась бледным ужасом.

— Входите, гостем будете, — пригласил я.

В руке Коржикова обвислая сумка с «характерной мелочью» из похищенной машины, но обращать внимание на сумку в наши планы не входило.

— Да я... — промямлил он, — вопрос вот имею к нему... — Указал скрюченным пальцем на Анатолия.

— Какой вопрос?

— Да вот... дверцу поцарапали мне сегодня, — нашелся Коржиков, слегка оживившись. — Краска нужна.

— Ваши документы, — зловеще протянул руку Лузгин, и, словно укушенный залезшим под рубаху насекомым, Коржиков поспешно полез куда-то глубоко за пазуху, прочитая:

— Вот день! А? Вот день! — И извлек документы.

Пока документы просматривались с полной, разумеется, серьезностью, корректностью и всякими соответствующими вопросами, я продолжил спектакль.

— Итак, — обратился к Воронову, — зачем, позовите любопытствовать, вы извлекли из краденой машины двигатель? Хотели узнать, что у него внутри? Перефразируя известного литературного героя О. Бенедера, спешу пояснить: внутри новая поршневая группа, коленчатый вал без задиров и девственныи распределительный вал.

— Правильно, — согласился Анатолий. — Но таково желание клиента: протореть все это девственное супьфидом молибденом для пущей прочности...

— А как быть с фальшивым номером кузова?

— Это уже допрос? — резонно заметил Воронов.

— Еще нет. — Я мельком обернулся на Коржикова, уважительно глядя на него перед Лузгиным.

— Вот... товарищ Коржиков, — надувая щеки, звучно представил его Иван Семенович. — Работник, значит, таксопарка.

— Двери мне сегодня... — повторился работник жалостливо. — Ну, решил красочкой поразжиться, а тут, чувствуя, момент...

— Тут не момент, ситуация, — ответил я. — Не откажетесь, кстати, присоединиться к понятым? С краской осечка вышла, бокс мы опечатаем, судьбу каждого предмета выясним, а вот коли желаете оказать помощь следствию...

Коржиков, встрепенувшись, всем видом выразил глубочайшую заинтересованность и готовность номер один.

Далее, по составлении протокола понятому Коржикову была предоставлена свобода действий, и он поспешил немедленно ею воспользоваться.

Когда же на ворота гаража накладывались печати, подошел сторож кооператива, с места в карьер начавший оправдываться тем, что поставлен следить за порядком, а за беспорядок не отвечает...

По пути в УВД города по радио получали ту информацию, ради которой, собственно, вынуждивались:

«После ухода из гаража Коржиков сел в машину. Ближайший телефон-автомат, находящийся возле кооператива, оставил без внимания. Вторым на углу, возле пересечения с главной дорогой, воспользовался. Номер абонента установлен».

В управлении мы первым делом прослушиваем запись разговора.

— Матерый, приветик... — звучит знакомый голос таксиста.

— Ну?

— Толик сильно приболел. На тачке продуло. Приводил, а там доктора. Диагноз поставили — один в один!

— Откуда звонишь?

— Да тут все тихо. Из автомата. С улицы. Ни души, даже страшно, хе...

— Похекай-похекай...

— От нервов, ладно те...

— Как было?

— Как, как... Залетаю к нему, там доктора. Меня заодно прослушали. А потом, слышь, потеха — в ассистенты записали... А Толик крепился. Четко. Как дуб под ветрами.

На другом конце провода помолчали. Видимо, неизвестный абонент с хрипловым баритоном всерьез призадумался. И потому, как призадумался, я понял: соображает — провокация данный разговор или же... Сообразил правильно: провокация нелогична.

— Вот что, Коржик-бульбик, — прозвучало озабочено. — Боюсь, заразит нас Толя, злоказчественная у него хвороба. Завтра давай к двенадцати дня греби к Виталику на набережную. Пожуем там и... увидим, в общем.

Гудки. Конец записи.

Лузгин устало оглядел сгрудившуюся возле магнитофона оперативную группу.

— Поработали, ребята, — подытожил тихо. — Теперь всем спать. До шести утра. Действует только служба наблюдения за Бубликом этим. Завтра, вероятно, будем его брать. Свое он нам сегодня отыграл как по нотам.

Опергруппа покинула помещение, и через пять минут Лузгин и я любезно предлагали Анатолию выбрать себе местечко поудобнее.

Допрос я построил не на основе фактов сегодняшнего дня, их обходил, зная, если ими давить, начнется спать хочу, не имеете права... Пошел по принципу спортивной борьбы: противника поначалу надо легонько толкнуть, вывести из равновесия, а тут уж он на прием и напорется...

Начал со знакомств: кому машины ремонтировались. Услужливо приводил известные допрашиваемому имени. С явным, естественно, попаданием в криминал... Толя то взвинчивался, то замыкался, а я, фиксируя точность попаданий, с шуточками-прибауточками дожимал линию прорыва на откровенность.

— А вот Виталик с набережной, — посмеивался я. — Чего насчет него скажешь? Тоже не знаю, не ведаю?

— А он-то при чем? — искренне возмутился Толя. — Ну, рихтовал я пару раз «форд» его по пустякам: крыло, капот... По-дружески, чтоб пищевой приличной угодил при случае...

— Да откуда у него приличная... — подал я саркастическую реплику.

— Не, у них в пиццерии прилично готовят! — уверил Толя и горько поджал губы, сознавая, видимо, что пиццы теперь ему не видать долгие лета...

— Значит, в пиццерии встреча...

— Ну, а Коржиков? — продолжил я без интереса.

— Он вроде Виталию друг?

Фокус не удался: Толя передернулся, как лошадь, укушенная слепнем, постигая коварную подоплеку вопроса, а затем с вызывающе будничной интонацией произнес:

— Спать хочу. Права вы не имеете в это время... Я вызвал конвой.

— Спокойной ночи, — механически сказал на прощание Воронов.

А вот тут Толя психанул. Мое пожелание было воспринято им как изощренное издевательство.

— Умри, чучело! — выплюнув глаза, заорал он, остолбенев от ярости. — Инквизиторы... изезуиты! Чтоб вас...

— Заткнулся бы ты, парень... — в упор глядя на него тяжелым взглядом, произнес Лузгин, надвигаясь неспешно и грозно.

Воронов замолчал, глядя на нас исподлобья.

— И сообразил бы, как правильно себя вести,— продолжил Иван Семенович.— Дел на тебе повисло — виноградные гроздья. Улики налицо. И помочь нам — прямая выгода. О чистосердечном признании, раскаянии, прочих материях толковать не стану — то не про вас романсы. А вот о выгоде... Ты ее всегда искал. Ищи и теперь.

— Практически рассуждать призываешь? — спросил Толя ядовито.— А я и рассуждаю практически. Приду из тюрьги — гол, бос, к кому путь держать? А к тем, кого сейчас вы сдавать рекомендуете. Положим, сдам за мелкое к себе снисхождение. А после? Кто накормит-напоит, работенку подкинет? Или вы меня в прокуроры устроите?

Конвой в дверях шумно вздохнул и потоптался нетерпеливо.

— Выдите пока,— кивнул ему Лузгин и, дождавшись, когда дверь закроется, продолжил: — Верно, Толя, выдадут тебе бесплатную пиццу за твердость позиции, проявленную в казенном доме. Но расплатишься ты за нее в итоге по расценкам лихой ресторанной гулянки. И про благородительность корешов своих мне не толкай, и себя ею не тешь. Теперь выдам тебе секрет. Крутим мы историю, в которой много разного — от убийства до хищений. Транспортное обеспечение истории — твоя заслуга. И Коржикова... В общем, смотри.

— А как насчет... подумать? — Воронов пырнул его косым взглядом.

— Не так ставишь вопрос, — сказал Лузгин. — Тебе нужно время набраться смелости и все хорошенько припомнить... Не возражаю. Однако решает следователь...

— Согласен, — сказал я. — Полсугок, надеюсь, хватит. Время пошло.

товарищи. По работе, по делу, по делишкам. Затем — друзей выбирают. А ты раньше выбрать не мог. Тебе вменялось дружить исключительно со своим кругом. Либо с кем-то из круга повыше. Но не с самим верхним, ибо тому кругу с тобой тоже дружить было не положено. Отчасти потому и тянулся ты к Матерому, и помогал ему, и наставлял, вопиющим образом нарушая правила игры и наивно полагая, будто нарушение ненаказуемо...

Жена, дочь? Тут ясно. Вероника выйдет замуж, сохранив туманное сожаление о бывшем супруге-неудачнике и весьма конкретное сожаление о своей загубленной жизни, им, неудачником, конечно, загубленной... А дочь — та вовсе под чужим созвездием родилась, дочери вообще пала на данном этапе без надобности, ей связи его нужны и наследство. И странно, и страшно чувствовать в маленьком, хрупком человечке, не определившемся ни в социальных, ни в нравственных ориентирах, железную хватку и волю уже бесповоротно состоявшегося потребителя. Дочь себя пристроит, за нее волноваться — пустое, ген выживаемости здесь доминирующий, хотя и дурно мыслить так о собственном, любимом ребенке...

Теперь о себе. Уже никогда не подняться. И лучшее, что он мог совершить во имя собственных амбиций после изгнания из рая, — стать консультантом тех, кто сколь-нибудь решает, суплером десятка театров. И только. Он ничего не значил сам, он исполнял, грамотно корректируя, чужую волю, а проявление воли собственной свело к уголовщине. Он... прожил жизни. Нахлынуло безразличие. А после странно и остро захотелось в деревню, на Волгу, где был свой дом на берегу широкого разлива. Побродить бы по исталому лесу, кропотливо и тайно готовящему обновление трав и листвы, вспомнить о радостях прошлого лета, вернуться домой в сумерках, надышавшись хвой, затопить печь, посидеть возле близкого огня со стаканчиком коньяка, подумать...

Только-то осталось у него: пустые думы у деревенской печи...

В сознание неожиданно ворвались какие-то голоса и маршевые звуки, доносившиеся из радиотранслятора. Он повернулся рычаком громкости до упора, и кухню заполнил, гремя барабанной дробью и пронизывая звонкой медью горнов, пионерский парад, вдохновенно комментируемый взволнованным диктором, призывающим «быть достойными... гордо нести...».

Ярославцев оглушенно прислушался к привычным, впитанным с детства оптимистическим словосочетаниям, подтвержденным лиующей оркестровой какофонией, и вдруг почувствовал, как волосы на голове поднимаются дыбом... Затем, исподволь ужасаясь неудержимо нахлынувшему на него сумасшествию, схватил за спину кухонный стул и пустился с ним в неуклюжее вальсирование, пытаясь попасть в такт бравурных ритмов, доносившихся из неведомых пространств...

Болезненный удар о край газовой плиты заставил его прекратить эту дикую пляску.

Он выдернул шнур ретранслятора из сети, наспех допил чай и спустился к машине.

До фирмы Джимми доехал быстро. Машину оставил в переулке неподалеку; подняв воротник пальто, пошел к офису.

С Джимми он познакомился в той злополучной заграниценной командировке, на стройке. Фирма, где Джимми тогда служил, специализировалась на поставке облицовочных материалов, и именно эту фирму Ярославцев когда-то крупно надул, выхватив у нее из под носа большой заказ и погорев на том заказе...

А после, спустя пять лет, Джимми объявился в Москве, позвонил и сказал:

— Я приехал сюда учиться твоей деловой хватке, Володя. Готов брать уроки...

Встречались они редко, но неизменно сердечно, говорили всегда откровенно, не темя, и цену друг другу знали прекрасно. Сейчас, шагая к подъезду офиса, Ярославцев знал, что здесь может говорить впрямую и поймут его здесь наверняка.

— Дорогой гость... — Джимми, улыбаясь, встал из-за стола, протянул руку. — Какими ветрами и судьбами?

— Слушай, — сказал Ярославцев, всматриваясь в его лицо. — Удивительное дело: иностранца у нас видно сразу. И даже не в одежке дело. У вас непостижимо чужие лица и непостижимо отстраненные глаза...

Джимми степенно поправил густо-синий галстук в мелкую белую звездочку. Застегнул лощеный, с «плечиками» пиджак.

— Отстраненные... от чего?

— От наших проблем, вероятно... Вы живете здесь во имя благ жизни там, может, поэтому... Ты как, не против прогуляться?

— Буду через час, — кивнул Джимми симпатичной секретарше, холодно и приветливо улыбнувшись шефу, гостю и тотчас спрятавшей лицо в бумаги и в ухоженные рыжеватые локони.

Медленно побрали по тротуару узенькой старой улички.

— Боже, — искренне вырвалось у Ярославцева, озирающегося потерянно на церкви, колонны купеческих особнячков, лепку карнизов. — Все знакомо, и все как впервые. Да и пешком идти, как впервые... Все за рулем, в глазах — асфальт, выбоины-колдобины, разметка, а по сторонам — размытый фон: дома, камни-

кирпичи... Ну, думается, и бог с ними, с камнями, быстрее бы к дому, к телевизору...

— Ты, увы, неоригинален, — поддакнул Джимми на-тянуто.

— Я приехал к тебе по серьезному делу, — упредил Ярославцев недомолвки.

— Я рад.

— Джимми... — Он помедлил. — Однажды, год, да, кажется, год назад, будучи у меня в гостях, ты посетовал на нехватку денег...

— А вот в тот раз был неоригинален я, — отозвался Джимми. — Ибо у денег бывает всего два состояния: или их нет, или их нет совсем...

Сдержанно рассмеялись.

— Джимми, — оборвав смех, с нажимом повторил Ярославцев. — В тот раз ты... намекал на необходимость не абстрактных денег, а рублей, за которые ты готов платить валютой. Коэффициенты не обозначались, фраза вообще была проходной... Я же понял тебя так: в то время подобная операция виделась актуальной для решения незначительных бытовых проблем. Проблем не острых, сиюминутных, сугубо личных; прибыль от операции тоже носила характер бытовой, в рамках улучшения бюджета месяца...

— Со стороны виднее, — неопределенно ответил Джимми. — Однако ныне проблема исчерпана.

— Значит, — сказал Ярославцев, — или ее, проблему, ты решил достаточно долгосрочно, или...

— Владимир, выкладывай дело.

— Извини... У меня есть сумма. Большая сумма. Я заинтересован обменять ее на другие денежные единицы.

— Ты серьезно? — Джимми замедлил шаг. — Впрочем... ты серьезно. Но ты же...

— Да, Джимми, — согласился Ярославцев. — Я никогда не был ни валютчиком, ни жуликом. И... я все объясню. Только сначала ответь.

— Реально... — Джимми узко прищурился, — реально, в долларах, ты можешь рассчитывать на сумму, в шесть раз меньшую. Это уже бизнес, Володя. Большой бизнес. И я должен что-то заработать.

— Сроки?

— В течение трех недель.

— Хорошо. Три недели. Завтра я назову тебе точную сумму, предлагаемую для обмена. Паспорт у тебя с собой?

— Да... — Джимми удивленно скосился на него. — А...

— Джимми, — прошептал Ярославцев, упорно глядя куда-то мимо него, — я должен бежать из страны. Должен! Именно поэтому мне нужна валюта и нужен паспорт... На реальное имя. Иначе не приобрести билет.

— Но паспорт... мой!

— Твой Джимми, твой. Ты дашь мне его на неделю. Всего. Через неделю паспорт вернется. Конечно, не исключены неприятности... Но мы знакомы, я мог выкрасть паспорт, причем незаметно; ты в конце концов сподобился оставить портмоне у меня... был в гостях, портмоне выпало, не обратил внимания, ну, и так далее... Риск? Но это же бизнес, Джимми...

— Что случилось, Володя? — В голосе Джимми прозвучала сочувственная тревога. — Я всегда считал тебя... не обижайся... цельным и честным человеком. Я знал: у тебя хватало недоразумений, но предавать страну... Володя, я не сказал еще одной вещи: да, я в состоянии обменять твои деньги. Но, как понимаю, внушительная сумма вряд ли заинтересует частных лиц... Она заинтересует организацию... Не стану скрывать: мне от того — лишь набранные очки по службе и финансовый доход... А тебе? Это же пойдет против... твоей страны, Володя. Может, ты впервые... торопишься? Ты всегда мне казался...

— Прости, Джимми, — оборвал его Ярославцев. — Прости, что пришелся тебе так разочаровать... Я просто спасаю жизнь. Ничего больше. Итак, паспорт. Думаю, данная услуга войдет в оговоренный, как полагаю, нами процент.

— Услуга! — Джимми невольно хмыкнул. — Да без нее бессмыслен весь предыдущий и дальнейший разговор! Но — условие: объяснения со всякого рода властями следующие: паспорт ты выкрай...

— Да. Да. Да.

Простились у машины. Отъезжая, Ярославцев подумал с радостью: все складывается чертовски удачно! Для подготовки тех преступлений, за какие в лучшем случае — максимальный срок... Одно успокаивает: через Джимми — выход на серьезный канал. Связываться же с валютчиками в таких играх опасно: слишком велики суммы, да и по срокам они не уложятся с обменами.

— Смертельный номер, — пробормотал он себе под нос. — Лица со слабой нервной системой обречены на инфаркт. — И — наддал газу, спеша перекресток на зеленый мигающий свет.

Теперь предстояло заехать к Виктору Вольдемаровичу Прогонову. Весьма одаренный художник-график, реставратор и попутно цинкограф. Волей судьбы неудачник. Художественных открытий Виктор Вольдемарович не совершил, а в узкие врата доходных сфер, где плотно отирались преуспевающие бездарии, втиснувшись не сумел, несмотря на целую палитру дарований. В то же время один из знакомых Прогонова,

ПЕРЕЛОМ

Телефон звонил долго, нудно, безжалостно буравя непрочный сон, пришедший к Ярославцеву лишь под утро — всю ночь он промаялся в беспокойстве и безысходности воспаленных мыслей, пронзящих скорую беду... И — сбылось предчувствие!

— Это я, — прозвучал голос Матерого, вклиниваясь в парализованное дремой сознание. — Слыши? Все плохо! В Баку гроза, в Ашхабаде... Только Воронова помнишь? В клинику отвезли... Началось, в общем. С шашки этими прокол, точно, номерные они... Не случилось чуда! Пора в поход... Еще звонить или как?

— Не надо, — пробормотал Ярославцев слабым спросонья голосом. — Единственная просьба: центральные точки постараюсь все же прикрыть.

С минуту он еще лежал с закрытыми глазами, думал. Искал хотя бы тень надежды. После трезво осознал: да, чуда не будет. Грядет гроза. Неумолимо.

Встал, запахнувшись в халат, прошел в ванную.

«Идешь воровать, один иди!» — тупо ударила в виски зазубренная истина. Стоп... Он же не воровать хотел, не воровать!

Очередное утро, столь похожее на все предыдущие. Привычные, милые мелочи повседневного быта. Все кончается. Кончится и это.

Он пил утренний, крепко, до черноты, заваренный чай, рассеянно глядел на кота, воодушевленно дурачившегося с мотком шерсти, гонявшего его из угла в угол, и слушал мягкое, переливчатое треньканье телефона, чья упорная электронника пробивалась, согласно программе, к плотно занятому номеру нужного абонента.

Длинный гудок. Наконец-то!

— Зинаида Федоровна? Ярославцев беспокоит... У нас на ближайшее время в министерстве никаких турпоездок? Румыния? Был, знает ли... ФРГ? Большая группа? Так, вообще любопытно... Что, осенью круиз? Увы, Зинаида Федоровна, дорого. К тому же до осени еще дождь надо, а вот ФРГ... Ну, запишите. За мной подарок, богиня вы моя... И — без возражений, а то обижусь. Договорились?

Положил трубку. Турист... Авантуррист. Какая еще к чертам турпоездка! Прошу политического убежища, спасаюсь от преследования, как идейный уголовник? Или от нечего делать звякаешь? Соломинки в бушующих волнах под руками нащупываешь? Нервный ты, оказывается.

Он отставил чашку. Обхватил голову руками. Нужели все-таки придется сделать этот шаг, неужели?.. Да, придется. Ты уже много раз мысленно совершил его, ты уже пробовал, насколько прочны нити, и знаешь, как болезненно рвать их — соединяющие тебя и все, чем жив: прошлое твое, землю твою, близких. Но ты сумеешь порвать. Инстинкт самосохранения — волчий, безоглядный — сильнее... Гибнет растение, вырванное ветром и унесенное прочь, но ведь бывает, приживается оно на иной почве, бывает...

Да и что тебя соединяет с этой страной? Люди? Какие? Сослуживцы? Да у тебя их и нет, — они статисты в театре, где ты актер и единственный зритель. Друзья? Их вообще никогда не существовало. Были

способный лишь разнообразно вырисовывать на том или ином фоне профиль вождя революции, занимал ответственные должности, имел две мастерские, учеников и великое множество благ, никакого не стесняясь ремесленностью своего скудного «кредо». В основе такого процветания лежал своеобразный талант, начисто у Прогонова отсутствующий. И потому жил Виктор Вольдемарович безвестно и скромно до той поры, покуда не уяснил, что государственная служба дает доходы куда более меньшие, нежели те, которые можно извлечь, используя талант приватным образом.

Первые заработки, не обремененные вычетом подоходных налогов, были вполне безвинны: реставрация старинных полотен состоятельный клиентам. Все шло ровно, хорошо, но вскоре один из состоятельных был задержан как спекулянт художественными ценностями... И вот, правда, в роли свидетеля, но довелось посетить Прогонову и кабинет следователя, и народный суд, где со всей очевидностью ему дали понять, что его специальности и таланты могут представлять узкоуголовный интерес. Но круг состоятельных клиентов постоянно возрастал, возрастал и уровень жизни Прогонова, а соответственно и запросы, и потому уже приходилось рисковать сознательно... Впрочем, риск по мелочам Виктора Вольдемаровича более не устраивал. Жаждалось крупного дела, дабы единим махом разрешить финансовые проблемы и обеспечить себе жизнь спокойную, праздную, добычей хлеба насущного не омраченную. И такое дело Прогонова нашло. Судьба свела его с весьма энергичным человеком по имени Алексей, имевшим многозначительную кличу «Матерый». За внушительный гонорар Прогонов исполнил заказ на копию знаменитого итальянского мастера... Фальшивку изготовили правдоподобную фантастическую. Затем еще одну, еще... Дурные сны начали сниться Прогонову, нервная экзема обметала руки, но наркотик наживы намертво въелся в кровь, не отпускал. Сны снились не напрасно: вскоре вспыхнул скандал. Возмутился один из одураченных иностранцев. И затрепетал искупник Прогонов в преддверии краха... Чудом пронесло. Имя копииста в показаниях обвиняемых не прозвучало, но волк Матерый, прислав съединение чуда себе, надел на Виктора Вольдемаровича ярмо раба, потребовав разного рода услуг: производства паспортов, водительских документов и многое другое, в частности изготовления произведений псевдо-Фаберже. И вновь пришлось Прогонову обливаться холодным потом дикого страха. Но в итоге он оценил досконально знающего преступную среду шефа: подделки сбывались на том рынке сбыта, где действовала большая группа аферистов, громко прогоревших и тем самым в потоке своей продукции скрывших маленький, но поистине золотой ручеек прибыли, вырученной Прогоновым и Матерым.

Каждодневный риск становился привычкой, но не приятности обходили Виктора Вольдемаровича стороной, и, хотя пули отчетливо свистели рядом, прикрытием их с фронта и с тыла выступал дальновидный Матерый. Ему Прогонов теперь верил слепо, впрочем, ничего иного просто не оставалось... Осторожность, естественно, соблюдалась неукоснительная: ни денег, ни орудий производства, ни продукции дома Виктор Вольдемарович не держал. А на конспиративную квартиру-мастерскую, снятую у надежного человека, где созидались старинные фламандские и французские полотна, ездил, соблюдая умопомрачительную секретность. Не ведал Прогонов одного: что существовал некий Иван Лямзин, тщательно фиксирующий все переговоры своего соседа с «рукодельником Вольдемарской».

— Разрешите пройти, Виктор? — спросил Ярославцев, встав в проеме двери.

— Простите, не имею чести... — низким, бархатным голосом отозвался Прогонов.

— Я от Матерого. — Ярославцев напористо шагнул в квартиру, снял пальто, мельком, в зеркале уследив за выражением лица Виктора Вольдемаровича. Это длинное лицо с седыми бакенбардами, крупными зубами и длинным носом выражало недоумение и вместе с тем дружелюбие и любезность. Внешний вид хозяина отличался респектабельностью: белая сорочка без галстука, легкие, на тонкой подошве штиблеты, халат с серебряной и золотой ниткой узора...

— Прошу... — Рука Прогонова указала путь в комнату, где в прозрачном блеске паркета отражались чинно расставленные в горках фарфор и хрусталь.

Посреди комнаты, очень не к месту, стояло чучело пингвина, вызвавшее в Ярославцеве нескрываемое удивление — тем более чучело было обуто в домашние тапочки без задников.

— Птичка-ласточка моя, — произнес Прогонов нежно и взял пингвина за крыло, — ну-ка, проснись, ну-ка ванну прими...

Тут глаз птицы внезапно раскрылся: живой, блестящий... И пингвин, оказавшийся вовсе не чучелом, переваливаясь, вышел вон.

— Живу один, холостяком, — поделился Прогонов, затягивая ловкими, холеными пальцами узел на поясе халата. — Вот... завел животное. Экзотика, понимаете ли...

— М-да, — согласился Ярославцев, — чего-чего...

— Ходит сам в туалет, спускает за собой воду, любит принимать душ и обожает тяжелый рок, — гордо доложил хозяин. — Спит стоя. Очень удобно.

— Признаюсь, удивили, — сказал Ярославцев, усаживаясь в изысканное кресло из карельской береси. — Готов отплатить вам тем же. Не возражаете?

Любезное выражение лица Виктора Вольдемаровича трансформировалось в благожелательную озабоченность. Забарабанил выпуклыми ногтями по ореховому столику с инкрустацией словной кости.

— Коньяк? — вопрошал галантно.

— Товарищ Прогонов, — начал Ярославцев, игнорируя предложение о коньяке. — Разрешите наконец представиться. Я — Хозяин. Такой пошлой кличкой, увы, меня окрестили дурные люди. Но я тот самый человек, на которого неоднократно ссыпалась ваша друга Матерый, как на избавителя якобы от прокурорских напастей и милиционских происков.

— Якобы, — вдумчиво повторил Прогонов. — Та-ак. А нельзя ли разъяснить, в чем суть прокурорских напастей и вообще ваших намеков?

— Извольте, — кивнул Ярославцев. — Разъясняю.

Процедура разъяснений оказалась для Прогонова весьма неприятной: от слов собеседника он морщился, как от болезненных уколов, однако в глазах его проявилась готовность, отбросив ложную дипломатию, вести дальнейшие переговоры без затей, напрямик.

— Ну-с, довольно, кажется, — Ярославцев перевел дух. — Теперь — хорошие новости: надеюсь, первая наша встреча окажется и последней нет, предпоследней. Также надеюсь, что на последней встрече получу от вас несколько необходимых мне документов. Двадцать чистых бланков советских паспортов, клише печатей к ним, водительские удостоверения с десятком другим запасных талонов, а то мои, ваши, вернее, — он вытащил из бумажника зеленые, с красной полосой карточки, — уже на исходе.

Мрачная тень легла на лицо Прогонова.

— Нет, — сказал Ярославцев. — Адрес секретного цеха на Пресне мне известен... там просто музей вещиков... так что это не провокация, а деловой разговор, означающий: за подобные услуги вы получите еще и солидные деньги. Шантажировать же вас своей осведомленностью я не намерен. Эта осведомленность — лишь залог и подтверждение моей благожелательности.

— А что означают, в свою очередь... солидные деньги? — спросил Прогонов с мягким сарказмом.

— Тысяч восемь... десять.

— Солидные? — переспросил Прогонов вежливо. — Вам не откажешь в чувстве юмора, дорогой гость.

— Бросьте паясничать! — Ярославцев рывком приподнялся из кресла.

Облезлые брови Прогонова вздернулись вверх, он засмеялся.

— Ну, право... Что за манеры? Вам-то уж не к лицу... Такой респектабельный господин...

— Вы правы. Извините. — Ярославцев вновь уселся в кресло. — Нервы. И вот еще... Главное. — Он вытащил паспорт Джимми. — Нужна копия. Один в один. Только с иной фотографией.

Прогонов достал из черепахового футлярчика небольшие, в позолоченной оправе очки. Полистал паспорт. Положил его на столик. Затем грустно и коротко заявил:

— Невозможно.

— Не приижайте высоту своей квалификации, — отмахнулся Ярославцев. — И... не вынуждайте меня прибегнуть к грубым приемам.

— Кстати, Матерый тоже сегодня меня навестил, — неожиданно поделился Прогонов. — И тоже — заказы впрок... Не такие, конечно... — Кивнул на паспорт. — Ординарнее, попривычнее... Значит, где-то запахло горячим. Да! — Оживился. — А почему бы Леше не представить вас мне в официальном порядке? И каким образом...

— Потому что вы — его капитал, — ответил Ярославцев. — Тайный и неделимый. А каким образом?.. Оперативная работа. А ее методы огласке не подлежат. Хотя какие там методы — сплошная импровизация...

— То есть вы совершаете воистину грабительское покушение на чужую собственность? — подытожил Прогонов. — Отличненько. Но почему десять тысяч? Таким, кажется, обозначен гонорар, не слышался? — Ладонью он бережно накрыл паспорт.

— Постыдитесь, Виктор Вольдемарович, — укорил Ярославцев. — Я ухожу из вашей жизни, оставляя вас в спокойствии и благодеянии. Вам бы уместно мне приплатить!

— Довод. Тогда, простите, вопрос сугубо интимного свойства: зачем вам именно туда? Я, к примеру, очень и очень всколыхнулся наслышан, будто у Леши есть один карманний челюстно-лицевой хирург...

— Мне нравится их пестрая, буржуазная жизнь, — сказал Ярославцев. — Я безоглядно романтичен. Я авантюрист. Достаточно.

— Странно... — позволил себе порассуждать Виктор Вольдемарович, не принимая во внимание подчеркнутую сухость ответа. — Странно... А мне их жизнь... не нравится. Смотрю ее каждодневно по видеоканалам — собственным, разумеется... не нравится. Все

деньги, деньги... Еще замечу: бездуховность и наплевательство на ближнего. Так это, так, права наша контрпропаганда. И преступность там — кошмар беспросветный! Не говорю о гангстерах; улицы просто заполнены шпаной! Если бы нашей доблестной милиции на денек такую бы нагрузочку, как тамошней...

— А вот мне как раз не нравится наша доблестная милиция, — сказал Ярославцев. — И прочие органы. Когда надо, а может, когда и не надо, работать они умеют. И возмездие неотвратимо, вероятно, вам знаком подобный афоризм?

— К делу. — Прогонов взял паспорт в руки. — Что значит ваше предложение? Побег за границу, измена Родине. Статья за номером 64, до смертной казни включительно. Это — о вас. Теперь обо мне, рабе боязни. Соучастие в упомянутом преступлении — раз. Изготовление документика — два. Тоже прилично... А я старый человек и хочу остаток дней...

— Вы старый мошенник, — перебил Ярославцев. — И извольте мыслить сообразно своему статусу. Да, между прочим: напоминаю об одном прикурке, месяц назад купившем немыслимую сумму западногерманских марок вашего производства... Очень грубо, извините, но вы меня вынудили... Теперь уясняете: я уеду, и все оборвется. Останется достаточно средств, чтобы жить честной жизнью, обывателя и испустить последний вздох... не в больнице на зоне, без возврата трупа родственникам, хотя у вас вроде один пингвин — истинно заинтересованное лицо...

— Вы невыносимы! — произнес Прогонов со стоном. — Но вам надо сфотографироваться... И не в ателье, что на углу...

— Когда?

— Думаю, послезавтра.

— Мы очень плодотворно и результативно поговорили. — Ярославцев направился в прихожую. — Срок вам — неделя. Удачи!

— Мне приходится, — Прогонов погладил по голове пингвина, любопытно высунувшегося из ванной в коридор, — пожелать удачи и вам. Удачи и... безвозвратной дороги.

— Одновременно мечтая: эх бы, да сверзился лайнер вместе с тобою из высей поднебесных на самую твердую почву земную! Да?

— Не секрет: люди греховны в своих помыслах, — сокрушенно развел Прогонов широкими рукавами халата. — Вы чудовищно правы...

С тем и расстались.

— Теперь — следующая встреча... — прошептал Ярославцев, поворачивая ключ в замке зажигания. — Тыфу-тыфу, но пока все в полном соответствии с намеченным планом. Перевыполнения его не требуется, а недовыполнение смерти подобно. Приписки же исключены!

СЛЕДСТВИЕ

Арест Воронова оказался в ходе следствия событием переломным. Далее действие развивалось вскачь, бешеным темпом, и я знал: это путь к уже различимому финишу.

Из НТО поступила интересная новость: после особо критической экспертизы удалось идентифицировать смазанные отпечатки пальцев с пыльной бутылки из под «Байкала», валявшейся среди прочих на балконе покойного Левы, с отпечатками, имевшимися в наплечниках в наших картотеках. — Монина Алексея, кличка Матерый... Сравнив фотографии «блондина» с фотографиями Монина, я без труда обнаружил сходство...

Встреча Матерого и Коржикова, состоявшаяся в пиццерии, была тщательно зафиксирована; разговор сводился к уничтожению вещественных доказательств по угонам, чем Коржиков впоследствии занялся, а также к выражению тревог по поводу расследования убийства Колечицкого...

— При чем здесь Лева! — шипел Коржиков, терзая ножом вязкий сыр пиццы.

— А «Жигуль» его? Вдруг — экспертиза? — спрашивали и рассуждали Матерый. — Почекр Толькин... В общем, заметай следы на базе-складе и отрывайся в бега. Паспортишко у тебя запасной есть, штемпели в порядке...

После встречи с Коржиковым Матерый пиццерию незамедлительно покинул, причем держался крайне настороженно, посему службе наблюдения пришлося резко изменить тактику, пользуясь информацией о маршрутах передвижения объекта через службы ГАИ и других наших коллег... Выяснилось несколько адресов, по которым Монин заезжал; «отработка» адресов началась тотчас же.

Коржикова задержали через два часа с поличным на базе-складе за городом. Получив весть о его препровождении в следственный изолятор, я неспешно принялся изучать всю имеющуюся на его шефе — Матерого информацию. Буйная уголовная молодость, где имел место инцидент с применением немецкого оружия — стародавний, до конца не выясненный, но существенный... Очевидно, имелся источник. Где-то

в Крыму, вероятно, оттуда все началось... За выцветшими строками архивных дел вставала судьба: изломанная, тягостная, беспросветная... Но не мог я сейчас думать о ней, это сбивало, рассредоточивало, мысли ползли не те, ненужные...

В принципе Матерого можно было брать смело: на верняка в «Волге» его остались улики, связанные с убийством нанятых в Ростове «бойцов», «Волга» же, как установили,— та, с места происшествия; доказательства причастности к рыбно-икорным операциям были неопровергимы... Но и я, и — что удивительно — начальство решили горячку не пороть. И каждый час дня сегодняшнего подтверждал целесообразность такого решения. Любопытные адреса открывал нам Матерый своими визитами, перспективные адреса! Визит первый был нанесен некоему Прогонову — реставратору и цинографу — фигуре, появлявшейся в зоне повышенного внимания различных административных органов, хотя и не более того. В кругах, близких к криминальным, витали неподтвержденные слухи о подделках им художественных ценностей, о фальшивых дипломах... Но если и грешил Прогонов, то очень и очень втихую, избегая контактов, не реагируя на самые выгодные предложения, оставаясь вне досягаемости закона. Так и жил-поживал: тихо-мирно, как инвалид труда, некогда надышавший опасной химии на типографском производстве, пенсионером. Пуганой, хитрой вороной таился на отшибе, патронируемый, уверен, проворными, хищными ястребами. Визит Монина к пенсионеру-инвалиду я посчитал событием знаменательным: занервничавшему злодею многое могло потребоваться от мастера — изготовление тех же документов...

Следующий визит был нанесен гражданину Лямзину, надомнику, ранее судимому по валюте. Лямзин являлся абонентом телефонного номера, по которому звонил Коржиков, беседуя тем не менее не с Лямзиным, а с Матерым... Круг знакомств и взаимоотношений, таким образом, начал очерчиваться по характерному радиусу.

При всей осмотрительности Матерый вел себя весьма рискованно. Но риск, полагаю, диктовался недоличкой опасности: Монин питал надежды на начальный этап следствия; арест Воронова сваливал на случайность, а ее, случайность, в свою очередь, ободряюще подтвердила неприкосновенность Коржикова... Словом, спровоцировать его на лобовые действия нам удалось.

В течение дня он дважды заправлялся; оперативные группы едва успевали контролировать его передвижения, то и дело требуя подкрепления. Информация поступала беспрерывно, и по мере поступления ее я с унынием сознавал: дело меняет окраску; оно чудовищно разрастается, и, главное, оно лишь в самом начале, ибо за встречами Монина забрезжило то, чем он занимался не по частностям, а в основном: теневая экономика... И я крепко заколебался в своих способностях и силах, оценивая предстоящую, огромнейшую по масштабам, работу. Матерый виделся как один из участников мощной, разветвленной системы, а какой окажется система в целом?..

— Ну вот, приехал домой,— разбитым, севшим голо-
сом доложил мне Лузгин уже ночью.— Еще один такой денек, и хана мне...

— По-моему, это аварийный режим,— успокоил я, в душе сильно лукавя.— В бега они намыливаются...

— Ясное дело. Кстати, новость из прошлого,— поделился Лузгин.— На протяжении долгих лет Монин — персональный водитель Ярославцева. И помяни, Саша, мое слово: он, Ярославцев, в этой игре если не ферзь, то уж не пешка. Последние встречи у Матерого сегодня какие, а? Все люди основательные, на хозяйстве. Придется призывать ОБХСС. Одну бригаду как минимум. Давай... пока! Башка разваливается по всем швам черепа. До завтра.

— Разрешите? — В кабинет вошел капитан Кровопусков из УВД, помощник Лузгина. Залыхавшийся, с выбившимся из-под кожаной, на меху куртки мохеровым комом шарфа. Вытащил конверт из кармана.— Только-только фото отпечатали... Ну, когда тот, Монин, по первому адресу приехал, мы тут же, около дома и сломались — с машиной что-то, карбюратор; час ковырялись... А человека, чтоб без дела не сидел, оставили для наблюдения — мало ли?..

— Ну-ну,— сказал я нетерпеливо.

— Вот. Монин уехал вскоре, а следом буквально — этот... — Капитан разложил снимки.— Любуйтесь. Машина его, дверцу открывает... — Кашлянул в шарф.— Ну мы, конечно бы, за ним, но карбюратор, черт! В общем...

— Техника подвела,— резюмировал я, разглядывая снимки.

После Монина Прогонова навестил Ярославцев...

ЯРОСЛАВЦЕВ

— Миша, сердечно рад видеть тебя... — Ярославцев жестом пригласил присесть рядом с собой в машине полного, дородного мужчины с загорелым, в резких

морщинах лицом.— Рассказывай, как живешь, дорогой, какие проблемы...

— Все по-прежнему,— обреченно вздохнул Миша.— По-прежнему нет главного: ума, здоровья и денег. Но... все завидуют, глупые люди.

— Понимаю тебя как никто,— рассеянно улыбнулся Ярославцев.— Э... Ты, конечно, удивлен нашим прямым контактом? Тогда сразу развею двусмысличество: есть срочное дело, Матерый вне его, а мне остро и быстро необходимы деньги.

Миша важно кивнул, подчеркивая полное осознание значимости слов собеседника.

Ярославцев тронул пальцем брелок, прицепленный к связке ключей, торчавших в замке зажигания.

— Знаешь, что за брелочек?

Миша, вытянув губы, мелодично посвистел. Тотчас брелок отозвался переливом мелодии свадебного марша.

— Очень хорошо,— констатировал Ярославцев.— Теперь слушай. Часть пластмассы и микросхем можно приобрести официально. Для подстраховки. Вдруг: откуда, что?..

— Азбука Буратино,— прокомментировал Миша.

— Пластмасса есть. Микросхемы есть. Макет брелока есть. Люди, задействованные на производстве — будущем, естественно, тоже есть. Все это я готов продать. Ты — цыганский барон, рынок сбыта у тебя свой, надежнее любой сицилианской мафии... По вокзалам и поездам побредут бесчисленные...

— Сколько стоит макросхема?— спросил Миша, раскуривая сигару.— Людишки твои... проверенные, а?

— Ручаться привык исключительно за себя,— мягко ответил Ярославцев.— О цене же так: много не надо, тысячи пятьдесят.

— Столько с собой не ношу...— Лицо Миши озарилось мрачноватой улыбкой.— Куда желаешь, чтобы камаль принесли? Когда желаешь? Какого человека желаешь, чтобы принес? Может, симпатичного желаешь?

— Завтра. В два часа дня. У меня дома,— отчеканил Ярославцев.— С людьми к тому моменту договорюсь. Координаты их тебе передадут. Послушание гарантировано безоговорочное.

— Ох,— вздохнул Миша.— Умная у тебя голова, Хозяин. Сколько брелков подарил этих, как спички дарил — не думал...

— Да если бы и думал. Не в брелоках деньги, а в людях. До свидания, Миша.

— Прощай, Хозяин.

Склонившись понуро над рулем, он стыдным взглядом исподлобья провожал грузную, в клетчатом, модного покрова пальто фигуру цыганского барона, усаживающегося на заднее кожаное сиденье своего загородного лимузина, фыркавшего выхлопом двухсот шестидесяти лошадиных сил.

Все. С мелочами сегодняшнего дня он покончил. Теперь предстояло главное: предстояло совершив насилие над собой... Впрочем, не было ли насилием над собой то, что совершило им сегодня? Да, но он ни перед кем не играл, никого не обманывал, действовал открыто, а вот сейчас начиналось тягостное и порочное...

Анна. Женщина, существующая как некий объект... чрезвычайного стратегического назначения. Объект, требующий неусыпного контроля и вклада средств.

Операция «Анна» началась год назад, когда он впервые ощутил приближающуюся грозу и начал жить ожиданием катастрофы.

Однажды заставил себя встать ранним утром, пойти на противоположный конец города, дождаться, когда из подъезда жилого дома выйдет малопривлекательная сорокалетняя женщина, сядет в «Жигули» и отправится на службу. А он последует за ней и на очередном перекрестке «неловко» перестроится из ряда в ряд, покорежив бампером крыло ее автомобиля.

С этого началось «знакомство». С ее истерических упреков, желания немедленно вызвать ГАИ, сильного душевного волнения, вызывавшего в нем едва сдерживаемый смех...

— Как вы думаете... во сколько обойдется ремонт?— тёплево спросил он, выслушав ее возмущенные притчания.

— Да тут... на две струны рублей...

— Очень хорошо. Вот две струны рублей. За моральные издержки. Расход по ремонту тоже беру на себя. Через три часа подъезжайте на станцию в Нагатино и там заберете свою машину.

— Я не могу через три... только вечером!

— Как скажете. А пока моя машина к вашим услугам. Техпаспорт в вещевом ящике.

Вечером, получив обратно идеально отремонтированный автомобиль с попутно устранившими дефектами, дама позволила себе, наконец, представиться Ярославцеву, как Анна, смущенно возвратив две струны рублей. Тот долго отказывался, а после весело предложил:

— Данный конфликт заслуживает того, чтобы его отметить где-нибудь, скажем, в «Арагви». Деньги мои, платите вы... Идет?

Отметили. Познакомились.

Так и появился объект... стратегического назначения.

Анна отличалась вздорным характером, благодаря которому растеряла все былье способности привязывать к себе мужчин и замкнулась в работе, обретя в ней смысл и опору. Занимала Анна ответственную должность в финансовом ведомстве Внешторга, связанную с крупными валютными суммами.

Отношения с любовницей развивались именно так, как Ярославцев и предполагал: в Анне все крепла привязанность к нему, и все острее желалось ей женского, обычного: надежного мужа, детей,— при полном, впрочем, понимании неосуществимости такого желания: возлюбленный имел семью, устоявшийся быт, прочный достаток и ничего, помимо тайной связи, не мыслил. Но и тем дорожила увядывающая Анна.

С блестательной небрежностью преподносились им сногшибательные по ценам подарки, играющи разрешали острые житейские проблемки... Одно угнетало Анну: не часто, как о том мечталось, навещал ее любимый, а мечталось... Да, о многом мечталось Анне! И как-то, превозмогая страх, рискнула она все-таки спросить его: могут ли они быть вместе? Как муж и жена. Ответа она ожидала любого, но услышала более чем внезапное...

— Не хочу тебе лгать,— ответил Ярославцев.— А правда же такова: в этой стране я не добился ничего. Короче. Страну я собираюсь покинуть. Ты же со мной не поедешь. Так?

Покинуть страну... Она не могла вымолвить ни слова. На том разговор и закончился. А после были бесонные ночи и какая-то деформированная реальность повседневности. Привыкла она к Ярославцеву, привыкла, как к наркотику, утрата которого, казалось, лишала жизнь всей прелести и аромата, всей радости и надежды, оставляя лишь голую, накатанную схему ее прошлого, пустенько бытия.

И разговор возобновился. И сказала она: готова идти за тобой куда угодно...

— Милая,— ответил он,— но и это не все... Я тоже еще о многом должен подумать. Ведь сломать судьбу себе — одно, а любимому человеку — другое.

...Сейчас, поднимаясь по узким лестничным пролетам типовой пятиэтажки, он старался настроить себя на бесстрастное продолжение игры, напрочь подавив какие-либо эмоции и вообще нравственность, отбросив такие понятия, как жалость, милосердие, подлость, жестокость... Он обязан воплотиться в робота.

Всю чепуху этих размышлений он оставил за двери. Начиналась игра. В любовь и трудно скрываемую озабоченность житейскими передрягами. И то, и другое Ярославцев в течение двух часов изображал довольно-таки убедительно.

В итоге сели пить чай на кухоньке, способной по чистоте своей соперничать с операционной.

— У тебя неприятности, да? — почувствовала она, с нежностью целуя его в шею.

— Присядь...— Он легонько отстранил ее. Выдержал паузу, напряженно и искательно глядя в глаза напротив: преданно-испуганные, как у собачки.— Я начал собирать чемоданы,— сказал, отвернувшись.

— А я?— вырвалось у нее растерянно.

— А тебе предстоит решить.

— Но я же решила... Я... Да, но каким образом? — озадачилась она.— Но... я не подавала никаких заявлений...

— И слава богу.— Ярославцев невольно усмехнулся. «Заявлений!»— Аня... Заявлений просто не примут. А билет и паспорт ты получишь... в неофициальном порядке. Это как раз несложно. Сложность в ином: нужны деньги. Уезжать туда голым смысла не имеет.

— Я все продам...— пробормотала она.

— Это пустая траты времени,— урезонил ее Ярославцев.— Золото и деньги не вывезешь. Но имеющиеся у тебя под рукой валютными документами ты воспользоваться в состоянии...— Он помедлил.— Да, это очень некрасиво с точки зрения закона и морали... от которых ты уедешь...

Ее глаза были стеклянно-безумны от страха, сомнений и тысяч вопросов.

— Я понимаю,— кивнул Ярославцев.— Те бумажки, что проходят через твои руки каждодневно, не более чем бумажки. И только усилием изощренной фантазии они представляются воплощенными в жизнь: в дом, машины, путешествия, прислугу... Но та, слишком другая для твоего понимания жизнь есть. И тебе в ней тоже найдется место.

Он замолчал. Он мог еще убеждать, живописать, давить, но муторный осадок всех предыдущих встреч неожиданно поднялся, комом встав в горле.

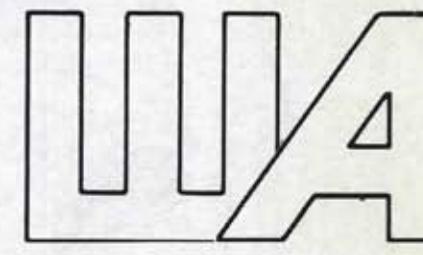
«Что ты делаешь?!— вырвалась обжигающая стыдом и болью мысль.— Опутил бабу, перевернул ей мозги, держишь ее под гипнозом, как удав мышку... Зачем? Это твое падение, не увлекай других. Если бы ты ее убил, и то было бы менее страшно...»

— Я пойду.— Ярославцев встал.— Тебе надо остановиться одной и подумать.

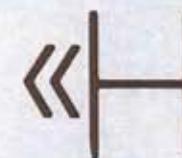
Она не ответила, замерев оглушенной.

— Это горько и нехорошо, Аня,— вымолвил он на прощание.— Но все иное... нецелесообразно. Пойми.

Окончание следует.

Андрей КУЧЕРОВ

у ладно. Слушайте меня! — вот где-то на этом уровне звучит, по-моему, политический посыл спектакля «Тень» по пьесе Евгения Шварца в театре-студии «Современник-2» (постановка Михаила Ефремова). Впрочем, о спектакле чуть позже, сначала — о тенденциях...

Наша актерская молодежь в подавляющем большинстве своем настырна, убого образованна и лишена малейших проблемок того, что можно назвать политическим сознанием, политическим неравнодушием. Это — наследие. Наследие многолетнего, стремительно-поступательного движения назад, которым было отмечено наше общество. Театр, как известно, самое чистое, совсем не кровое зеркало этого общества, его, можно сказать, лицо крупным планом. На этом лице легко прочитать все судороги, глупые или жизнерадостные ухмылки, оскал нездорового оптимизма, утюжность циничного равнодушия, одним словом, реакции на все болезни, грызущие организм. С болезненным лицом пришел наш театр в нынешний день. И разглядеть на этом лице что-то молодое, одухотворенное, яркое сложно. Отсутствует не только поколение молодых артистов, режиссеров, сценографов, но даже более менее значительный табунчик из отдельных юных дарований мысленно сколотить невозможно. Это факт, пусть и заявленный мной с безапелляционностью и пугающей гипертониками резкостью. Впрочем, и резкость, и максимализм идут порой от отчаяния: «дуреешь» от безысходности, от одиночества, от монотонной повторяемости общеизвестного. А «молодежная проблема», на мой взгляд — монотонная общеизвестность, «бермы» театральной ситуации последних десятилетий.

И тут вдруг молодежный спектакль, в котором на каком-то незнакомом мне уровне, с какой-то незнакомой точностью говорится о явлениях, которые в лучшем случае в молодежной театральной среде вызывали унылый скепсис или глупо-ленивый взгляд. Тут вдруг спектакль, который нравится мне именно своим «пришел, увидел... наорал», своей отчаянной попыткой включения в очевидный спор поколений, громко, как разбитая тарелка, звеневший в нашем обществе. Когда после спектакля «Тень» начинаешь понимать, что сказка Шварца стала нашей былью, начинаешь уважительнее относиться к отдельным представителям театральной молодежи и вспоминаешь слова Олега Табакова, который, обратившись однажды с ректорской трибуны к студентам Школы-студии МХАТ,

НЬНАЯ ЛАСТОЧКА

призвал их «читать газеты», а читая газеты, думать через это чтение о профессии. Совет изощренного театрального стратега — совет мудрый и своевременный. Значит, «Тень» — ласточка хоть и шальная, но не случайная. Так вот о тенденции...

Откуда ласточка вылетела? Естественно, не из гнезда буревестника, хоть он и символ. Тут модная нынче связь с историческим прошлым неуместна. Зато на подступах к суперновейшей истории нельзя не заметить явления, ушедшего в песок, на мой взгляд, совершенно понапрасну, не замеченного толком ни нашей проницательной, передовой и темпераментной критикой, ни нашим самым не читающим эту критику зрителем. Говорю я сейчас о постановке Марка Захарова «Ревизор», осуществленной несколько лет назад со студентами ГИТИСа, где Марк Анатольевич, верный одному из своих призывов, не только преподавал режиссуру, но и будил политическую активность будущих театральных работников.

Там уже, в работе над спектаклем Захаров сознательно ли, подсознательно, но почувствовал один из серьезнейших изъянов театральной педагогики, не ориентирующей юных воспитанников на «политические поступки» в творчестве. То есть, говоря совсем просто, педагогам театральных вузов (99 процентов из 100) даже в голову не могло прийти во время работы над этюдами сказать: «Родной, играя Городничего, думай хотя бы иногда о Рашидове, Щелокове, Чурбанове...» — и юные воспитанники, выпускаясь артистами, не выпускались гражданами в самом хорошем, активном смысле этого слова. Головы многих из них прокручивали сумасшедшие идеи по добыванию московской прописки, по доставанию шмоток, комбинировали варианты выгодных женитьб (или замужеств), выгодных карьер (уже не раз и не два выпускники актерских факультетов резво убегали на работу в комсомольские управлеческие аппараты, хотя, может быть, это и неплохо, если вспомнить начало карьеры Рональда Рейгана). Словом, актерские факультеты превратились, по-моему, в настоящие кузницы кадров, со всеми вытекающими отсюда «металлическими» последствиями: актерская психика в подавляющем большинстве становилась огнеупорной, тяжелой, холодной, легко превращаясь в рельсы, по которым несся бронепоезд театрального дела... стоя на своих запасных путях. Вина тут, конечно, не только педагогов театральных вузов, но иногда и стрелочник выывает виновником аварии, а от педа-

гогов, как и от всех учителей в этой жизни, зависит многое.

«Чистота» творческой подготовки обеспечивала «чистоту» сознания и тех, кто попадал в профессиональный театр, и тех, кто мыкался в поисках работы, хотя безработицы у нас нет. А все это к разговору о политическом театре, живой попыткой которого и стал спектакль «Тень», хотя речь сейчас не о нем, а о тенденции...

Мы хотим. Нет, мы привыкли хотеть. Чтобы наша молодежь — зритель — пришла в театры. Мы хотим этого уже так долго, что напоминаем людей, которые хотят тем больше, чем больше не могут. Не могут! А продолжают приставать... А молодежь в театры не ходит. Мы спорим, как сделать так, чтобы она пошла, и скрушаемся по поводу несуществующих успехов в несуществующей борьбе за молодого зрителя. Борьба давно перешла в разряд теоретической, поскольку практически она попросту не может осуществляться. Готов заявить с той же беспаллионностью, что молодой зритель никогда не придет в большинство наших театров, пока они будут населены теми же «жильцами», что и сегодня, пока организационная структура театров будет оставаться неизменной, несмотря на экспериментальные нововведения экономического порядка. На мой взгляд, художественные руководители большинства наших театров, подавляющая масса актеров не смогут найти общего языка с молодыми людьми, которые много лет занимались самовоспитанием, которые сверстники «сознанием отрицания» — отрицания многих провозглашаемых ценностей, идеалов, правды. Они развивались параллельно той жизни, про которую играли (а играя — впитывали) на театральных подиумах многие годы. Они, мягко говоря, не любили эту жизнь, не верили в ее законы, хотя она была прямым продолжением той, видимость которой всячески оберегалась. Они воспитаны протестом, причем протестом внутренним, «не вслух», а «про себя», и оттого более устойчивым, неуязвимым, глубинным. Надежда на то, что наши неповоротливые театральные организмы смогут переварить, прочувствовать этот протест и сделать его хотя бы отчасти своим, равна нулю.

Скажу больше: я бы не советовал молодым тратить время и силы на борьбу с большинством наших театров. К ним следует относиться почтительно и милосердно: ведь и Клодтова кони, прежде чем застыть, честно рванулись из-под узды... Дело в том, что диагнозы, которые ставят время, не отменяются людьми. Вряд ли нужно лечить или спасать застарелые театральные коллек-

тивы. Пусть они перестраиваются, пусть делятся, меняются главными режиссерами, пусть артисты становятся художественными руководителями, а художественные руководители возвращаются «в артисты». Не надо выдергивать стулья из-под людей, которые начинают пересаживаться: люди могут упасть на пол. Старый Арбат все равно никогда не станет новым Арбатом. «Современник» никогда не станет «Современником-2». Государственная премия редко еще становится «призом зрительских симпатий». А зрительские симпатии переходят в разряд государственных...

Так вот о зрителях. По-моему, существует неверная идея о том, что у каждого театра свой зритель. Это блеф. Девяносто процентов наших театров (из скромности беру только РСФСР) имеют одинакового зрителя, *нашего* зрителя. Его уже не растревожишь, ему уже все равно — смеются над ним или «вкалывают» в него проблемы. Он отличается «кошмарным душевным здоровьем», его уже не прошибешь. Этот зритель достоин своего театра, он бронзовеет вместе с ним и останется верен ему до конца. Не надо волноваться за эту категорию публики. Ей хорошо. У этой категории — свои критики, свои журналы, свои идолы. Свои дела. Наметившаяся творческая пропасть между поколениями бездонна, но и перескакивать через нее не хочется ни тем, кто на одном краю, ни тем, кто на другом. На практике давно уже идет в общем мирное сосуществование. Правда, и на той, и на другой территории стоят «громкоговорители», направленные друг в друга, из которых частенько несутся гневные слова и выкрики делового взаимопрения. Но это нормально, это привычно, и, даже убери «громкоговорители», жизнь на обеих территориях покажется скучной. Ситуация в «государствах» характеризуется следующим образом: в «молодом» государстве **ждут, в «главном» к власти приходят сорокалетние**. Они — сорокалетние — истомились в ожидании этой власти и потому считают ее законной и естественной. Только вот, к сожалению, именно по этому возрасту, по большинству его представителей, прошло, на мой взгляд, наибольшее количество противоречий и трещин времени. К сожалению, именно эти люди (за редким исключением) не могут стать ни яростными «сталинистами», ни яростными «горбачевцами», они — нейтральная полоса «государства», та самая трещина, которая и разделяет пропасти. Но все это о тенденции, которая подготовила вылет «шальной ласточки» — спектакля «Тень» в театре-

студии «Современник-2»...

Почему наши юные сограждане яростно исповедуют «религию» под названием «рок-музыка», затрачивая архи-производительную энергию на то, чтобы попасть на концерты любимых команд? Дело еще и в том, что «любимые» поют остросоциальные тексты. Дело еще и в том, что «любимые» (самые популярные и самые жизнестойкие из них) не просто «читают газеты», но уже давно были готовы к тому, чтобы именно это в сегодняшних газетах читать. Сегодня они услышали и увидели то, о чем давно уже пели в своих песнях, и когда они вышли из подвалов на улицы и стадионы, то оказались самыми первыми «перестройщиками». Отсюда (но не только) и идет их популярность. В общем, «любимые» уже раз и навсегда ответили для себя (и для своих слушателей) на основные вопросы о причинах всех бед нашего общественного строя, и их не удивишь громкими разговорами об этих причинах (хотя честнее будет сказать — громкими намеками на причины, так как суть наших общественных пороков до сих пор остается «за кадром»), которые разносятся нынешними глашатаями новых идей. «Любимые» уже давно прочитали «книгу», которую им рассказывают сегодня своими словами с помощью газет, радио, ТВ. Другое дело, что, ответив на вопрос о причинах, они (как и все остальные тоже) не знают, что предложить взамен, где выход. Но, во-первых, это — **другое дело**, а во-вторых, быть может, на каком-то отрезке времени важнее расстаться с иллюзиями, нежели торопливо громоздить полуиллюзии или новые иллюзии. Ведь когда гниют трубы отопления, глупо класть на дыры многочисленные заплатки — прорвет в другом месте. Надо менять систему.

И еще — о причинах популярности «любимых» у молодежной аудитории. Они смогли предложить для своих сверстников оригинальную, понятную, родную стилистику диалога, ассоциаций, систему образного мировосприятия, мировоззрения и прочих точек отсчета во взаимоотношениях с жизнью. Потому, кстати, так «взъерошились» некоторые наши писатели, поэты, композиторы, просто деятели. Они получили — и совершенно справедливо — опасность, которую несет культура воспитанных «сознанием отрицания». Они отлично поняли, если ее не загнобить, лет через пять — семь она даст асфальтопробиваемые всходы, и большинство потребителей культурных ценностей составят те, кто не только входит в «поколение протеста», но и те, кто готов усваивать эстетику этого поколе-

ния: новую стилистику, новую образность, новых героев. Рано или поздно, но организм, уставший от реанимации дутых ценностей, отторгаемых всемирной природой, как аномалия, легко впитывает новые ценности, а вернее — естественно обусловленные развитием все той же всемирной природы. А новое, то есть естественное, некоторые наши «официально признанные» писатели, большинство режиссеров и актеров дать не могут, не в состоянии, даже если подвести под их творческие ноги принципиально иную систему экономических отношений. Подавляющее большинство молодежи все равно не пойдет на спектакли по пьесам Боровика, Михалкова и других, жаждущих сценической славы, но глуховатых на современные «ритмы» творцов. Экономика, возможно, определяет сознание, но только не творческое. Вот и — долой рок! Вот и «дорогу — молодым!» на словах, а на деле — побыстрее захлопнуть дверь, отдавив молодым пальцы. Вот и слышишь сегодня: зачем дали театр Ефремову-второму? Пусть он сначала лет десять пострадает (мы-то ведь страдали!), а там посмотрим. Но все это не о Ефремове-втором и даже не о спектакле «Тень», а о тенденции.

Нужен ли нам сегодня молодой сценический герой? Или героиня? Которой лет двадцать и которая выпадает, например, из серии душевно здоровых (несмотря на внешнюю экзальтированность) кинодевушек артистки Догилевой? Почему я выдеваю именно эту артистку со скамейки не пожилых еще талантов? Ну, вообще-то она мне нравится. Я нередко заглядываюсь на работниц прилавка, они для меня все на одно очень красивое лицо. А во внешности Догилевой тоже есть этакие чертовски милые моему сердцу черты, свойственные среднестатистической красавице из сферы обслуживания. Я это совершенно серьезно, между прочим. Без всякой иронии и неискренности. Кроме того, Догилева, как я уже сказал, молодая, и потом, ее творческая судьба — немой укор моим первым выпадам насчет отсутствия молодых состоявшихся судеб. Т. Догилевой удалось создать (правда, на кинозерне) целый ряд полюбившихся зрителям душевых образов наших юных современниц, отразивших свою психическую, душевную и духовную организаций результат целенаправленного естественного отбора среди людей нашего общества, большой временной пласт поступательного жизненного движения. Но ее героини как-то быстро, на мой взгляд, устарели. Как-то вдруг выпали (подчеркиваю — это всего лишь моя очень сомнительная версия!) из обоймы, как неизрасходованные холостые патроны, подобно выпадающим из той же обоймы «холостым» лозунгам, уводящим человеческое сознание в течение многих лет в выгодные кому-то и якобы прогрессивные сферы. Короче, чтобы не запутаться самому в словесных выражениях, сформулирую (больше для себя) так: героини Догилевой настраивают на опасные и очень клейкие мысли о том, что все беды нашего общества связаны с плохими торговыми работниками или («Мелодия для флейты») с бескорыстно любящими, но непонятными медсестрами, способными одними губами вдохнуть новую жизнь в умерщвленных чиновников для их же пользы. Растоптанная голубиная душа медсестрички — вот источник молодежных проблем, а ее гуманные губы — политическая активность поколения. Но сегодня стало бесконечно понятно: глупо ругать официанта из-за ущербности предвыборных кампаний, глупо скандалить с парикмахером из-за повышения цен на продукты питания. Словом, героини Догилевой, возвращенные на антагонизм любви и сантехники, устарели сразу же после XXVII съезда партии, даже несмотря на то, что с «Флейтой...» мы познакомились много позже. Они были как бы настигнуты волнами неожиданно взбрыкнувшей жизни,

расторвались в этих волнах, толком не успев пожить в нашем сознании. Артистка лишь констатировала появление довольно-таки узкой социальной группы людей, появившихся в результате упрямого игнорирования в нашем обществе мировых экономических законов. В ее «продавцах» и «медсестрах» узнаешь жадно живущих, грызущих, за-комплексованных работников прилавка и быта, лишенных, по-моему, главного — желания подключаться к политическим сферам жизни. Этаких крепких девушки никогда не примут и не сделают «своими» те, кому сегодня где-то в районе «двадцатника», уже потому, что «те» гораздо умнее, ироничнее и — злее (!) в осмыслении жизненных процессов и духовных ценностей. Одним словом, нынешние молодые не пойдут с героями Т. Догилевой в разведку. В лучшем случае они им посочувствуют или ухмыльнутся над их душевными переживаниями и беззащитной простотой мыслей, чтобы моментально их забыть, по новой окунувшись в проблемы своего «материка».

Герои сегодня нужны другие, не прежние. Но вот какие? Возможно, слияние воедино из образа жизни и образности мысли Бориса Гребенщикова? Из политического максимализма и нравственной чистоты Алексея Ковалева (лидер ленинградской группы «Спасение», отстаивающей сохранение исторического облика родного города)? Из творческого сумасшествия Андрея Ташкова (актер театра имени А. С. Пушкина)? Из растерянности, агрессивной самозащиты, непримиримости вернувшегося «афганца»? Из наивных девчушек, живущих в Салехарде и мечтающих о черных колготках? Из отчаяния покончившего с собой Александра Башлачева — ленинградского рок-барда, не сумевшего стать «катком для укладки асфальта», прорызившимся через заборы «зачем Ефремову-второму дали...», и так далее? Словом, нужен герой, собранный из наворотов характеров ныне живущих молодых людей, которые уже сегодня ведут за собой множество других молодых людей. Если такой собирательный характер появится на сцене, он, наверное, будет интересен. Шанс по меньшей мере есть. Но вот нужен ли такой герой большинству наших театральных «семей»? И вот тут «собака зарыта». Именно тут. Под этим вопросом. Дело в том, что новый молодой герой на сценических подиумах в ближайшее время не появится. Его туда просто не пустят. Задавят большинством. И тех, кто попытается ему помочь, тоже задавят. И тоже большинством. Затопчут. Вместе с Городничим, то есть с Главным Режиссером во главе. А теперь — по порядку...

Большинство трупп, давно поселившихся в наших многочисленных и многонациональных театрах, состоит из актеров далеко не первой молодости. К счастью, среди артистов мало гориц, а значит, мало долгожителей, поэтому планка самого распространенного актерского возраста в театрах застыла где-то в районе сорока. 40 лет — тот возраст, когда человек понимает (это характерно для нашего своеобразного государства) — или все, или ничего и рвет свой кусок зубами, сражаясь за него с яростью гладиатора, которому дарована иллюзорная надежда на жизнь. Но «кусок» этот (что естественно) никогда не будет «состоять» из молодежных проблем, сорокалетний артист никогда не возмечтает о роли двадцатилетнего чудака, поющего про «скованных одной целью» и кидающегося под колеса самосвала, везущего отбойные молотки для сноса «Англетера». Сорок лет — это сорок лет, и жизненный конформизм в этом возрасте все-таки заедает. Философствовать, протестовать и «спотыкаться об себя» хочется, но не меньше (а может, больше) хочется иметь машину, дачу, красивую жену, большую зарплату, зарубежные поездки и хорошие роли, а главное, как заметил один шутник из

театральных, «чтобы всего этого не было у твоего коллеги». Этот устойчивый актерский рефлекс — продукт нашего специфического государственного развития — весьма, по-моему, силен среди основного большинства «жителей» отечественных «кафедр», с которых много добра можно сказать людям. Так что не до вольного «молодежного жиру» взрослым артистам наших театров. А конкретнее: если на худсовете будет читаться пьеса, где есть полноценный молодой герой, которого может сыграть только двадцатилетний актер, эту пьесу обязательно зарубят. Театр психологически, идеально, нравственно, материально не готов принять и осмыслить (или создать условия для его появления) образ реального молодого человека, со всеми наворотами его странностей и «диких» умозаключений, со всей его «агрессивной» пассивностью и циничным приступом спокойных, холодноватых глаз, с его вызывающим чувством самоиронии и ироничным отношением к святыням, на которых выстраивались (как теперь выяснилось) карточные домики сознания многочисленных представителей старшего поколения. С его образностью мышления, лексикой, категорическим отрицанием видимого благополучия страны, которые являли ему в речах и лозунгах. И, наконец, с его желанием «забраться повыше», чтобы там, «повыше», заняться реформаторской деятельностью. Речь опять-таки идет о тенденции, а не о спектакле «Тень», благополучно делающем сборы в театре-студии «Современник-2»...

Мне нравятся мудроватые высказывания театральных корифеев про то, что-де, они, корифеи (и театр заодно с ними), не торопятся выдавать новые произведения. (Однако активно достают из столов опусы синглазой юности.) Надо, мол, подождать, осмыслить процессы, происходящие в обществе, разобраться и потом напророчить их последствия, сосредоточивая при этом главное внимание на душе человека, его сознании. Что касается пророчеств про душу и сознание, то зависят они целиком от того, кто победит сегодня, чья «перестроечная концепция» возвьмет верх, — тех, кто предлагает наложить на прогнившие трубы очередные заплатки, или тех, кто предлагает сменить сами трубы вместе с бригадой сантехников. Но речь о другом. Пусть корифеи не торопятся, пусть ждут, осмысливают, прогнозируют, торопливо выезжают за рубеж, чтобы пристально изучить опыт контрастных капиталистических стран. Но пусть при этом «между прочим» не дергают за ноги выплывших на поверхность творческого океана (или лужи) молодых, у которых уже сейчас есть что сказать про будущее, у которых давно созрело то, о чем корифеи только начинают догадываться. Я понимаю, что мое «пусть» — призыв утопический, ни у кого не найдется смелости заявить, что, например, спектакли Людмилы Рошкован в театре-студии «Человек» гораздо полезнее нынешнему масовому зрителю, нежели продукция двух театров МХАТ, имени Вахтангова, на Малой Бронной и Малого, вместе взятых. Это невыгодно большинству корифеев театрального дела, и никогда еще они не испытывали такой потребности в сплоченности, как сегодня. В отличие от них «шальные ласточки», увы, не сбиваются в стаи. Они летают порознь, непредсказуемо и торопливо, не понимая подчас, где небо, где земля, где истина. И все же нервные росчерки их отчаянных полетов заставляют иногда задирать голову и, вздрогнув от неожиданности, подумать: а ведь когда-нибудь заискрит, ох, заискрит на нашем задымленном творческом небе.

«Такие дела, хозяин!», — поет Константин Кинчев, и я мысленно присоединяюсь к его песенному философскому общению, заканчивая этот материал о тенденции и о спектакле «Тень», который Михаил Ефремов поставил в театре-студии «Современник-2».

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

О «белых пятнах»
и «закрытых
темах».
Размышления
публициста.

«Голубой город»
Нижнекамск.
Фотоочекрк.

Аркадий Ваксберг:
«Перед законом
все равны».

Фоторепортаж
со дна моря.

Артек.
Убогость
за роскошным
забором.

Представляем
группу «Бригада С».

30-я шахматная олимпиада

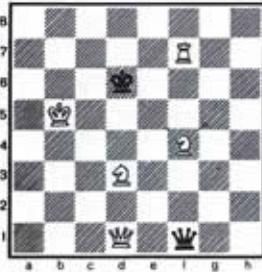
Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

В сегодняшней подборке — трехходовые миниатюры с черным ферзем.

А. Барбера

1948 г.

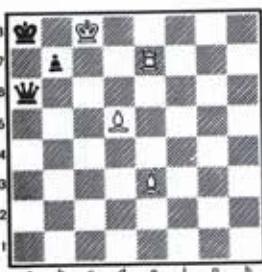
Мат в 3 хода

1. Fd2 Fb1+ 2. Kb2+ Fd3+ 3. Kc4x!

Предельно лаконично и четко представлена острая и трудная для воплощения в миниатюрной форме тема перекрестных шахов. Красивый финальный правильный мат связанным конем!

М. Липтон

1956 г.

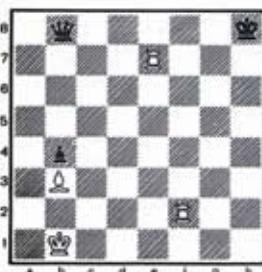

Мат в 3 хода

В начальном положении на три шаха белому королю заготовлены ответы: 1... Fc4+ 2. C:c4, 1... Fc6+ 2. C:c6, 1... Fe6+ 2. C:e6 с матом.

После 1. L:b7 (цугцванг) ответы на те же шахи меняются: 1... Fc4 (c6)+ 2. Lc7+, 1... Fe6+ 2. Ld7+.

О. Вюрцбург
1941 г.

Мат в 3 хода

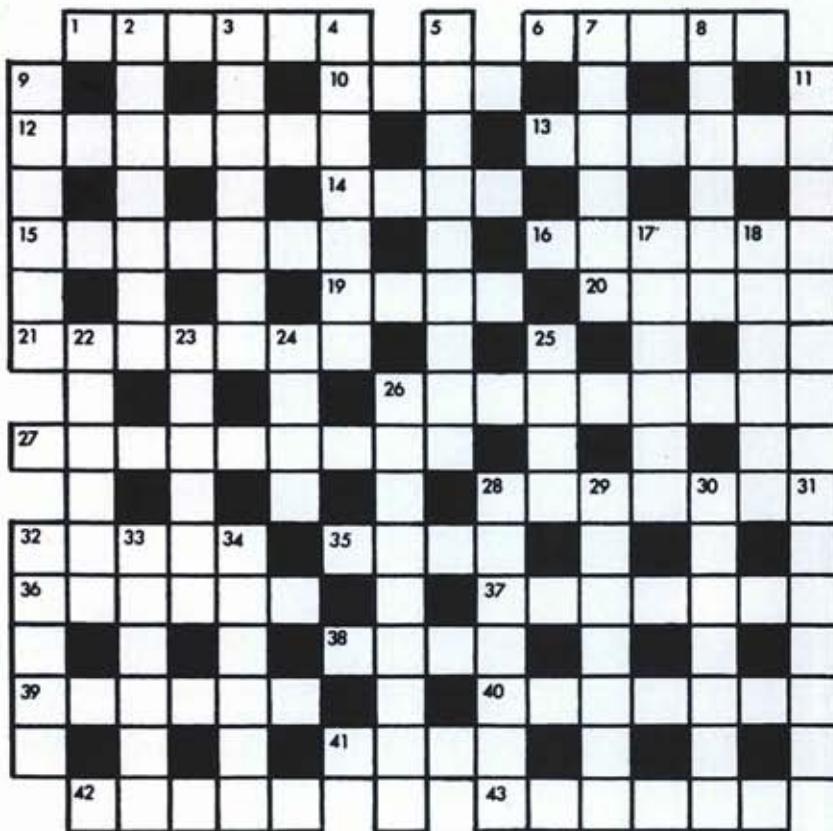
В этой классической миниатюре основное содержание — в ложных слеждах. Белая ладья и черный ферзь ведут хитроумный поединок по всей доске!

1. Lg2? Fg3!, 1. Ld2? Fd6!, 1. Lc2? Fc7!, 1. Lf1? Fa8!, 1. Lf3? Fc8!, 1. Lf5? Fe8!, 1. Lff7? Fg8!, 1. Lf6? Ff4!

И все же побеждает более слабая фигура. Решает красивый фланговый маневр — 1. La2!! и черный ферзь не в состоянии удержать поля a8 и h2.

КРОССВОРД

Составил В. Ивашин, г. Переславль-Залесский

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Отросток у бактерии, средство передвижения. 6. В старину свидетельство об отсутствии родства между вступающими в брак. 10. Первый мушкетер, с которым д'Артаньян должен был сразиться на дуэли. 12. Направление в физиологии, сформулированное трудами И. Сеченова, С. Боткина, И. Павлова и его школы. 13. Эталон остроты. 14. У азербайджанцев в древности — озан, у армян — гусан (современное название). 15. Город, на западе США. 16. Народное название кувшинки. 19. Приток Мокши в Мордовии. 20. Самоцвет, символизировавший, по старым поверьям, дружбу. 21. Русский создатель (в конце прошлого века) реконструкционного аппарата, который силой ветра поднимался на тележке по канату запущенного змея. Затвор срабатывал на заданной высоте с помощью электромагнита. 26. Район, где 25 октября

1941 года З. Сорокин таранил фашистский самолет, после чего сам почти неделю пробыл в снежном плену. 27. Один из шести комсомольцев, совершивших в 1935 году за 127 дней поход на байдарках от Байкала до Москвы через 17 рек и озер. 28. Деятель чешского и словацкого национального движения 30—40-х годов прошлого века, пропагандировавший идеи «славянской взаимности». 32. ... под солнцем (прочное, высокое положение в обществе). 35. Нижняя «одежда» судна на воздушной подушке. 36. Ребенок. 37. Эпитет, которым с bravадой награждали себя С. Есенин и В. Маяковский. 38. Обычный персонаж в сказках братьев Гримм. 39. Степень родства. 40. Пробел в воспоминании. 41. Человек, который должен «осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин» (К. Рылев). 42. Птица, обычная летом возле «скамьи Онегина» в Тригорском. 43. Река на севере Якутии.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Музикальный инструмент, который в начале 20-х годов охаял Д. Бедный, а через несколько лет с пафосом воспел А. Жаров. 3. Герой средневековой легенды, воспевшей его любовь к Изольде Белокурой. На сюжет легенды собирались написать историческую драму А. Блок. 4. Один из летчиков, спасавших экипаж парохода «Челиускин». 5. Графическая разновидность письма в славянских рукописях. 7. Птица, с которой охотились даже на волков. 8. Герой басни И. Крылова «Вельможа» — родился в Персии, а чином был...». 9. Румынский композитор и исполнитель, не раз выступавший с Д. Ойстрахом. 11. Охотничий помост. 17. Цветочный «рай» в лесу. 18. Селение, где в 1792 году войска революционной Франции впервые разбили

австро-прусских интервентов и французских роялистов. 22. Лакейская одежда, которую терпеть не мог Петр Первый. 23. Азарт, увлеченность работой. 24. Один из цветов, из которых в Древнем Риме делали высококачественные духи. 25. Черкеска с рукавами до локтя. 26. Совокупность животных, обитающих на морском дне и в донном грунте. 28. Игра, из-за которой Л. Толстой на Кавказе опоздал на караул и не только не получил серебряный крест, которым был награжден, но и попал под арест. 29. Ряд, шеренга. 30. Русский общественный деятель, экономист. Организовал статистику металлургической промышленности России. 31. Напиток, за которым послали в рассказе А. Чехова «Беда», когда кончились мадера. 32. Опера-балет Н. Римского-Корсакова. 33. Одна из птиц, чьи голоса создают основной звуковой фон нашего леса. 34. Мясной продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Сциофит. 7. Литра. 10. «Хорошо!». 11. Нанбук. 12. Панно. 13. Ювенал. 14. Массив. 16. Афера. 20. Андантинно. 24. Иллубабор. 28. Караптау. 29. ...ракетка... 30. Кульев. 31. Сурдина. 34. Термолара. 37. Кинотеатр. 40. Аннам. 42. Жасмин. 43. Футбол. 44. «Иерма». 45. Погреб. 46. Лингис. 47. Омичи. 48. Югослав.

По вертикали:

2. Целоплана. 3. Остенде. 4. Изаномала. 5. Моевка. 6. Корнет. 8. Энеску. 9. Чумиза. 15. Затрата. 17. Фортран. 18. Ритмика. 19. Гравюра. 21. Дукер. 22. Нетто. 23. Икаса. 25. Лукан. 26. Булат. 27. Бонза. 32. Уранобирг. 33. Нимфаляда. 35. Мрамор. 36. Поморы. 38. Октант. 39. Ежовик. 41. Нарцисс.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

Смена / 88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1473) ОКТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерк.
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 19.08.88.
Подписано к печати 01.09.88.

А 11770. Формат 70 × 108 1/4.

Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.

уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 21.7.

Тираж 2 025 000 экз.

Заказ № 2975.

Ордена Ленина

и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».

125865, ГСП, Москва, А-137,

улица «Правды», 24.

Фото Игоря Гранковского

Готовы ли вы честно отвечать на вопросы?

— Всегда готов. А готовы ли вы мои ответы напечатать?

Ради чего вы работаете?

— Ради собственного удовольствия и содержания семьи.

Как вы относитесь к тому, что попали на обложку нашего журнала?

— Положительно.

Кого бы вы хотели увидеть рядом с собой на обложке?

— Никого.

Завидуете ли вы успеху другого человека?

— Нет.

Нужно ли говорить правду «в лицо»?

— Нужно, но я на это не способен.

Если у вас все плохо: не ладится работа, не устроена личная жизнь, расшаталось здоровье и т. д.— что вам помогает в таком тяжелом состоянии?

— ...и разговор с другом.

Если бы вы встретили инопланетян и они предложили бы вам отправиться вместе с ними, вы согласились бы?

— Сразу.

Можете ли вы назвать нечто такое, что, по вашему мнению, характеризует конец XX столетия?

— Цифры — 1988, 1989 и т. д.

Какое противоречие времени вы считаете главным?

— Я слишком мало жив, чтобы понять это.

На вопросы

анкеты

отвечает

артист

Что вас раздражает в людях больше всего?

— Ложная значимость.

Кого из героев литературы вы сами себе напоминаете?

— Акакия Акакиевича Башмачкина («Шинель» Гоголя).

На улице вы встречаете самого обычного советского человека, и он предлагает: деньги, популярность, должность, поездку в Париж... Что из перечисленного вы предпочтете всему остальному?

— А разве самый обычный советский человек может такое предложить?

За что вас когда-то принимали в комсомол?

— За то же, за что и вас. Очень хотел быть в первых рядах советской молодежи...

Что вы больше всего цените в самом себе?

— Любовь к семье.

Любит ли вас собаки?

— Как вундеря...

Какие качества определяют, по-вашему, «мужское начало» в мужчине?

— Его отношение к женщине, к матери.

А еще?

— К детям.

А еще?

— К друзьям.

Сколько, по-вашему, должен получать мужчина ежемесячно, чтобы обеспечить любимую? Минимум? Максимум?

— Минимум исключен! Все деньги мира, во всех валютах!

А сколько получаете вы?

— Я не получаю. Я зарабатываю.

Ваша любимая женщина-режиссер, женщина-актриса, женщина-композитор, женщина-певица, просто женщина?

— Нет. Нет. Нет. Нет. «Просто женщина» — мать, дочь, жена.

Назовите лучшие качества вашего характера, которые вы охотно передали бы любимому человеку?

— Трудолюбие.

А какие из них вы не пожелали бы иметь даже врагу?

— Честно отвечать на вопросы. Согласны ли вы с небесспорной мыслью о том, что в мире все делается во имя женщины?

— Согласен.

Почему?

— Сам так поступаю.

Окажись вы на месте Адама и откусил бы то самое яблоко, которое протянула Ева, какую первую фразу вы произнесете?

— Ура!!!

При каком условии вы были бы готовы отказаться от профессии?

— Таких условий у меня быть не может.

Чье мнение о вашей работе наиболее значимо для вас: руководителя, коллеги, друга, родственника?

— Мое собственное.

Какую роль вы НЕ хотели бы сыграть?

— Руководителя.

Кого бы вы никогда не пригласили к себе в сценические партнеры?

— Большого «звездной» болельщика.

Какой совет вы хотели бы дать человечку, под руководством которого работаете?

— Я не работаю под руководством.

И последний вопрос: о чем мы вас не спросили?

— Как я себя чувствую.